

РОБЕР ДЖ. ГОЛЬЯРД

НАСЛЕДСТВО
КАМЕННОГО
КОРОЛЯ

Сказания о Корнваллисе

18+

Робер Дж. Гольярд
Наследство Каменного короля

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Робер Дж. Гольярд

Наследство Каменного короля / Робер Дж. Гольярд — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Первая часть тетралогии «Сказания о Корнваллисе» Королевство Корнваллис. Страна первородных князей, наёмников и бюргеров, величественных замков и крестьянских хижин. Страна людей и тех, кто прячется в Тёмных лесах. Время войн, интриг, заговоров и предательств. Время, когда блеск и роскошь королевского двора готовы померкнуть под натиском могущественных врагов, а простой люд со страхом взирает на Гриммельнский Вал, за которым нечто ожидает своего часа. Но те, в чьих силах противостоять злу, ныне вне закона. Эпоха перемен – глазами четверых друзей. Когда-то двое юношей и две девушки росли в замке Хартворд, последней преграде на пути чудовищ. Теперь им предстоит пережить то, что приготовили для них боги. Один станет знатным эорлином – и дорого за это заплатит. Другой исполнит свою мечту о странствиях, но будет вечно тосковать по дому. Третья в безумной жажде мести повергнет королевство в бездну хаоса. Четвёртая - выдержит всё. Но пока никто из них не знает, что сулит им будущее.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Джош	13
Глава 2. Монета и ключ	18
Глава 3. Рич Беркли, граф Клеймор	24
Глава 4. Алиенора	32
Глава 5. Дверца открывается	40
Глава 6. Дрого	46
Глава 7. Дом Финна	52
Глава 8. Знак богов	59
Глава 9. Граф из сундука	64
Глава 10. Новые подданные	72
Глава 11. Бланка	78
Глава 12. Из Хартворда	82
Глава 13. «Длинная Лошадь»	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Робер Дж. Гольярд

Наследство Каменного короля

Пролог

Их осталось всего шестеро, не считая его высочества.

Не считая тех, что спали сейчас вповалку возле костра, еще утром были живы Гулхад, Морган и Кевин – совсем молодой паренек, непонятно каким образом затесавшийся в компанию испытанных вояк.

В середине дня отряд оказался на берегу узенькой речки, в месте тихом и девственном, как и весь Гриммельнский лес. Черноватого цвета вода, журча и булькая, текла меж валунов под сенью вековых деревьев, ветви которых почти смыкались над серединой русла. Сотник Кернан вдруг поднял вверх руку, одновременно приложив ладонь другой к губам. Кусты на той стороне зашевелились, и на берег выползло нечто похожее на большую ящерицу. Следом – еще одна. Рыча друг на друга, твари принялись копошиться среди валунов. Каждая не меньше пяти-шести локтей длиной, не считая чешуйчатого хвоста; лапы оканчивались огромными когтями.

Кевин тихонько тронул плечо Грейвса.

– Это – *тени*? – еле дыша, спросил он.

– Дурень, – откликнулся сидевший рядом Гулхад. – Тени – они бестелесные, это все знают. А это просто звери.

– Мясо, – задумчиво добавил Утер. – А ну-ка, я их сейчас...

И он принялся натягивать лук.

– Не смей! – грозно шикнул Кернан. Но было уже поздно: ящерицы подняли головы и, шипя, уставились на камни, за которыми прятались наемники. И, стремительно сорвавшись с места, ринулись по мелководью прямо на них.

– Солдаты... – негромко произнес герцог.

Четыре или пять стрел немедленно вонзились в ближайшую тварь; захрипев, та свалилась в воду. Вторую это не остановило: необычайно длинным прыжком она легко перемахнула через валуны и тут же забилась в смертельной агонии, напоровшись сразу на несколько мечей.

– Хех! – радостно гаркнул Утер. – Тоже мне – чудовища из Гриммельна. Мальчишка бы справился...

Столпившись вокруг, наемники с удивлением принялись рассматривать диковинное животное.

– Дирк, Морган, – скомандовал Кернан, – тащите сюда второго. Надо попробовать разделать. Может, съедобно.

Сделав всего несколько шагов, те вдруг напряженно остановились.

– О, боги...

Кусты и дерева на той стороне раздвинулись и из густой зелени показались сразу с десятком ящериц; их красные глаза, мигая вертикальными веками, не отрываясь смотрели на людей. Потом еще. И еще. Не меньше двух-трех дюжин тварей, хрипя и медленно ступая перепончатыми лапами, выползли на берег.

– Проклятье... – выдохнул Кернан.

И тут же все смешалось. Крики и ругань наемников, звериное рычание и летящие во все стороны куски окровавленной плоти. Огромный меч герцога описывал в воздухе свистящие фигуры; Руадан, отчаянно матерясь, пытался достать кинжалом мелкого ящера, вцепившегося ему в спину; Морган сосредоточенно терзал тесаком уже полумертвую тварь, держа другую за горло. Кожаный камзол висел на нем клочьями, а длинные когти извивающегося монстра

раздирали его бок. Краем глаза Грейвс заметил, как штук пять зверюг, повалив несчастного Кевина на землю, вгрызлись в его тело. Глаза заливало кровью, и Грейвс разил врагов почти наугад.

Они потеряли троих. У Гулхада было перегрызено горло, Морган умер спустя полчаса, а от Кевина вообще почти ничего не осталось: страшные твари сожрали его чуть ли не целиком. И еще четырех лошадей. Но те хоть не зря подошли: то, что не успели растащить ящеры, солдаты разделили себе на жаркое.

Похоронив мертвых и на скорую руку перевязав раны, они тронулись в путь, остановившись только на ночь, уже в десятке миль от места побоища.

А на следующее утро герцог вновь повел свой отряд вглубь Темного леса.

* * *

– Сир... позвольте сказать...

Сотник нерешительно приблизился к человеку, в одиночестве сидящему возле догорающего костра.

– Что, Кернан? Говори.

– Народ шепчется, милорд...

– Вот как? И о чем же?

Солдат ничего не ответил, и продолжал стоять, опершись на древко алебарды. Он был уже не молод; темные глаза внимательно смотрели на герцога.

Тот поднял голову.

– Понятно. Зови всех сюда.

Спустя пару минут отряд собрался возле костра. Их осталось всего шесть человек, беспокойно переминающихся с ноги на ногу. Тусклый свет тлеющих углей едва освещал фигуры в полном воинском облачении: несмотря на ночной час, все красовались в кожаных колетах с металлическими бляхами, на поясах висели мечи, в руках зажаты короткие копыя или рукояти секир.

Герцог не спеша подбросил в огонь несколько веток хвороста и обвел наемников хмурым взглядом. Глубокие морщины на лице выдавали его возраст; волосы, расчесанные на прямой пробор, удерживались на голове кожаным ремешком; длинные, на солдатский манер, седые усы свешивались по обеим сторонам рта. Подобно своим солдатам, он был полностью вооружен; меч и рыцарский шлем лежали рядом на земле.

– Вы что-то хотите мне сказать?

Те напряженно молчали, разглядывая носки своих сапог.

– Позвольте, я скажу, ваша светлость. – Кернан еле заметно поклонился. – Они боятся.

– Высочество, Кернан, высочество, – несколько устало промолвил герцог. – Мог бы уж за три десятка лет запомнить... И чего же они боятся? И почему не сказали мне это две недели назад? Я бы взял с собой других людей.

Кернан обернулся.

– Маэрин, говори. Ты больше всех там жужжал.

Тот, кого называли по имени, поднял голову.

– Мы боимся, господин, – нерешительно начал он. Покусывая губу, Маэрин глянул мельком на своих товарищей и поправился: – Я боюсь. С вами – хоть за тридевять земель, хоть на сотню врагов. Но здесь – все не то. Почему здесь живности нет? Тех тварей вчерашних я за живность не считаю. Жрать нечего. Четыре дня здесь уже шатаемся, а только птичку одну паршивую подстрелили. Не понимаю, почему так холодно. Луговой месяц на дворе, между прочим, а тут по ночам такая холодрыга, будто зима. Что мы делаем здесь, сир, уж простите

за наглость? Только за зря троих потеряли. Вы знаете – я присягу не нарушу, но вот если б вы хотя бы намекнули, у нас у всех от сердца отлегло бы. Вот...

Маэрин запнулся под сверлящим взглядом серых глаз герцога.

– Будь мы в Гранморе, – нарочито спокойно произнес тот, подбросив в костер еще одну ветку, – я бы приказал тебя выпороть. А потом – повесить. Но здесь я позволю себе быть милостивым. Ты волен взять свое оружие и обратиться на все четыре стороны. Едú, что у тебя есть, оставь. И коня. Обойдешься – тут до Вала всего два дня ходу. Кто думает так же, как этот слюнтяй, может составить ему компанию. Но не попадайтесь мне потом на глаза. Ну, кто еще?

Кернан выступил вперед.

– С вашего позволения, ваше высочество... я остаюсь. С младых лет вам служу. Некуда мне идти, да и незачем. Еще думаю, Грейвс останется. И Дирк. За других не скажу – пусть сами решают.

Наемники, хмуро переглядываясь, молчали. Герцог поднял руку, что-то обдумывая.

– Кернан, дай мне мой ларец.

Небольшой деревянный ящик с бронзовыми оковками был приторочен к седлу одной из лошадей; старый солдат с поклоном поставил его на землю перед своим господином. Тот, неуловимым движением нажав на одному ему известную выпуклость на крышке, открыл его и вытащил нечто завернутое в белую холщовую тряпицу.

– Смотрите. – В руках герцога оказался иссиня-черного цвета камень кубической формы. Яркий свет выглянувшей из-за туч луны осветил резные знаки, покрывавшие одну из сторон куба; все прочие поблескивали отполированными поверхностями.

– Слушайте, – продолжил он, – повторять не буду. Мне нужно что-то с квадратным отверстием, куда можно вставить... эту штуковину. Скорее всего, это будет какая-нибудь каменная плита. Или столб. Такое, чтобы этот камень вошел туда, как клинок в ножны. Где это – я не знаю. И, возможно, это место будут охранять.

– Кто? – выдохнул один из наемников. Все они обступили герцога, перешептываясь и с вниманием разглядывая то, что он держал в ладонях.

– Думаю, это будут не люди. Так что у вас есть еще время подумать. Недолго.

Он аккуратно завернул камень обратно в тряпку, и обвел глазами столпившихся вокруг солдат.

– И последнее: каждому по возвращении в Гранмор – тридцать золотых кернов сверх обычной платы. И пятьдесят тому, кто найдет эту чертову дырку.

Наемники ошарашенно замолчали. Тридцать золотых кернов. Тридцать. Домик с куском земли. Даже не так – большой дом с очень хорошим куском земли. С амбаром и целой толпой арендаторов, чтобы этот амбар наполнять. И еще кузница. Или мельница. Или – своя собственная лавка в городе. И еще останется – много останется, кернов двадцать, не меньше. А уж пятьдесят...

Маэрин нерешительно открыл рот.

– Если позволите, милорд, я с вами.

– Грейвс? – Герцог посмотрел на высокого сухощавого человека с длинным луком за плечами.

– Конечно, сир.

– Дирк? Руадан? Утер?

Получив утвердительные ответы от всех, он удовлетворенно кивнул.

– Хорошо. Но тебе, Маэрин, кроме тридцати кернов – еще десять ударов кнутом. Когда вернемся.

Солдат поклонился.

– Как будет угодно вашему высочеству.

Кернан обернулся к своим товарищам.

– Всем спать. Грейвс сторожит сначала, затем Дирк. Через четыре часа подъем.

* * *

Задрав голову и задумчиво почесывая нос, Грейвс наблюдал за тем, как по полупрозрачному куполу, висевшему над головой, пробегают едва заметные всполохи молний.

Грейвс был уже не молод – четыре десятка без малого. Возраст для наемника более чем солидный: уж и сосчитать сложновато, скольких из своих товарищей он успел похоронить за свою жизнь. И многие из них куда моложе него. Взять хотя бы того же Кевина. Молодой и бестолковый. Грейвс сам видел, как паренек хвостом увивался сначала за сотником Кернаном, потом за его высочеством, упрашивая их взять его с собой за Вал. Это ж мое первое серьезное дело будет, возбужденно говорил он, возьмите, обузой не буду.

Грейвс вздохнул. Первое и последнее. То, что от Кевина осталось, легко уместилось бы в большую миску. Еще слава богам, родители его давно померли, а то пришлось бы матери объяснять, что с сыночком приключилось.

Сам Грейвс мимоходом подумывал о том, чтобы уже осесть где-нибудь. Тех денег, что ему удалось скопить за годы службы, вполне хватит на приличный домик в Гранморе, ну, или в другом месте. А если его высочество еще тридцать кернов добавит, тогда вообще мысли о хлебе насущном можно будет из головы выкинуть. Главное, чтобы Мадалена согласилась с ним уехать. Хорошая девушка. Нельзя сказать, что особенная красавица, но какая-то... манящая, что ли. Смех колокольчиком. Улыбалась и ресницами хлопала, когда Грейвс, запинаясь, принялся рассказывать ей о своих планах, прозрачно намекая на замужество. Вот ведь – взрослый мужик, а эта женщина всегда его в ступор вводит своим видом. Говорит тихо и певуче. Смотрит так, будто на него, и в то же время сквозь него. И наверняка знает что-то такое, что ему никогда не понять. Мужа своего, кузнеца Ало, она уж схоронить успела, что не мудрено: он ей в отцы годился. Посватался в свое время, а ее родители и рады были дочку за такого состоятельного человека отдать. Плакала на похоронах горько, уткнувшись в плечо Грейвса – он дружил с Ало с детства. А сам Грейвс – вспомнить стыдно, – совсем не о покойнике тогда думал, ощущая под тоненькой холстинкой ее крепкие подрагивающие от рыданий груди. И живет теперь одна, детей завести не успела, и ох как много народа на молодую вдовушку заглядывается. Тем более с домом и хорошим хозяйством, а в доме всегда чистота и порядок. Но Грейвс ко двору пришелся: то приколотит что-нибудь, то воды принесет. Сам он считал себя человеком серьезным и аккуратным, не пропойца какой-нибудь. Вот как вернешься, чуть застенчиво сказала ему Мадалена, поговорим об этом опять. А глаза синие такие и глубокие, как омут. И так сказала, что не поймешь: то ли шутит, то ли всерьез. Потом повернулась и пошла прочь, да так пошла, что у него чуть голова не закружилась. И казалось ему иногда, что уж и жизни без нее нет: ежели не увидит ее хотя бы денек, то, считай, день и пропал. Н-да... эта женщина, и тридцать кернов. Как мало надо для счастья. Или много.

От мыслей его отвлекло кряхтенье Дирка.

Последний, недовольно ворча что-то под нос, укладывал заплечный мешок, стараясь пристроить его вместо подушки.

– Карауль, не карауль... Если *тебе* сюда доберутся, толку от нашей караульни...

– Ой, заткнись уже, – Грейвс махнул рукой. – Байки это все. Флягу дай лучше, и спи. Через два часа разбужу.

Покопавшись в своем скарбе, Дирк вытащил оттуда небольшую кожаную бутылку.

– Все не пей, – буркнул он, протягивая ее своему товарищу, – там всего полпинты осталось. Ни пожрать, ни выпить. Веселуха.

Еле заметно покачивая головой, Грейвс принял предложенную бутылку и, отряхивая плащ от налипшей хвои, поднялся на ноги. Сделав хороший глоток, он потряс флягой у уха и с сожалением заткнул горлышко пробкой. Н-да, маловато осталось. А ночь холодная.

Подрыгав по очереди обеими ногами, чтобы разогнать кровь, Грейвс задумчиво почесал заросшую щетиной щеку. Что ни говори, а Маэрин в чем-то прав. Жутковато здесь.

Синевато-серый купол над головой еле заметно полыхнул тоненькой полоской молнии, на мгновение осветив лесную полянку. Объяснить толком, что здесь жутковатого, Грейвс не смог бы. Чащоба. Бурелом. Ну, обычное дело. Трава жухлая, что ли. Мерзостно все вокруг, конечно, но ничего такого, ради чего стоило бы вытаскивать тесак из ножен. И трава, и листва на деревьях имели такой вид и цвет, как будто на дворе стояла глубокая осень. Серо-зелено-грязно-коричневые. Но вот что забавно – слово «забавно» не особо к ситуации подходит, отметил про себя Грейвс, – что осенью здесь и не пахло. Все деревья сплошь покрыты листьями, да и травка вовсе и не думала помирать – она росла густым и мягким ковром. Серовато-коричневым ковром. И цветы такие яркие: красные, желтые, синие и подчас настолько большие, что он смог бы засунуть кулак внутрь бутона.

Вот что действительно непонятно, так это необычайные безмолвие и холод по ночам. Тишина стояла такая, что Грейвс заставил себя негромко кашлянуть, только для того, чтобы убедиться, что он не оглох. Днем все как обычно, ну или почти обычно: легкий ветерок, треск веток, а по ночам – мертвенная *тишина*.

Охоты, кстати, в этих местах действительно никакой, и тут опять Маэрин прав. Если изредка они и слышали чьи-то рык да шипенье, то увидеть ни разу не удавалось. Как тихо ни крадись, как ни сдерживай дыхание, как долго, до онемения в руках, ни держи натянутым лук, до звона в ушах прислушиваясь к несуществующей звериной поступи, вокруг никого и ничего. Даже ящерок. Ту птичку они подстрелили всего в полумиле от того места, где зашли внутрь, когда только направлялись вглубь Темного леса. Занесло ее, беднягу, наверное, снаружи, потому что здесь не было ни души.

Солдаты только качали головой, следуя за своим господином странным зигзагообразным маршрутом. Кроме самого герцога, цели похода не знал никто, да никто и не решался задать такой вопрос. В обычной ситуации пара недель в лесу не испугала бы ни одного из них, но они за четыре дня своего путешествия съели и выпили большую часть своих припасов. Какие-то красные и зеленые ягоды, которые во множестве росли на кустах, никто пробовать не решался.

Вода имелась в достатке. И ручейки, и болотца, но на одной водичке, ясное дело, долго не протянешь. А насчет болотцев – их со вчерашнего дня они вообще обходили стороной, после того, как Дирк сделал попытку выяснить, что там с рыбой. Высунувшаяся из воды со скоростью молнии какая-то рыба-не рыба с лапами и зубастой пастью, в которой с легкостью поместилась бы диркова голова, заставила их пережить пару неприятных минут. Да и длиной она была фута в четыре, насколько в сумятице они заметили. У страха глаза велики, но Грейвсу в тот момент показалось, что, судя по вспенившейся поверхности, к ним устремились еще с пяток этих тварей. Перемазавшись в болотной жиже и ругаясь, на чем свет стоит, Дирк чуть ли не на четвереньках, ломая кусты, отполз в сторону от берега, и вот дьявольщина: рыбки исчезли. Мгновенно успокоившаяся мертвая смоляная гладь озера заставила их, помнится, переглянуться в недоумении: а не привиделось ли?

Всего в семи-восьми милях от Вала отряд наткнулся на старую башню, не меньше тридцати локтей высотой, с остроконечной крышей. Выющиеся растения плотно покрывали замшелые стены, и только на самом верху имелись два ряда маленьких окон-бойниц. Битых полчаса солдаты бродили вокруг, пытаясь найти вход, и, наконец, нашли. Под ковром переплетенных стеблей Грейвс обнаружил то место, где этому входу полагалось быть. Небольшой дверной проем немногим ниже человеческого роста, наспех замурованный, причем Утер, внимательно посмотрев на кладку, со знанием дела заявил, что каменщики работали внутри. Объяснение

этому могло быть только одно – снаружи им угрожало нечто опасное, что-то, от чего эти люди хотели себя оградить.

Подумав пару мгновений, герцог щелкнул пальцами:

– Проверить!

Убедившись на всякий случай в том, что мечи легко вынимаются из ножен, солдаты бросились выполнять приказ: башня слишком стара, так что если в ней и сидела изначально какая-нибудь злобная тварь, она за сотню лет наверняка бы сдохла.

Сломать кладку не получалось – ни кирки, ни другого подходящего к случаю инструмента у них не нашлось, но охотничья смекалка Грейвса не подвела. Забравшись на высокое дерево, ближе всего клонившееся к окошкам наверху, он с двадцатой попытки сумел зашвырнуть внутрь крепкую палку с привязанной к ней веревкой. Бойницы не отличались большими размерами, но это и помогло: палка надежно зацепилась за края окна, а остальное было уже делом ловкости. Грейвс забрался туда сам, а затем помог Утеру и Маэрину.

Внутри их ждало разочарование. Три совершенно пустых этажа, если не считать рассыпанной мебели и пары стоек с проржавевшим оружием. Кроме этого – человеческий скелет, лежавший в обнимку с открытым сундуком. На дне – несколько полуистлевших тряпок, некогда бывших чьей-то одеждой, и обломок медальона, сделанного из зеленоватого дымчатого стекла, покрытый странными узорами-письменами. Повертев в руках, Грейвс отшвырнул его в сторону. Стекланный, да еще и потрескавшийся – более бесполезной находки и представить себе нельзя.

Маэрин же, подобрав обломок, после недолгого колебания засунул его в заплечный мешок. В ответ на вопросительный взгляд Грейвса он неопределенно повел плечом.

– Попробую какому-нибудь торговцу показать, – пояснил он. – Эта штука старая, видать. Может, денег стоит...

На следующий день они увидели вдали замок. Старик Кернан заметил его, когда все взобрались на очередной холм, чтобы обозреть окрестности. Замок стоял очень далеко, лиг пятнадцать, а может, и дальше. И он был большой. Однако толком разглядеть его никак не удавалось, несмотря на все старания. Мешало марево на горизонте, мешал этот дурацкий купол над головой, который даже в разгар дня пропускал только малую толику солнечного света.

Нога затекла. Грейвс потоптался на месте, стараясь разогреть застывшую кровь. Он поймал себя на мысли, что за последние несколько минут стало заметно холоднее.

Наемники спали вокруг костра вповалку, закутавшись в плотные шерстяные плащи. Его высочеству разожгли отдельный костер, в трех десятках шагах от солдатского. И тот, и другой постепенно затухали, потрескивая ярко-красными угольками. От нечего делать Грейвс принялся собирать хворост, валявшийся на земле в избытке, но вдруг выронил его, почувствовав *ничто*.

Ветер. Что-то мелькнуло между деревьями. Черный ветер. Дыхание у Грейвса перехватило, и рука осторожно потянулась к тесаку. *Тень*. Нет, две, три, нет, много *теней* плавно выплывали из чащи. Черные на фоне черного. Высокие, на две головы выше человека. *Тени* скользили между деревьями и все, чего они касались, покрывалось инеем.

Дирк, Дирк, хотел крикнуть Грейвс, но не успел. Две *тени* наползли на Дирка, и спящее тело как-то сразу обмякло, обвалилось, сплющилось под слоем одежды. Дирка *выпили*. Тлеющие угли зашипели и погасли, когда одна из *теней* прямо по костру неторопливо поплыла к Грейвсу.

– Тревога! – закричал он, но место крика изо рта вырвался шипящий вздох.

Тем не менее, его услышали. Утер быстро поднял голову, но лишь затем, чтобы увидеть нависшую над ним черную фигуру.

Маэрин и, кажется, Руадан вскочили на ноги, и один из них тут же упал.

– Спасайте его высочество! – кричал Кернан, наставив меч прямо в грудь приближающемуся чудовищу.

Сказочки, значит. Вот они какие, сказочки. Грейвс попятился назад, пока не уперся спиной в ствол дерева. Торопливо намотал плащ на левую руку. Эх, Мадалена, Мадалена... спрашивать ведь будет: где Грейвс? Почему не вернулся? Погорюет немного, наверное, а потом найдет кого-нибудь другого. Но ничего, мы еще посмотрим. Посмотрим. Справа, слева и, наверное, сзади тоже наступали *тени*. Их лица, похожие на колышущиеся маски, смотрели дырами глаз.

– Что пялишься, тварь, – хрипло прошептал он, – давай, потанцуем...

Грейвс выхватил тесак. Ножик был неплохой, почти в два фута длиной и с зазубринами по режущей кромке. Подождав, пока *тень* подплывет достаточно близко, он взмахнул и резко ударил. Ударил в пустоту, едва не потеряв равновесие. Вот ведь черт... Еще взмах и снова в пустоту. Опять взмах. Опять. Все как во сне. Медленно. Тишина и только его прерывающееся дыхание. Его и, кажется, старика Кернана. Треск инея. Пар изо рта и очень большая луна над головой. А потом подступила липкая чернота, и Грейвса охватил мертвенный холод. Эх, Мадалена, подумал он, и провалился в темноту.

* * *

– Стой... положи меня...

Маэрин еле услышал хриплый шепот герцога. Последние несколько часов солдат тащил на себе почти безжизненное тело своего господина, останавливаясь только затем, чтобы убедиться, что тот еще дышит. Вся одежда на правом боку раненого пропиталась кровью; Маэрин даже боялся посмотреть, что там. Когда рыцарь только еще поднимался с земли, одна из *теней* мимоходом скользнула по нему, заставив выронить меч. Герцог закричал от боли и, с силой оттолкнувшись рукой, скатился вниз с небольшого холма, на котором отряд устроился на ночлег. Наверное, именно поэтому страшная тварь не стала преследовать упавшего – вокруг имелись жертвы более близкие и такие же беззащитные.

Маэрин осторожно опустил тело на землю и встал перед ним на колени.

– Я донесу вас, господин, – прерывающимся от усталости голосом сказал он. – Здесь до Вала по прямой миль двадцать, не больше...

Не открывая глаз, герцог еле заметно качнул головой.

– Нет. Я не выдержу. Посмотри, что у меня там, – прошептал он.

Маэрин вытащил кинжал и дрожащими руками разрезал на нем одежду. Правый бок рыцаря представлял собой кровавое месиво, из которого выступали белесые полоски оголившихся ребер.

– Ну?

Солдат судорожно глотнул.

– Нет, мой господин.

– Проклятье. – Герцог с усилием открыл глаза. – Ларец?

– Он у меня, сир. Я взял.

– Хорошо. Маэрин, ты заслуживаешь награды. Кошель на поясе. Возьми. Там десять кернов.

– Я донесу вас, милорд, – упрямо повторил тот.

– Нет. Я умираю. Слушай меня, солдат. Ты возьмешь ларец и отнесешь его в Крид.

– Крид?

– Да. Не в Гранмор, в Крид. Моему брату Лайонелу. Он знает, что делать. Расскажешь ему все, что видел. И ты должен сберечь этот камень. Чтобы он не попал к тем черным тварям.

Бери и иди. И берегись, слышишь? Если ты подведешь меня, я сам вернусь за тобой, богами клянусь, Маэ...

Герцог закашлялся, захлебываясь собственной кровью. Красное булькало меж белых ребер. Его тело забило в конвульсиях; скрюченными пальцами он вцепился в руку Маэрина, заглядывая ему в глаза.

– Я обещаю, ваше высочество.

Тот как будто кивнул и без сил откинулся назад. Через несколько мгновений дыхание его остановилось.

Немного постояв возле тела герцога, Маэрин бережно накрыл его своим плащом, поднялся, и на подкашивающихся ногах побежал прочь.

Глава 1. Джош

Джош потер ушибленное плечо, угрюмо глянув на толстяка, стоявшего поодаль у огромного очага. Всыпать бы этому жирному самодуру по первое число, припомнив всю его ругань и бессчетные удары поварешкой.

Впрочем, Джош не был до конца уверен, что когда-нибудь он захочет расплатиться за эти колотушки, ибо справедливости ради следовало признать, что мастер Гербер относится к нему если не лучше, то и совсем не хуже, чем к остальным слугам. Главный повар в своем обычном состоянии орал на всех, кто попадался ему на глаза, в особенности на тех, кто по делу или без дела ошивался на кухне. Ну, кроме, разумеется, лорда Беркли, хотя Джош, собственно, ни разу здесь его и не видел. Юноша фыркнул. Интересно было бы посмотреть на эту картину: его светлость сюда спускается, а мастер Гербер гонит его своим половником.

Поймав свирепый взгляд повара – услышал, что ли, о чем думаю? – Джош с усердным видом склонился над чаном, который пытался вычистить со вчерашнего вечера. Внутри – это понятно. Но зачем его полировать еще и снаружи, если он все равно закоптится, как только его на огонь поставят? Вот Джош и сбежал отсюда сразу после полуночи, когда с кухни все разошлись, решив: завтра дочищу. За что и поплатился.

В содеянном он не раскаивался. Нужно было просто выбрать: продолжать ли сидеть за постылой работой, или отправиться на вечеринку к Ронану, которую тот устраивал по поводу своего производства в подмастерья у Энгуса Морна, местного мясника. Все его друзья собрались там, и Джоша просто не поняли бы, не появившись он на праздновании такого важного события, да еще под дурацким предлогом чистки какого-то чана.

Джош вздохнул, успокаиваясь. Вообще-то Гербер не самый плохой человек. Работы, понятное дело, иногда чересчур много, но какой же начальник будет терпеть, когда его служки от дела отлынивают? Еды тоже хватает, и в этом отношении Джошу, можно сказать, повезло, как и всем в замке. В городе-то вон полно бродяг, которые по помойкам кормятся. Даже слишком много таких, особенно в последнее время.

Слухи всякие по городу множились, и жители с замиранием друг другу их передавали: о том, что за Гриммельнским Валом что-то происходит, что люди пропадают, а дальше – всякая чушь про то, что один наемник видел, а другой слышал, а потом своей любовнице рассказал, а та со своей бабушкой поделилась, и эта бабка-то всем все и поведала.

– По восемь лап у них, а пасть такая, что теленок внутрь пролезет...

– Ну, это ты хватил... по восемь!

– Матерью Боанн клянусь! И глаз у них нет, а вместо носа – дырка!

Верить в такие сказки или нет, Джош не знал. Уж больно много народу об этом твердило, хотя, с другой стороны, он уже почти шестнадцать годков в Пограничье прожил, и ни одного чудовища пока не встречал. С третьей стороны, он и Вал-то сам тоже не видел ни разу.

И наконец, трудно понять, почему столько народа стекается в город в последнее время. Если бы эти рассказы хоть на крупницу были правдой, добрым людям следовало бы бежать отсюда сломя ноги, а не прятаться в замке, от которого по прямой до Гриммельна всего-то лиг десять-пятнадцать, не больше. Скорее всего, толпы прибывающих фермеров, купцов, жонглеров, девок, и полно еще всякого сброда без определенных занятий – все это как-то связано с большим праздником, о котором вся дворня твердила уже целую неделю.

Праздник – это было интересно. И пиры в начале месяца Лосося, и Сбор урожая – все они вызывали всеобщий восторг. К праздникам начинали готовиться заранее, их ждали, и долго потом обсуждали. До сих пор в замке иногда судачили о большом торжестве, с фокусниками и фейерверками, который его светлость закатил в честь рождения дочери-наследницы Али-

еноры. Но в минувшем году ей исполнилось уж четырнадцать лет, и понятно, что Джош по молодости всего этого помнить не мог.

Спросить о том, что ожидается, было не у кого. Слуги знали не больше него самого, а когда его дружок Гуго посмел задать вопрос мастеру Герберу, то получил такую выволочку, что после этого два дня на кухне не показывался. Лупцуя Гуго поварешкой, Гербер визгливо приговаривал, что тот сует свой веснушчатый нос в дела, которые ему не по рангу. Вспомнив ту историю, Джош ухмыльнулся. Гуго был очень ловкий и вертлявый мальчик, и мастер Гербер из десятка ударов в лучшем случае пару раз попал по спине Гуго, да и то вскользь, а все остальное – по мебели или по кувшинам, расколотив при этом несколько.

Наверное, о предстоящем празднике мог знать лекарь Миртен или, к примеру, сын начальника замковой стражи мастер Томас, с которым Джош дружил с детства, но где-то с неделю назад граф Беркли с сотней солдат уехал в неизвестном направлении, и Томас отправился с ними. Эх, повезло ему. Джош вздохнул. Сам он никогда не отъезжал за пределы города дальше, чем на милю, и сколько не глазел по сторонам, ничего особенно интересного так и не увидел. А ведь где-то были и другие замки, был город Лонхенбург, столица королевства, о котором рассказывали примерно такие же сказки, что и про Гриммельнский Вал.

– Истинно говорю тебе, – неторопливо вещал Арн, седоусый солдат, сидя на скамье и бесконечно полируя свой меч, – живет там сорок тыщ народу, а сейчас, может, и поболее, и замок королевский пятьсот локтей высоты имеет. Глянешь наверх, и аж голова кружится.

За свою жизнь Арн побывал везде: от Ллевеллина на юге до Нордмонтских гор на севере, от островов Морского народа на востоке до Бедвира на западе.

Джош слушал, открыв рот. Да, когда-нибудь он отшвырнет этот дурацкий чан в сторону и тоже отправится – куда только? – ну, куда-нибудь дальше, чем на милю. В Лонхенбург, может быть. Когда? Этого Джош тоже не знал. Всю жизнь, сколько помнил, он обретался на кухне, хотя и не постоянно, нет. Лекарь Миртен учил его грамоте, а два-три раза в неделю он тренировался с мастером Томасом. Хорошо, что так получилось, хотя как именно это началось, Джош не помнил. Сир Балдрик Одли, отец Томаса, почему-то всегда относился к нему благожелательно, и именно он, наверное, свел вместе обоих мальчишек – своего сына и Джоша. Мало кого из дворни допускали во внутренний двор замка, а ему благодаря знакомству с Томасом это дозволялось. Более того: с самого детства и Джош, и Томас под присмотром Балдрика учились обращаться с оружием. Мечи, правда, до сих пор им выдавали деревянные, и Джоша это несколько раздражало. Вроде выросли из детства-то. Мастер Томас, когда тренировался с кем-нибудь из военной молодежи, уже сражался настоящим оружием, но стоило ему выйти на поединок с Джошем, сир Балдрик, или кто там имелся из старших, немедленно вооружал обоих деревяшками, несмотря на их обоюдное возмущение.

Хотя, откровенно говоря, поваренку Джошу оружие иметь вообще не полагалось. И настоящее его место было отнюдь не во внутреннем дворе, где все привлекало его внимание и вызывало интерес: наемники с их добродушно-солеными шуточками, стойки с копьями и алебардами, нетерпеливо взбрыкивающие лошади, стук кузнечных молотов, звон скреещающихся мечей и отрывистые команды начальников смен. Увы, его место здесь, на кухне. Джош на мгновение поднял глаза, и в который уже раз мельком глянул на знакомую ему залу, быть может, с неосознанным желанием хоть на этот раз увидеть что-то новое. Или, скорее, привлеченный очередным водопадом ругани, который извергался из бездонной глотки главного повара.

– Дурень! Бестолочь! – вопил тот, горой возвышаясь над съезжившейся от ужаса фигурой одного из своих помощников. – Шафран! Шафран!!! Не имбирь! Сам это жрать будешь!

Кухня занимала цокольный этаж основного здания замка, и отсюда без особого труда можно было добраться до покоев его светлости, если бы не стража, день и ночь стоявшая перед дверью, что вела в верхние палаты.

В дальнем от Джоша конце кухни находился невероятной величины разноуровневый очаг, с многочисленными крюками для котлов всех размеров, треножниками, котелками и чанами. Все прочее пространство занимали столы, а у стен неровными рядами стояли шкафы и полки с кастрюлями, мисками, щипцами и прочей утварью. На некоторых шкафах висели замки, ключи от которых болтались на поясе мастера Гербера. Впрочем, их содержимое (Джош как-то раз подглядел) могло заинтересовать разве что поваров: какие-то банки, специи и редкие ингредиенты для приготовления еды. И везде корзины, корзины. Множество корзин с овощами, зеленью, битой птицей, яйцами и еще бог знает с чем.

Джош поморщился. Запахи здесь всегда стояли потрясающие, но только не там, где он сейчас сидел. Каменный пол кухни из огромных шербатых плит имел небольшой уклон в одну сторону и длинный желоб для слива нечистот. Этот желоб шел прямо под ногами Джоша и, слегка изгибаясь, выходил к отверстию в стене, через которое вся эта гадость выливалась прямо на внешнюю сторону замка, на городские улицы. Как это не удивительно, но он так и не смог привыкнуть к этой вони, даже несмотря на то, что проводил в кухне изрядное количество времени. Всем прочим, кажется, было все равно: женщинам, ошпыливающим птицу; поваряткам, без умолку болтающим за работой; хмурым носильщикам, которые постоянно подтаскивали все новые корзины и уносили пустые, и прислуге, время от времени спускавшейся вниз из господских комнат.

– Джош! Эй, Джош, заснул, что ли?! – голос за спиной заставил его очнуться от мыслей. Из-за маленькой дверцы, ведущей в один из кухонных чуланов, высунулась заспанная физиономия Гуго с всклокоченной рыжей шевелюрой. – Что делаешь?

– Вот, раздумываю, что одеть на праздник: рваную рубаху или нестираную. Ты пойдешь?

– Очень смешно, – Гуго осклабился. – Кстати, я знаю, что у нас тут намечается.

– Откуда?

– Ночью подслушал разговор Гербера и кастеляна, как его... Равена. Они думали, здесь нет никого. Я тут сидел и трясся, думал, шкуру спустят, если заметят, что я за дверкой сижу. Равен на этом месте, где ты сейчас, стоял.

– Ну?

– Потом расскажу. Я еще не ел ничего с утра. Давай выберемся отсюда. Гербер здесь?

– Да-а, вон стоит, орет, как обычно. А ты будто и не слышишь.

– Я пока не проснулся. Я сейчас закоулками отсюда выползу, найду что-нибудь перекусить, и давай в нашем месте встретимся. Там буду ждать.

– Хорошо, – Джош оценивающе посмотрел на уже почти блестящий чан. – Мне, наверное, еще на полчаса тут осталось. Потом сбегу.

– Ага. Ну, давай.

Гуго глянул по сторонам и чуть ли не на четвереньках, огибая корзины с овощами и птицей, ринулся к выходу. Джош покачал головой. Ловкий, черт.

Внимательно оглядев проклятую посудину, он принялся оттирать почти незаметные темные пятнышки, еще видневшиеся на сверкающей меди. В отполированной до блеска поверхности отражалось немного продолговатое с правильными чертами лицо, обрамленное длинными, до плеч, прямыми темно-русыми волосами, перехваченными на лбу кожаным ремешком.

Среди местных девушек Джош слыл чуть ли не красавчиком: высокие скулы, тонкий нос с легкой горбинкой, слегка миндалевидные серо-зеленые глаза и упрямо сжатые губы. Не урод, безусловно, да только что толку, сердито подумал молодой человек. Поваренок. Уже пятнадцать лет как поваренок, и даже не подмастерье, не помощник оружейника – никто. Телосложением он вполне вышел, ростом тоже, возраст уже не детский, так что необъяснимого упрямства главного повара в том, что касалось возможного ухода Джоша с кухни, он не понимал. Сам он был уверен, что вполне годится для какой-нибудь работы поинтереснее, чем драить кастрюли и таскать корзины, но Гербер на просьбы отпустить юношу всегда отвечал жестким отказом,

от какого бы мастера в замке они не исходили. Спорить с поваром никто не смел. Местный кузнец мастер Талли уже дважды подходил к последнему с предложением попробовать Джоша в его ремесле, но с того времени только отмахивался от юноши. Договорись сначала сам со своим начальником, говорил он. Когда Джош обратился с подобным же вопросом к Балдрику Одли, тот тоже отрицательно покачал головой, заявив, что служба в качестве наемника не для него. Объяснять свой отказ сир Балдрик, как и повар, не стал.

Какой тогда смысл заключался в его обучении у Миртена, как и в том, что Балдрик самостоятельно следил за его успехами в овладении оружием, Джош объяснить не мог, но упорно продолжал изучать все интересные и неинтересные книжки, которые попадались ему на глаза, и со старанием махал деревянным мечом. И это после работы, когда его сверстники отдыхали от дневных забот. Кто знает, думал он, может, когда-нибудь это ему и пригодится, и начальник стражи наконец передумает и даст свое согласие на поступление Джоша на военную службу. Иногда, правда, его посещала мысль о том, не намеревается ли лекарь Миртен сделать его своим преемником, но такой исход событий юношу не особенно прельщало.

– Привет, Джош! Как дела?

Джош, не прерывая работы, поднял голову. Около него стояла довольно хорошенькая девушка примерно одного с ним возраста. Опрятное синее платье с передником, пухленькое лицо с прядкой темных волос, выбившихся из-под чепца, и натруженные руки. Жозефина служила прачкой. Вот и сейчас она держала большую корзину, наполненную какими-то тряпками. Джош опустил глаза, рассматривая уже несуществующие пятна на поверхности чана.

– Да ничего, как обычно. Спасибо, – добавил он, подумав.

О боги, начинается... На языке так и вертелся вопрос: а чего это она делает на кухне? Прачечная не совсем по дороге, хотя Джош и сам знал ответ. Пару раз он лихо отплясывал с ней на каких-то вечеринках, и вот теперь, судя по всему, Жоззи заимела на него виды. То постирать что-нибудь предложит, то пирожков принесет – как будто на кухне еды не хватает! Да нет, она хорошая девушка, спору нет. Даже симпатичная. Отца у нее, вроде, никогда и не было, а мать тоже работала в прачечной. Они жили в небольшом домике напротив замковых ворот. Не то, чтобы она совсем ему не нравилась, миленькая такая, но мысли о возможной женитьбе вызывали оскмину. Что – так и остаться на веки вечные в этом замке, драить кастрюли, помогать жене по хозяйству и прочее? Кошмар. А она так внимательно на него смотрела, перебирая пальчиками край передника, так придвигалась все ближе, глаза темные, ресницы пушистые такие, охотница, ни дать, ни взять, что у Джоша возникло ощущение, что если он сейчас же не сбежит, то проснуться ему утром женатым.

– А я тут мимо шла. Смотрю – ты сидишь. Что делаешь? Что – Гербер заставил? – Жозефина тарыхтела без умолку. – Меня просто Доил попросил постирать ему кое-что.

Доил. Ну-ну. Этот здоровенный дылда, помощник повара. Так и поверил.

– Вон он стоит, – Джош махнул головой. – Тебя ждет, наверное. Ты бы...

– А сегодня вечером что делаешь? – Жозефине было все равно, что он там говорит. Или не говорит: она вполне могла говорить за обоих. – Сегодня вечером найдется, наверное, на что посмотреть.

– А что такое?

– Так ты не знаешь, что ли? Там наверху народ болтает, что вечером его светлость возвращается. И с ним все остальные. Интересно же, куда ездили, рассказывать будут. И еще такое говорят... Гонец впереди всех приехал, Фрай, знаешь его? Высокий такой, у него еще двух пальцев на левой руке не хватает, вроде говорит, что чудище около Вала захватили, пленили, схватка такая случилась, много солдат полегло, сейчас его в клетке сюда везут, сама не слышала, тетушка Марта слышала, она его едой потчевала, он ей все-все по секрету рассказал... Все уже знают, ты не знаешь, что ли?!

– Нет, не знаю. Я тут с утра сижу. Да, интересно. – На самом деле Джош не очень-то верил бабьим сплетням, но известие о том, что лорд Беркли возвращается, его заинтересовало. – Я вечером занят, наверно. Мастер Гербер сердит, что я вчера работу прогулял, и нагрузил меня по полной.

– А что надо-то? Давай, я тебе помогу, – не спрашиваясь, Жоззи уселась рядом с Джошем на скамейку и по-хозяйски взялась за тряпку, смоченную в уксусе с крупной солью. – Да тут и делать нечего, ты уже почти все вычистил. А потом к матушке пойдем, у нее на обед каша бобовая с курицей. . .

У Джоша начинала трещать голова. О боги, еще этого не хватало.

Спасение пришло в виде самого мастера Гербера.

– Какого черта! – взревел он, нежданно-негаданно появившись рядом с парочкой. – Чем это вы тут занимаетесь? Сеновал нашли? Жозефина, пошла вон, нечего этому бездельнику потакать. И юбку одерни! Пошла, пошла, мать тебя уж полчаса по всему двору ищет.

Жозефина, гордо вздернув носик, поднялась, поправила платье, и взялась за свою корзину, не забыв при этом ненароком дотронуться рукой до плеча Джоша. Затем очень неторопливо, всем видом показывая, что повар ей не начальник, направилась к выходу.

– А ну, живей! – рявкнул Гербер. Он поднял ладонь как будто для удара и быстро шагнул ей вслед. Жоззи взвизгнула и, прикрыв зад рукой, мгновенно скрылась за дверью.

– Хватит уже тереть, дырку протрешь, – фыркнул Гербер, не обращая внимания на поднявшийся вокруг смех, – вот, держи.

С этими словами он сунул в руки Джошу туго скрученный в трубку свиток пергамента, запечатанный сургучовой печатью с оттиском перстня Главного повара – изображением большого котелка, висящего над огнем.

– На торговой площади найдешь Финна. Здесь список товаров, которые он должен доставить ко двору до вечера. И живей – одна нога здесь, другая – там.

Облегченно вздохнув, Джош поднялся со скамьи.

– Стой! И вот это еще отдашь ему.

Быстро глянув по сторонам, Гербер сунул ручищу в поясной кошель, немного там покопавшись, достал большую, дюйма в полтора в поперечнике, золотую монету и протянул Джошу. Юноша вытаращил глаза. Он никогда не видел золотых монет, и среди его знакомых ни у кого таких не водилось. Монета была старая, с потертостями и обкусанными краями. На одной ее стороне было отчеканено какое-то неизвестное ему животное, вроде вепря, но с рогом на носу – похожий на графском гербе есть, отметил про себя Джош, – а на другой три маленькие короны, расположенные в виде треугольника. В центре этого треугольника среди загогулин и виноградных листочков угадывалась буква «Э». И еще в ней имелась дырка, как будто ее носили на шнурке. Он взвесил монету на руке. На одну такую можно купить, ну не знаю, подумал он, наверно, полдеревни, а может, и больше.

– Спрячь, дурень, – прошипел Гербер.

Джош послушно засунул монету в карман.

– Зачем это? – пожав плечами, спросил он. – Сами ему деньги отдадите, когда он товар привезет.

– Сейчас я тебе все объясню и расскажу, – вкрадчиво произнес повар, – вот только пойду повареху свою возьму. А ну, живо пошел!

Еле увернувшись, как ему показалось, от герберова кулака, Джош, перепрыгивая через скамейки, кастрюли и корзины, вприпрыжку помчался к выходу.

Глава 2. Монета и ключ

Выскочив за дверь, Джош на мгновение зажмурился. День был яркий, и по двору замка, отражаясь от окон и металлических блях на солдатских колетах, бегали солнечные зайчики.

– Лови-и-и!!! Держи! – вопль справа заставил Джоша отпрыгнуть назад. Мимо него, отчаянно визжа, промчалась свинья с обрывком веревки на ногах; за ней с руганью гнался человек в замызганном фартуке и с ножом в руке. Следом, хохоча и улюлюкая, бежала стайка мальчишек.

– Да что как пень стоишь, помогай! – пролетая мимо Джоша, рывкнул мясник.

– Не могу, мастер Морн, – выкрикнул вслед ему Джош, сам невольно развеселившись, – дело важное у меня!

Морн, не оборачиваясь, махнул рукой.

Во дворе кипела жизнь. К стенам лепились конюшни, псарни, коровники, всевозможные мастерские – каменщиков, плотников, кузнецов, скорняков, навесы для хранения дров, соломы и сена, общественные столовые, в которых под открытым небом за длинными деревянными столами всегда сидело с дюжину человек, закусывавших после или перед сменами.

Повара трудились без устали: из дымящих печей доставали блюда и котелки; в огромных чанах дымилась брага; какие-то люди, многих из которых Джош знал только в лицо, сновали по двору, занятые работой, а иногда – блаженным ничегонеделаньем. Здесь все время поили, кормили и дрессировали лошадей; коров загоняли во двор или выгоняли из замка на пастбище; оружейники и кузнецы стучали молотками, чинили доспехи, подковывали коней, ремонтировали повозки и телеги – неумолчный шум от скрипа колес, ржанье, мычание и людской гомон висели в воздухе.

Сейчас, благодаря жаркой и сухой погоде, слой пыли покрывал плотно утрамбованную землю, а по осени здесь обычно царил непролазная грязь. Только одна часть замкового двора была вымощена булыжником, уже стершимся от старости – арена, на которой почти постоянно кто-нибудь из наемников упражнялся с оружием. Впрочем, сейчас она пустовала: большинство солдат покинуло замок Хартворд вместе с графом; остались только два десятка дозорных и стражников, не больше, чем необходимо для охраны порядка. Все они несли службу на стенах или в городе.

Один из них – молодой парень лет девятнадцати-двадцати – приветственно помахал Джошу рукой. Джош знал его с детства: Киан был младшим сыном пекаря, и он не далее как две недели назад принес присягу лорду Беркли вместе с несколькими другими, поступившими на военную службу. Церемония происходила во внутреннем дворе замка, неподалеку от арены. Джош сидел на скамье в окружении толпы зевак и, помнится, отчаянно завидовал каждому из новоиспеченных воинов, и Киану в частности. Лекарь, он же Хранитель манускриптов Миртен торжественно читал слова присяги, а солдаты, опустившись на одно колено, повторяли услышанное хором, предварительно произнеся свое имя.

– Я, Киан, сын Фергина из Илбрека, признаю его светлость Рутвена Беркли своим полновластным лордом, хозяином и властелином судьбы моей. Вверяю себя в его светлые руки, пусть воля его ведет меня. Клянусь благородству его крови в вечной и безграничной верности, уважении и послушании. Да не будет у меня другого господина, и не послужу словом или делом никому другому. Обещаю во всеуслышание отныне служить ему покорно, и держать свою клятву, доколе господин мой будет держать свою...

– Я, Рутвен Беркли, милостью богов граф Хартворда и близлежащих земель, принимаю твою присягу и клянусь защищать тебя, оказывать тебе помощь, поддержку и предпочтение во всех делах, кои совершишь ты, находясь на моей службе и мне на пользу, в знак чего вручаю тебе этот меч и эту ливрею, а также назначаю жалованье в двенадцать серебряных дарнов в год...

Джош вздохнул. Он знал эти слова наизусть.

В очередной раз молчаливо посетовав на необъяснимое упрямство мастера Гербера и Балдрика Одли, юноша помахал Киану в ответ, засунул трубку пергамента за пазуху и, на ходу здороваясь со знакомыми, направился к огромным воротам, ведущим в город. Обычно ворота запирали, а для прохода внутрь и наружу служила небольшая калитка, окованная железом. Но сейчас створки были распахнуты настежь: во двор постоянно заезжали груженные телеги, туда-сюда сновали многочисленные носильщики с корзинами или мешками на плечах. «Торопятся все, похоже, к приезду его светлости», – подумал Джош.

Заметив небольшую группу людей возле одного из столов, он остановился. Полтора десятка дворни окружали гонца Фрая, который сидел на скамье. Стол, грубо сколоченный из досок, отполированных сотнями и тысячами локтей, был заставлен незамысловатыми блюдами: глубокими мисками с гороховой кашей, тушеной капустой, тарелками с кусками прожаренной свинины и целыми грудками зелени. Гору пустых чашек просто сдвинули на угол стола. Обычно посуду довольно быстро уносили – эта обязанность лежала на толпе босоногих мальчишек, – но и они сейчас, разинув рты, столпились вокруг, стараясь не упустить ни слова из разговора.

– И как же он выглядит?

– Сегодня привезут?

– А как Гронин? Фальбут? А Лорк? Они живы?

Фрай недовольно хмыкнул.

– Да говорю ж вам ясно – все живы. Кто вам эту чушь про битву рассказал? Его полудохлого нашли, в полумиле от Гриммельна. Он сам оттуда уполз. Весь в кровянице, а ноги вроде как обморожены. Валялся на пригорке в беспамятстве. Здоровенный, черт – Гансу руку сломал, пока мы его в клетку затолкать пытались. Сами скоро увидите.

– Как это – уполз? – недоверчиво спросил один из рабочих. – А как же купол? Все ж знают, что туда-то пройти можно, а обратно дороги нет. Его ж вроде для того и делали...

– Вот этого не скажу. – Фрай задумчиво потер небритую щеку. – Похоже, с куполом случилось что, раз он оттуда выбраться сумел.

– А как это – ноги обморожены? Не зима ж на улице, поди.

– И этого не знаю. Может, за Валом холод лютый? Ты знаешь? Я – нет. И, надеюсь, никогда не узнаю, – Фрай поднялся, сделав перед тем солидный глоток пива. – Ладно, хватит. Я уж сутки не спал. Сами все увидите. Не вечером, так на крайний случай завтра поутру его светлость уж точно здесь будут.

Народ, возбужденно переговариваясь, принялся расходиться.

– Кого привезут-то? Прослушал я. – Джош тронул за плечо знакомого ему подмастерья.

– Говорит, дхарга поймали.

– Дхарга? Так это ж сказки, вроде?

– Сам ты сказки. Мой папаша, когда я еще под стол ходил, как-то раз... ой, все, пока. Вон мастер Григ стоит, меня высматривает. Сейчас навалит по первое число.

Подмастерье бегом бросился к своему хозяину, не забыв соорудить озабоченное лицо.

Джош в некоторой задумчивости направился к выходу, еле сумев по дороге увернуться от здоровенной телеги, груженной бочками с пивом.

Гриммельнский Вал. Вот так история. Джош неоднократно расспрашивал о нем Миртена, но вразумительного ответа ни разу не получил. Построили его в незапамятные времена, и сложен он из огромных валунов, сейчас, как говорят, потрескавшихся и заросших мхом. В нем не было ворот, и тянулся он от горизонта до горизонта. И над лесом за Валом висел купол. Серовато-синий и почти незаметный в солнечные дни, а ночью по нему нередко пробегали всполохи молний. Купол этот создали могущественные маги, каких уж нет нынче, специально для того, непонятно для чего. Вот здесь начинались загадки. Миртен усердно учил Джоша

грамоте, обещая, что когда обучение будет закончено, он допустит его до чтения редкостных книг, которые хранились в библиотеке, и там-то Джош и найдет ответы на свои вопросы. А сейчас лекарь советовал ему не забивать голову глупостями и больше думать о правилах правописания, а не о тех вещах, которые его пока что не касаются.

Пропустив перед собой очередную партию носильщиков, юноша миновал ворота и вышел в город.

Вообще-то Хартворд был не городом, а просто большим замком, построенным для защиты границ королевства от нападений из-за Вала. Нападений, которых на памяти Джоша, да и более старшего поколения, никогда не случалось. Хартворд окружало два кольца крепостных стен: одно собственно замковое, другое – внешнее – ограждало большое поселение, которым крепость обросла с течением времени. Это-то поселение и именовалось в обиходе «городом». Здесь располагались лавки, мастерские, жилища ремесленников, стражников и купцов, улицы и переулки, имелась даже рыночная площадь – так что, по большому счету, Хартворд вполне мог претендовать на роль небольшого городка.

Свернув налево, Джош попал на довольно широкую улицу, именуемую обычно Замковой, поскольку, с небольшими перерывами, она обегала вдоль всего кольца внутренних крепостных укреплений, и, потратив, наверное, с пару часов времени, получилось бы с другой стороны неспешно подойти к тем же воротам.

Почти перед воротами, опять же чуть левее от выхода из замка, располагалась местная достопримечательность: площадь, добрую треть которой занимало озерцо с холодной и относительно чистой водой. Рек в округе никаких не было, и наличие здесь пруда считалось чудом и подарком богов для всех жителей города. Боги, однако, по мнению Миртена, к этому отношения не имели, и на вопрос Джоша о том, как здесь появилось озеро, тот отвечал коротко: родники. Особой заботы о чистоте воды хартвордцы не проявляли – купались, поили лошадей, драили кастрюли, стирали белье и тут же набирали воду для приготовления пищи. Только сила подземных источников спасала озеро от неминуемого превращения в грязное заросшее болотце.

На площади, примыкая к крепостной стене, стоял деревянный помост с виселицей. Виселица не оставляла сомнений по поводу его основного назначения, хотя нередко это сооружение использовалось и во вполне мирных целях: для зачитывания указов его светлости Рутвена Беркли, графа Хартворда, а также выступлений скоморохов, фокусников и разного рода заезжих артистов.

Мельком глянув на виселицу – слава богам, нынче она пустовала, – Джош обогнул озеро и углубился в Замковую улицу. Здесь было на что посмотреть, хотя Джош и видел все это не единожды: многочисленные лавки и мастерские с выставленными на первых этажах образцами товаров, а у дверей нараспев зазывали покупателей подмастерья и иногда – жены или дочери владельцев; открытые пекарни, из глубины которых доносились горячие запахи сладких булочек; кабаки и таверны со звуками музыки, смехом и звоном посуды.

Рабочий день находился в самом разгаре, а лавки и питейные заведения обычно открывались ближе к вечеру, но толпы народа, прибывшие в замок, диктовали свои условия. Постоялые дворы были забиты приезжими; продавцы и покупатели, нищие и наемные солдаты, подозрительные типы с кинжалами в кожаных ножнах, приличные горожанки, размалеванные девки и нищие заполняли улицу.

Пробираясь через толпу, поругиваясь и отпихивая ногами наиболее настырных дворняг, Джош наконец-то добрался до рыночной площади. Народу здесь толпилось не меньше, но пространство, слава богам, было пообширнее. Джош перевел дух. И тут же в сердцах ругнулся. Буллит. Стоит и пялится прямо на него, и пройти мимо, не столкнувшись нос к носу, не получится.

Буллит служил наемником – все время, сколько Джош себя помнил. И он всегда не давал Джошу прохода. Без повода, по причине свинского своего характера. Буллита в замке не любили. Склочный, неопрятный и вечно небритый тип в выдавшем виды черном кожаном камзоле, о который он имел обыкновение вытирать руки.

Вытирай, не вытирай, подумал Джош, был бы толк. Вонючка.

Сделав вид, что он не увидел тощую фигуру Буллита, и старательно высматривая что-то в лавке напротив, Джош попытался незамеченным пройти мимо. Но безуспешно. Подножка – и он со всего маха шлепнулся носом прямо в лужу на мостовой.

– Какого черта?! – взвился Джош, стремительно вскочив, но не тут-то было. Крепкие пальцы Буллита с вечно грязными ногтями цепко держали его за воротник. Буллит был худ, как сама смерть, но жилист и очень силен.

– Куда спешим, малыш? Что ж ты неаккуратно-то как! Под ноги смотреть надо. – Длинная щель на лице Буллита, которая заменяла ему рот, раздвинулась в ухмылке.

– Отпусти, – прошипел Джош.

– Да как же отпустить-то? А вдруг опять споткнешься? Давай провожу тебя. Куда идем? И в карманах что-то позвякивает, надо же.

Буллит потянул его в проулок между домами. Там валялись корзины и сломанные ящики.

Вот олух я, мелькнуло в голове Джоша. В кармане у него действительно валялось несколько медяков, а он засунул туда еще и ту странную монету, что дал ему мастер Гербер. Улучив момент, Джош с силой крутнулся под рукой Буллита, благо тот был на голову его выше, попутно врезав носком сапога ему по голени. Увы. На мгновение наемник ослабил хватку, но лишь для того, чтобы наотмашь ударить Джоша по лицу. Ошалев от боли – удар пришелся прямо по носу, и перед глазами заплясали искорки, – Джош без разбора принялся месить кулаками пространство вокруг себя.

Вдруг чья-то рука схватила его за запястье.

– Стоп. Да успокойся! Буллит, лапы убери. Опять на неприятности напрашиваешься?

Дыша как загнанная лошадь, Джош затекшим глазом глянул через плечо. Рядом стоял Финн, торговец с рыночной площади. В красном кожаном колете с металлическими бляхами. Ишь ты, хмуро подумал Джош, как солдат на параде вырядился.

Наемник разжал пальцы и неспешно положил руку на рукоять меча, висевшего у него на поясе. С другого бока у него болтался кинжал с тонким длинным лезвием. Очень дорогой кинжал, явно не по одежке.

– И что ж будет? – вкрадчиво спросил он.

– Пф-ф. Да ничего, – Финн мотнул головой в сторону улицы. – Стража вон идет. Проваливай. И чтоб я тебя на площади не видел больше. Балдрику недолго на ухо шепнуть. Или хочешь со мной поболтать?

– Так, значит... ну, ладно. Поболтаем, если надо будет, – Буллит, не торопясь, внимательно осмотрел свой замызганный камзол и, стряхнув воображаемую пылинку, вразвалку пошел прочь. На Джоша он даже не взглянул.

Проводив взглядом фигуру наемника, Финн едва заметно покачал головой.

– Мерзавец, зачем его только держат. Говорят, правда, вояка хороший. Обходил бы ты его стороной, парень. Ему человека прибить, что кружку пива выпить.

– Да я так и хотел, – Джош хмуро принялся отряхивать куртку и штаны от налипшей грязи.

– Ясно. Я так понимаю, у тебя есть что-то для меня? Ру говорил, что ты придешь.

– Ру? – Джош, пытаясь сообразить, уставился на Финна.

– Да. Руддик Гербер. Мастер Гербер.

– А-а. Ну да, не понял сразу, – Джош полез за пазуху. – Вот, он просил...

Финн сделал предостерегающий жест рукой.

– Не здесь. Пойдем за мной.

Финн развернулся и не торопясь направился на площадь.

Площадь называлась Рыночной скорее по-старинке. Когда-то, наверное, здесь действительно велась бойкая торговля, а ныне это место использовалось больше для общения, собраний и встреч. Посреди нее на замощенной крупным булыжником площадке высился единственный в городе колодец, построенный, судя по его виду, одновременно с самим замком: из больших серых камней, а высота кладки доходила до середины груди. Над колодцем нависала деревянная крыша. Воды там по-прежнему имелось вдосталь, но приходили за ней сюда только слуги из зажиточных домов, хозяева которых брезгали пользоваться общественным озером. Вокруг колодца стояли старые каменные скамьи, нередко занятые беседующими кумушками или влюбленными парочками.

Площадь окружали дома, облик которых свидетельствовал если и не о богатой, то о бедной жизни владельцев. Крепкие засовы, окна, некоторые даже с витражами, и толстые ясеневые двери, затейливо украшенные ковкой. Дом Финна, одного из самых влиятельных купцов Хартворда, задней своей стороной примыкал непосредственно к крепостной стене. Отперев дверь огромным, в ладонь размером, железным ключом, он кивком пригласил Джоша войти.

Внутри царил полумрак. Ставни прикрывали окна-бойницы, и только узкие лучи света прорезали пространство, позволяя разглядеть стол со стулом посередине помещения, пару комодов и лестницу, что вела в подвал.

Ни слова не говоря, Финн протянул руку. Немного замешкавшись из-за темноты, ослепившей его после яркого дневного света, Джош отдал ему герберов свиток и принялся копаться в кармане, выживая золотую монету. Финн развернул пергамент и вместо того, чтобы открыть ставни или хотя бы зажечь свечи, подошел к окну и, шевеля губами, начал читать, пользуясь единственным солнечным лучиком. В воздухе плясали пылинки.

– Еще вот это, – Джош протянул монету. – Мастер Гербер велел передать, что в замок до вечера...

Он осекся, увидев выражение лица Финна. Тот уставился на монету, как кролик на змею. Или нет, подумал Джош, скорее так: как медведь смотрит на ежа, раздумывая: отправиться ли ему дальше или, рискуя исколоть всю морду, все-таки попробовать съесть.

– Значит, время пришло, – скорее себе самому негромко произнес купец, – жди здесь.

Взяв монету, Финн крепко зажал ее в кулаке, развернулся, и начал спускаться в подвал. Ну и ну, мелькнула мысль в голове Джоша, что за таинственность такая. Или он каждый раз деньги за товар берет с таким загадочным выражением на лице? Неудивительно, что покупателей не видно. Дом-то унылый какой. Жены, похоже, у него нет, да и никого нет.

От нечего делать Джош принялся рассматривать большой серебряный подсвечник – единственное, что стояло на столе, прикидывая по ходу дела, ждет ли его еще Гуго в назначенном месте, или уже сбежал? Терпеливостью тот никогда не отличался. И, кстати, любопытно: знает ли Финн, какая интересная каморка есть почти над крышей его дома?

От ленивых раздумий его отвлекли приближающиеся шаги.

– Вот, – сказал купец, – возьми.

С этими словами он протянул ему небольшой и, судя по всему – Джош опять вытаращил глаза, – серебряный ключик, размером не более двух дюймов.

– Что это? Герберу передать?

– Нет. Слушай внимательно. Ключ оставь себе, спрячь куда-нибудь. Никому про него не говори. И про ту монету тоже. Никому, понял? Иначе за жизнь твою не дам и куска руды.

– Да что за черт?! Сами его Герберу передайте. Не нужен он мне.

Джош развернулся и решительно направился к двери.

– Стой! А без этого ключа и полкуса не дам.

– Что за загадки? Ясно не можете сказать? От чего он? Кому отдать-то?

Финн вздохнул.

– Не могу. Сам все потом узнаешь. Ключ твой. Никому не отдавай, никому про него не говори и никому не показывай. И запомни еще одно: оно спрятано внизу. Оно спрятано внизу. Понял?

– Да, – фыркнул Джош, – все понял. Как иначе – все ж ясно, как белый день. Никому и ничего. Внизу. Только дурак не поймет. До свидания.

Зажав ключик в кулаке, он выбежал на улицу.

Глава 3. Рич Беркли, граф Клеймор

Джош прикрыл за собой дверь и, щурясь от яркого полуденного солнца, внимательно осмотрелся. Три горожанки болтали, стоя под навесом возле колодца, носильщики разгружали телегу у купеческого дома, слуга усиленно поливал водой из кожаного ведра площадку перед постоянным двором, стараясь хоть немного прибить горячую пыль. В сторону Джоша вроде никто не смотрел.

Он засунул ключ поглубже в карман, нырнул в узкий проулок сразу после дома Финна, залез на пустую бочку, подпрыгнул и, подтянувшись на руках, оказался на плоской деревянной крыше соседнего сарая. Чуть дальше, футах в десяти, крепостная стена имела непонятно для чего сделанную внутреннюю выемку, типа желоба, тянущуюся до самого верха. Там, на высоте примерно джошевой головы, в каменной кладке был пролом, почти незаметный с Рыночной площади. Еще раз на всякий случай оглядевшись, Джош забрался в дыру и оказался внутри довольно просторного помещения, устроенного прямо в толще стены замка.

Эту каморку Джош и Гуго обнаружили давно, когда еще мальчишками лазали по всем подворотням и крышам в поисках приключений. Восторг был неопиcуемый. Судя по слою пыли внутри и паучьим тенетам, об этой каморке не знали, либо забросили в незапамятные времена. Разбитые ящики, полуистлевшие корзины и осколки глиняных кувшинов валялись на полу. Тщательно все обшарив, друзья нашли только проржавленный нож, который являл для них тогда великую ценность. Более ничего интересного, если не считать человеческого скелета. Отчаянно трусая, мальчишки за пару дней вынесли кости, стараясь, чтобы их никто не заметил; все прочее трогать не стали.

Также они натаскали сена, которое при случае любому из них служило постелью. Огромную его охапку мальчишки навалили в одном из углов, а в другом... в другом была тайна. Небольшая, в три локтя высотой, вся в железных заклепках почерневшая от старости дубовая дверца. В ней имелась замочная скважина, но, сколько они не пытались разглядеть, что за дверь, ничего не получалось. Там царили темнота и тишина, а поднесенная к отверстию свеча, пламя которой никогда не колебалось, доказывала лишь одно: с той стороны находилось какое-то запертое и, судя по всему, заброшенное помещение.

Осмелев через пару недель, друзья пытались открыть или даже выломать дверцу, но вскоре бросили это занятие, сочтя его безнадежным. Дверь, похоже, была очень толстая и, несмотря на старость, стояла как каменная. Единственное, в чем они уверились, что вела она, судя по форме замка, куда-то во внутренние покои на втором этаже.

Ключик. Н-да, интересно. Джош нащупал серебряную вещицу через мешковину штанов. Но он, конечно, не от этого замка. Маленький слишком.

По-привычке глянув мельком на дверь, Джош осмотрелся. Ноги Гуго торчали из охапки сена.

– Проснись, соня. – Джош шлепнулся в мягкий стог. – Перекусить есть что?

– Я уж думал, не придешь. – Голова Гуго, вся в застрявших соломинках, показалась над поверхностью. – Вот, молоко осталось. О боги! Что с тобой? Неужто Гербер?!

– Нет. – Джош осторожно потрогал заплывший глаз. – Буллит.

– Экая гадина. И чего он к тебе прицепился? Слушай, а давай всыплем ему по полной? Он каждый вечер вдрызг в таверне Фло напивается. А что? Подкараулить, да надрать задницу.

– Нет. Не хочу. Не по мне это.

– Боишься, что ль?

– Да нет. Вот возьму свою дубинку и настучу ему по голове. Сам. Может, тогда поймет, что я ему не щенок какой-нибудь.

Гуго хмыкнул.

– Да уж, настучишь. Ты видел когда-нибудь, как он дерется? Суший дьявол. Третьего дня четверых на арене положил. Гавен до сих пор в лазарете валяется со сломанными ребрами. Это тебе не с мастером Томасом в деревяшки забавляться. Прибьет он тебя, как комара.

– Это мы еще посмотрим. – Немного поколебавшись, Джош сунул руку в карман и вытащил оттуда ключ. – Смотри, что у меня есть.

Гуго выпучил глаза.

– Серебряный?! Где взял? От чего? Стащил у кого, что ли?

Он осторожно взял ключик и принялся его разглядывать.

– Ну? – немного погодя спросил он, вздернув брови.

Вздыхнув, Джош вкратце поведал ему историю о монете Гербера и странном поведении Финна.

– Что спрятано внизу? – Гуго еще с большим вниманием уставился на ключик.

Джош пожал плечами.

– Не знаю. Так понимаю, что где-то что-то спрятано, что этот ключ открывает.

– Интересно. Слушай, а не подставил ли тебя Финн? Обыщут тебя, ключ найдут, где взял? Не у каждого в карманах серебряные штуковины валяются. Думаешь, твоей байке поверит кто-нибудь?

– Да не, не похоже. Смысл-то какой? Я с Финном за всю жизнь дюжиной слов только перебрался. Да и если хотел бы подставить меня, тайком бы ключ подкинул.

– Ну, так-то правильно. Но я бы на твоём месте спрятал бы его куда-нибудь подальше. Мало ли.

– Ладно. Ясно, что ничего не ясно. – Джош взял ключ и засунул его обратно в карман. – Давай, рассказывай, что там Равен ночью говорил.

– А-а, да. Здесь собрание будет. Такое, что мы в жизни не видели. Толпа графов, герцогов сюда едет. Их светлости, их высочества. Граф Гленгорм, граф Хантли, герцог Левеллин, граф Марч, еще куча народу, не запомнил. Короче, вся пограничная братия в гости к нам. И вроде уж не сегодня-завтра прибывать начнут. Вот такая история.

– А зачем приезжают-то?

– Откуда мне знать? – Гуго пожал плечами. – Ты думаешь, сир Равен все подробности главному повару выложил? Они просто про еду говорили, про блюда всякие, да кто где почивать будет. А ты знаешь, кстати, что у нашего лорда брат есть? Он тоже приезжает.

– Знаю. Даже не один. Только не видел я их никогда.

– А кто видел-то?

– Да уж. Не особенно, судя по всему, они дружат. Ну, ладно. – Джош поднялся. – Мне идти пора, доложить надо, а то Гербер опять орать начнет. О! Совсем забыл. Буллит мне все мозги выбил. А ты о дхарге слышал?

– Дхарге?

Джош выложил ему историю гонца Фрая; Гуго слушал, открыв рот.

– С ума сойти. Здорово. Никогда дхаргов не видывал. Давай, я с тобой пойду, может, еще что разузнаю.

Гуго принялся отряхивать одежду от налипшей соломы. Минуту спустя друзья, стараясь не привлекать внимания, по одному осторожно выбрались из своего укрытия.

* * *

Южные ворота города были распахнуты настежь. Толпы народа, шумно переговариваясь и о чем-то отчаянно споря, через плечи стражников пытались выглянуть наружу. Стражников, собственно, насчитывалось не так уж и много – два-два с половиной десятка человек, выстроившихся вдоль мощеной дороги от входа в город до ворот замка. Самый их вид, однако,

внушал почтение: не каждый день жителям удавалось увидеть вырядившихся словно на парад солдат. Ярко-красные кожаные камзолы с начищенными до зеркального блеска медными бляхами, сверкающие шлемы, выбритые подбородки и длинные алебарды в руках.

В отсутствие начальника стражи Балдрика ими командовал кастелян замка сир Равен, приземистый, уже немолодой человек с вечно неприступным выражением лица; почти на каждом пальце его рук сверкало по перстню с драгоценными камнями. Одежда его походила на солдатскую, если не считать длинного, почти до земли, красного плаща; вместо шлема на его голове красовался бархатный берет, расшитый самоцветами. Равен неспешно прохаживался вдоль строя; казалось, что одного взгляда его серых глаз из-под кустистых бровей хватает, чтобы сдерживать толпу на приличном расстоянии.

В полумиле от городских ворот виднелся древний каменный мост, возведенный над руслом обмелевшей в незапамятные времена реки. Где начиналась эта река, никто толком не знал, но опять же поговаривали, что, обогнув замок, русло, петляя, уходит все дальше и дальше на юг, куда-то даже за Гриммельнский Вал. И обмелела-то она после того, как этот самый Вал возвели, устроив за ним магический купол. Вода в реке то краснела, то чернела, принося вниз по течению полусгнившие остатки неведомых растений, пока не исчезла совсем; деревья по берегам съезжились и усохли. Река звалась Суонси, и местные жители по-прежнему, хотя воды там и в помине не было, говорили: «за рекой», или «нашел в реке». Находок, впрочем, в последнее время никаких не случалось: Суонси по понятным причинам пользовалась дурной славой, а земли, расстилавшиеся по ту ее сторону, хотя и являлись владением графа Хартворда, считались уже частью Пустыни, на которую неведомым образом падала мрачная тень Гриммельна.

– Едут! Едут!

Возбужденные крики из толпы заставили Равена обратить взгляд на мост. Клубы пыли уже, наверное, с час как виднелись в той стороне, но только сейчас показался передовой отряд. Кастелян махнул рукой; к нему подвели чепрачного жеребца, на которого сир Равен вскочил без видимых усилий; затем неторопливо, в сопровождении двух наемников, направился к выходу из города.

В сотне шагов от ворот он остановился. Прибывший авангард тем временем рассредоточился, образовав две плотные шеренги, между которыми, также не спеша и небрежно придерживая поводья рукой, к встречающим подъехал лорд Беркли.

Рутвен Беркли, граф Хартворд, был высоким, крепко сложенным мужчиной лет около сорока. Длинные, рыжевато-оттенка светлые волосы свободно падали на плечи, удерживаемые на голове простым железным обручем. Сейчас его облик являл собой разительный контраст с ярко-красными доспехами городской стражи и их сверкающими на солнце шишаками, но ни потускневшая стальная кираса графа, ни пропыленный серый плащ все же не оставляли сомнений в том, что в город приехал его господин.

– Сир Равен, – просто сказал он, – приветствую.

Кастелян еле заметно склонил голову.

– Приветствую, ваша светлость. Все спокойно.

Вдруг, как будто по молчаливому согласию, оба широко улыбнулись.

– Рад видеть тебя, старина, – не слезая с лошади, граф приблизился к Равену, и они крепко пожали друг другу руки.

– Я тоже рад, милорд. Все ли живы? Есть ли известия?

– И немало. Всему свой черед.

Граф обернулся. Из-за его спины показался всадник. Верхом на вороном жеребце, в черном платье и такого же цвета плаще. Невысокого, как можно было заметить, роста, с чисто выбритым лицом и крючковатым носом. Серебряный нагрудник и длинные жемчужные серьги в ушах. В отличие от лорда Беркли, волосы его удерживались искусно сплетенным золотым ободком с тремя зубцами надо лбом.

– Брат, – граф Хартворд сделал еле заметный жест рукой, – позволь представить тебе сира Равена Оргина. Он моя правая рука, а также левая, и иногда, – граф усмехнулся, – да, даже иногда и голова. Сир Равен – его светлость Рич Беркли, граф Клеймор.

– Голову всегда полезно иметь свою, – несколько скрипучим голосом произнес Клеймор. – Оргин... Я слышал о Лане Оргине, лорде Харлеха.

– Это мой отец, – сухо сказал кастелян.

– О-о. Сочувствую.

– Не стоит, милорд. Давние дела. Харлеха уже нет, как и лордов Харлеха. Прошу следовать за мной.

Не дожидаясь ответа, Равен развернулся и поехал к воротам. Следом, негромко переговариваясь, скакали оба брата, а за ними, уже почти не соблюдая строя, около двух сотен солдат. В пыли, с усталыми, но довольными лицами, с написанным на них предвкушением отдыха и вечерней попойки.

Толпа ликовала. Кто-то высматривал друзей и знакомых, кто-то, подбрасывая шапки вверх, кричал «Слава лорду!»; как только первые отряды вошли в город, стража, проследив за тем, чтобы сиятельные господа благополучно скрылись за воротами замка, также слилась с горожанами и прибывшими, здороваясь и спрашивая о новостях.

Замыкала шествие группа солдат, единственная сохранявшая строгий порядок. Впереди, грозно покрикивая на запрудивших дорогу хартвордцев, ехал сир Балдрик Одли, начальник замковой стражи. С десятков наемников, не особо церемонясь, древками копий распихивали толпу, освобождая путь для огромной телеги, которую с натугой тащила четверка лошадей. На ней стоял большой ящик не меньше пяти локтей высотой, скорее, даже не ящик, а нечто прикрытое деревянными щитами, скрепленными по бокам железными скобами. На телеге рядом с возницей сидел замковый лекарь, он же Хранитель манускриптов Миртен, по обыкновению одетый в длинную темно-красную рясу, изрядно запылившуюся в дороге.

Телегу почти вплотную подвезли к помосту с виселицей. Полторы дюжины солдат, вместе с присоединившимися к ним стражниками, зацепили ящик веревками и втащили его по предварительно установленным полозьям. Замковый плотник принялся молотом сбивать железные скобы.

Толпа охнула и подалась вперед. В клетке сидело, забившись в угол, непонятное волосатое существо. Двое наемников, вооружившись копьями, без церемоний принялись тыкать его через прутья; существо, поначалу как будто и не чувствовавшее уколов, вдруг взревело и бросилось на обидчиков, сумев выдернуть копьё у одного из них. Ловко перехватив древко в руке, дхарг занес его для броска. Какая-то женщина завизжала. Наемник, столь незадачливо лишившийся своего оружия, лежал на помосте на спине в трех шагах от клетки. Пытаясь отползти назад на руках и шепча что-то побелевшими губами, он остановившимся взором смотрел на острие копья, направленное ему прямо в грудь.

– *Кроххи*, – низким гортанным голосом прохрипел дхарг. – *Н'гор кроххи*.

Дхарг был огромен. На голову выше самого высокого человека, хоть и стоял он сильно сгорбившись, с широченными плечами. Его руки, или скорее, лапы толщиной превосходили человеческую ногу, а по длине свисали почти до колен. Ноги напоминали козлиные и оканчивались здоровенными ступнями с тремя пальцами каждая. Все тело поросло буровой шерстью. Он был почти обнажен, если не считать потерявшей свой цвет грязной набедренной повязки, и весь заляпан высохшими кровавыми пятнами. А морда... морда походила на кабанье рыло с огромными желтоватыми клыками, торчащими вверх.

Не опуская руки с копьём, он медленно обвел толпу мутным взглядом. Голова его дернулась, и глаза остановились на фигуре в красном балахоне, торопливо поднимавшейся на помост.

– Миртен, стой! – яростно заорал сир Балдрик. – Назад!!!

Лекарь, даже не обернувшись, махнул рукой, как будто отгоняя надоедливое насекомое, и приблизился к клетке.

– *Итмаг'и вахх*, – тихо и старательно произнес он, – *тморр кохи'ишваар*.

Взгляд чудища застыл.

– *Кроххи*, – вновь прохрипел он. Миртен покачал головой. Потом очень, очень медленно протянул руку к копыю. Дхарг взревел и, переломив древко, как тростинку, отшвырнул обломки в сторону.

– Ух-ходи, – вдруг явственно произнес он и, не обращая уже никакого внимания ни на Миртена, ни на обступивших помост солдат с натянутыми луками, уселся в углу клетки, прикрыв глаза.

Миртен зло обернулся к лежащему наемнику.

– Дурень. Вон отсюда. – И, подобрав полы своей хламиды, принялся спускаться вниз.

– Сир Балдрик! – Начальник стражи хмуро уставился на щуплую фигуру лекаря. – Поставьте охрану. И каждый, кто посмеет размахивать тут своими железяками, еще до заката отправится в петлю. Я обещаю это от имени его светлости.

– И еще одно. – Миртен глянул на Балдрика снизу вверх. – Вечером переправьте нашего пленника в подземелье. И проследите, пожалуйста, самолично. Чтобы без происшествий.

* * *

Джош на пару с Гуго наблюдали за всей этой сценой, примостившись на крыше одного из складов, окружавших замковую площадь.

– Вот тебе и сказки... – выдохнул наконец Гуго. – Что за зверина такая, не подумал бы даже... А морда, морда-то какова! Видел?! Что ж его сразу-то не убили, хотел бы я знать?

– Я б тоже не убил. – Джош пожал плечами. – Это ж просто. Сам рассуди – этих тварей за Валом, судя по всему, тьма тьмущая. И что там делается, тоже никому неизвестно. Миртен с лордом узнать хотят, что. Потом – он же сбежал оттуда. Почему сбежал? Интересно все-таки. А какой прок от мертвого дхарга?

– По-моему, ты книжек перечитал. От живого большой прок. Все вы такие, ученые-сухари моченые... узнать там чего-нибудь еще. Да кому это надо? Я чуть от страха в штаны не наложил, когда этого урода увидел. Так что по мне, прибил бы его сразу, как только заметил, пока он шевелиться еще не мог. А так, конечно, удивительно. Он и разговаривать умеет. Ни за что б не подумал. А лекарь-то-библиотекарь каков! Молодец мужик. Я-то думал, что он только со склянками возиться горазд.

– Да, удивительно, – Джош согласно покачал головой, – надо же – Миртен язык знает, на котором никто не разговаривает. Дхаргский. Надо бы порасспросить его об этом. Ладно, пошли отсюда, на кухню пора. Этот чернявый лорд приехал, а сегодня вечером, как я понимаю, еще народ прибудет, так что работы будет по горло.

Гуго кивнул. Особых обязанностей у него не имелось, и на кухне он обретался в качестве мальчика на побегушках. Поди туда, принеси то, позови того, найди это.

Легко спрыгнув с крыши, друзья направились к входу в замок, по дороге посетовав друг другу на то, что теперь из-за того бездаря-наемника вокруг клетки с дхаргом выставили охрану. Впрочем, смотреть уже было не на что: пленник, сторбившись в углу клетки, не подавал признаков жизни, а стражники грозно цыкали на каждого, кто пытался криками расшевелить чудище.

У ворот они остановились. Похоже, пробиться к кухне требовало особого труда: весь двор запрудили телеги со скарбом, народ тащил в разные стороны взбрыкивающих лошадей, и тьма-тьмущая носильщиков и наемников, отчаянно ругаясь, пыталась разгрузить поклажу и, что было еще труднее, в целости и сохранности дотащить ее до места назначения. Обеденные

столы заняли веселящиеся и оружие солдаты, вокруг которых столпилась дворня, бросившая ради такого случая свои дела.

– А я ему и говорю...

– Смотрю – лежит. Я сначала подумал, мешок какой...

– А Ганс, дурень, давай орать...

– Сам дурень...

– Фальбут к стенке подошел, его как молнией шарахнет, он на пять шагов отлетел...

Старательно прислушиваясь к обрывкам рассказов, доносившихся со всех сторон, друзья пробирались вперед.

– Джош! Джош, привет! Стой!

В общем гаме Джош не сразу понял, что его зовут. Он живо обернулся на знакомый голос.

Лавируя в толпе и ловко уворачиваясь от лошадиных копыт, к ним скорым шагом приближался мастер Томас Одли, сын Балдрика. Ростом чуть пониже Джоша, с вьющимися каштановыми волосами до плеч, Томас был просто красавец. Ладно скроенный, с мужественным лицом, но казалось, что все это его самого, как будто, не очень-то и волновало, чего нельзя сказать о многих девичьих глазах, которые нередко с явным интересом провожали взглядами его фигуру. Да уж, мельком подумал Джош, их можно понять, особенно сегодня. В новенькой форме, с развевающимся плащом и в начищенных сапогах со шпорами, а сбоку – самый настоящий меч в кожаных ножнах. Здорово. Жозефина, кстати, тоже как-то пыталась строить ему глазки, впрочем, без особой надежды. Она считала себя практичной девушкой.

Друзья обнялись.

– Привет, Том. Отлично выглядишь.

– Ох, уморил! – Томас хмыкнул. – Хочешь за мной поухаживать? Гуго, привет! Куда идете?

Гуго церемонно наклонил голову.

– Нас наемни на бал пригласили. Идем к портному платье заказывать.

– Ха-ха! Смешно. На кухню, что ли? – Томас развернулся, и они уже втроем направились к замковым Палатам. – Джош, слушай, так поболтать охота. Давай, я попробую тебя от мастера Гербера отмазать? Может, получится?

– Не знаю. – Джош пожал плечами. – Я уж с обеда там не показывался. На ваше чудное смотрели, что вы привезли. И как же вам его пленить-то удалось?

– Да уж. – Том улыбнулся. – Потеха случилась еще та. Да и другого много чего интересного. Знаешь, а Вал-то разрушен!

– Разрушен?!

– Ну да. Дыра такая, что шестеро конных в один ряд пройдут. Только, чур, я не говорил вам ничего. Мы починили его, как смогли, камней натаскали. Его светлость строго-настрога запретил всем об этом распространяться.

– Пф-ф, ну да. Двести человек видели, и никто никому ничего не скажет.

– Да я тоже об этом подумал.

Разговаривая, друзья мало-помалу дошли до входа в кухню. Дверь была распахнута настежь; через нее туда-сюда сновали носильщики, затаскивая внутрь бесконечные корзины и бочонки.

– Эй, вы. Стоять!

Резкий голос за спиной заставил всех троих недоуменно обернуться. Со стороны Палат к ним приближался невысокий, одетый во все черное человек, с уродливым шрамом на щеке, в кафтане с посеребренным поясом и рукавами, концы которых свисали почти до земли. Сбоку у него болтался длинный и, судя по виду, дорогой кинжал, с вделанным в рукоять крупным мутноватого цвета изумрудом.

– Ты, – указательным пальцем он небрежно ткнул в Джоша, – следуй за мной. А вы оба можете идти. – Он кивком указал в сторону парадной лестницы, ведущей на первый этаж господских покоев.

Не дожидаясь ответа, человек развернулся и, осторожно ступая по пыли черными бархатными туфлями, зашагал к Палатам.

Джош пожал плечами.

– Эй, кто вы? Куда идти?

– Мой господин хочет поговорить с тобой. Шевелись.

– Сир Рутвен?

Человек остановился. Вполоборота глянув на Джоша, он еле заметно качнул головой.

– Его светлость граф Клеймор. Не заставляй его ждать. И меня тоже.

Только сейчас Джош обратил внимание на еще одну черную фигуру, стоявшую на нижних ступеньках парадного входа. Рич Беркли, сойдя с коня, оказался невысокого роста, а поза его заставляла предположить, что он, по всей видимости, довольно сильно хромает; одна нога была чуть короче другой. Засунув большие пальцы рук за пояс, весь расшитый золотом и драгоценными камнями, он внимательно разглядывал приближающегося юношу.

Джош в недоумении подошел к лестнице.

– Ваша светлость... – он неловко преклонил колени.

– Кто ты? Как зовут? – Скрипучий голос сира Рича словно царапал по ушам.

– Работаю на кухне, сир. Помогаю там мастеру...

– Кто родители?

– Я сирота, сир.

– Сними рубаху.

Джош потрясенно уставился на графа. Тот нетерпеливо щелкнул пальцами. Человек в черном подскочил к юноше.

– Делай, что говорят. Живо.

Пожав плечами, Джош встал и принялся медленно развязывать тесемки, но в то же мгновение отлетел в сторону, получив сильнейший удар по затылку. Рядом высилась квадратная туша главного повара с еще поднятой рукой, а в десятке шагов за ней – запыхавшаяся фигура Гуго. Повар неуклюже бухнулся на колени.

– Это поваренок мой, ваша светлость. Руддик Гербер к вашим услугам. Уж простите великодушно. Ежели натворил чего, шкуру с него спущу. Пошел вон отсюда! – рявкнул он, поворотив голову в сторону ошалевшего Джоша.

Пару мгновений граф Клеймор смотрел на мастера Гербера. Затем улыбнулся уголками рта.

– Мастер Гербер! Брат так нахваливал ваше мастерство, что я жду-не дождусь вечерней трапезы. Пирог с олениной и горячим перцовым соусом. Они будут?

– Вне всякого сомнения, милорд. Кроме того, арденнские ржанки с шафраном и еще...

– Превосходно. – Граф Клеймор развернулся и, прихрамывая, принялся взбираться по лестнице. Черный человек, косо глянув на Джоша, последовал за своим господином.

Подождав, когда его светлость скроется за высокими двустворчатыми дверями, повар с трудом поднялся, схватил Джоша за руку и, пытаясь, потащил его за собой.

– Да в чем дело, в конце концов?! – Джош еле поспевал передвигать ноги, морщась от боли и в голове, и в руке; здоровенная пятерня мастера Гербера мертвой хваткой вцепилась в его запястье.

Все так же молча главный повар втолкнул Джоша на кухню и затолкнул его в небольшую полутемную каморку, с потолка которой свешивались многочисленные палки колбас и копченых окороков. Густо пахло сыростью и специями.

– Садись.

– Да объясните мне уже...

– Молчи и слушай, Джош.

Джош в изумлении открыл рот, забыв даже потереть ушибленный затылок. Он не помнил случая, чтобы мастер Гербер обращался к нему иначе, чем «эй, ты» и «пошел вон».

Выпустив полную грудь воздуха, повар уселся на топчан.

– Держись подальше от Рича Беркли. Держись от него так далеко, как только сможешь. А если судьба сведет тебя с ним достаточно близко, удирай так, чтобы только пятки сверкали. Понял?

– Понял, мастер Гербер. Но все-таки...

– Нет. – Повар предостерегающе поднял вверх руку. – Больше ничего тебе сказать не могу. На кухне не показывайся. Чтоб не видел я тебя эти два дня.

Вздыхнув, Гербер поднялся и вышел за дверь, оставив Джоша в совершеннейшем ошалеении.

Глава 4. Алиенора

– Ну, почему, почему я не могу остаться?! – Алиенора Беркли, закусив нижнюю губу, обиженно разглядывала свое отражение в большом, футов в шесть высотой, зеркале в золоченой раме. – Бланка, это несправедливо.

Зеркало было старое и мутноватое; посеребренное покрытие с обратной его стороны уже заметно потускнело, но кроме этого, других зеркал в замке не имелось, и стояло оно в ее опочивальне. В королевстве зеркала делать не умели, а уж тем более такие огромные: все они привозились купцами далеко с востока, и продавались втридорога в столице, в Лонхенбурге.

– Спрашивается: чего ради я полдня одевалась да прихорашивалась? Ради того, чтобы на четверть часа к гостям выйти? Ах, дядюшка, как я рада вашему приезду! О, кузен, как рада познакомиться! Ах, племянница, я вас последний раз в колыбельке видел! Вы так прелестны, дитя мое! Надеюсь, вы почтите своим присутствием сегодняшней ужин? Конечно, почту. Раз в год это платье надеваю, так неужели ж для того, чтобы взаперти весь вечер просидеть?!

– Раз в год, – хмыкнула Бланка, дочь кастеляна Равена, – в смысле, второй раз. Если не ошибаюсь, тебе его три месяца назад привезли.

– Ну, да. – Алиенора засмеялась и, приняв величественно-томный вид, продекламировала:

*Блио нарядное свое
Достать она велела,
И плац с пурпуровой каймой,
Что здесь скроили ей самой.
Все ей принесено тотчас:
Вот нежный мех, парча, атлас,
Вот платья шелк лоснится гладкий
На горностаевой подкладке.
И украшенья золотые –
А в них каменья дорогие:
Зеленый, алый, голубой
Чаруют пышную игрой...
(Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Стихи 1590-1600. Перевод Н.Я.Рыковой)*

– Эх... – Мельком глянув еще раз в зеркало, она манерно взмахнула руками, сделала на носочках пируэт и уже совсем не так элегантно плюхнулась на высокую кровать с балдахином, занимавшую не меньше четверти всей комнаты. На кровати, подобрав ноги, уже сидела ее подруга.

– Осторожно! – вскрикнула Бланка. – Помнешь же!

– Ну и пусть. – Алиенора состроила гримаску. – Кому это надо?

Тем не менее она приподнялась и расправила юбки. На ней было одето роскошное темно-фиолетового цвета *блио* из плотного шелка с глубокими вырезами спереди и на спине. Платье плотно облегало грудь и живот, подчеркивая фигуру; к низу оно сильно расширялось, волосась сзади по полу. Разрезы по бокам открывали ослепительно белую нижнюю рубашку из тончайшего полотна, с подолом, украшенным вышивкой. Рукава от локтей свисали до самого пола. Завершал наряд витой шелковый с золотом шнур, искусно завязанный первым оборотом вокруг талии, вторым – на высоте бедер; длинные русые волосы Алиеноры, заплетенные в две косы, аккуратными спиралями лежали по обеим сторонам головы.

– Ведь так послушать хочется, о чем говорят! Не потому же все приехали, что соскучились.

Бланка пожала плечами. Всего на полгода или на год старше своей подруги, она выглядела значительно серьезнее, быть может, благодаря темным волосам, завязанным в тугий узел.

– Ну, если очень хочется, это можно устроить.

– Как это?!

– В холле, где все сидят, второй ярус есть, с маленькой такой площадкой, с парапетом. Там еще музыканты иногда играют. Ты никогда не задумывалась, как они туда попадают?

– Честно говоря, не задумывалась. Ну, попадают как-то. А ты знаешь, как?

– Понятия не имею. Но это не трудно выяснить. Со стороны кухни, может быть? Кто-нибудь из прислуги да знает.

Алиенора вскочила на ноги.

– Так давай спросим!

– Эх, – Бланка вздохнула, – ежели прознают, отец меня на хлеб и воду на неделю посадит.

– Ну, Бланка... неужели самой не интересно?

Поколебавшись пару мгновений, Бланка хлопнула в ладоши.

– Ладно. Сиди здесь. Я сейчас попробую узнать, а ты придумай пока, во что переодеться. Хороша ты будешь – в шелках по кухне бегать.

Как только дверь за ней закрылась, Алиенора немедленно принялась копаться в сундуках в поисках какой-нибудь подходящей к случаю одежды. Затем, молчаливо посетовав на отсутствие подруги, начала самостоятельно, стиснув зубы и тихонько ругаясь, стягивать чрезмерно узкое платье. Прическу, над которой две горничных возились, наверное, с час, она предпочла скрыть под простым домотканым платком – ведь если придется быстро переодеться, им с Бланкой ни за что не восстановить это сооружение в первоначальном виде.

Посмотрев в зеркало, она осталась очень довольна произведенным превращением. Конечно, этот наряд никого бы не обманул – все в замке знали ее в лицо, – но в сумерках и особенно ни к кому не приближаясь, вполне можно проскользнуть незамеченной.

Бланка все не возвращалась. Алиенора вновь уселась на кровать, лениво размышляя о своих родственниках. Было бы, конечно, интересно познакомиться и завести новых подруг, но все приехали без дочерей. Она знала, что у графа Хантли есть дочь Берта, примерно ее возраста, ну, может быть, чуть постарше; у Рича Беркли тоже есть, правда, еще совсем подросток – Гвинет то ли двенадцать, то ли тринадцать лет, – но все равно, она не отказалась бы поболтать, да расспросить, кто, где и как.

Вспомнив Рича Беркли, Алиенора поежилась. Очень неприятный тип. Хорошо еще, что дядя, а не жених. Маленький, черный весь, хромой к тому же. Но главное – что неприятный. Смуглая кожа, глаза темные, смотрит, как будто сверлит, да еще и голос поскрипывающий. Любопытно, кстати, откуда он взялся такой в ее семействе? И отец ее, и покойный дед, которого она помнила очень смутно, и старший дядя, Камбер, герцог Беркли, которого она, впрочем, тоже видела очень-очень давно; говорили, что он серьезно болен – все они отличались высоким ростом, светлыми волосами и зелеными глазами. А граф Клеймор – ну, просто гоблин какой-то. И тот тип, который всюду за ним таскается, Сайрус, тоже такой же черный и вылизанный, что ли. И с ужасным шрамом на пол-лица.

Сын Рича, которого тот привез с собой, Дрого, граф Марч, похоже, из того же сундука вылез. Мальчишка лет тринадцати-четырнадцати, этакий противный зазнайка с задранной вверх носом. Здравствуйте, кузина, как здесь у вас грязно.

– Вы хоть танцевать-то умеете? – вздернув губу, спросил он.

– Пф-ф, – фыркнула Алиенора. Своей макушкой этот чернявый граф едва доставал ей до подбородка. – Не про вашу честь. Подрасти сначала.

Она презрительно повернулась к нему спиной. И ей показалось, что Дрого пробормотал ей вслед что-то гадкое и жутко неприличное. Вспыхнув от гнева, Алиенора через плечо сообщила ему о том, что некоторых из присутствующих здесь рыцарей, похоже, воспитывали в подворотне. Подумаешь.

Слава богам, что я южанка, мысленно кивнула она самой себе, а здесь еще чтят древние обычаи. В этих землях – в Ллевеллине, Гленгорме, Хартворде, – именно женщины выбирали себе мужей, а не наоборот. Родители могли советовать, женихи – делать предложения, но не более того. «*Онд ин олль петендер финьяд*, – говорила женщина, – *только по моему разрешению*», – и мужчине, преступившему этот закон, отрубали руки, а потом скармливали псам. И она сама выберет себе супруга, так же, как когда-то ее мать выбрала ее отца.

До их знакомства Рутвен Беркли был простым рыцарем, хотя и со своим замком, который Алиенора не видела никогда: Ллир стоял где-то очень-очень далеко, на берегу холодного северного моря. И богам было угодно сделать так, что Фьора Риэннон, ее мать, повстречала Рутвена, и уже на третий день сказала ему, что хотела бы видеть его своим мужем. И это даже несмотря на то, что ее престарелый отец, граф Эдред Хартворд, не одобрил выбор своей единственной дочери и наследницы. И она, Алиенора, поступит так же. Она никогда не допустит, чтобы в ее жизнь вошел какой-нибудь мерзкий типчик, вроде этого Дрого. Интересно, его сестра Гвинет Беркли такая же невежа?

У меня вот тоже есть брат, уже в тысячный раз подумала она. Ну, наверное, есть. Где-то есть. И наверняка высокий и красивый, не то, что этот Дрого. Алиенора вздохнула. В замке Хартворд эта история считалась под запретом, и отец строго-настрого запрещал о ней упоминать, мрачней каждый раз, как грозовая туча. Девушка слышала этот рассказ неоднократно, и с течением времени он потерял свою остроту.

Когда-то, еще до ее появления на свет, у нее были двое братьев-близнецов. Ралф и Эдмунд, которым сейчас исполнилось бы лет по пятнадцать или около того. И однажды ночью недалеко от Гриммельнского Вала, на одну деревню, где остановились ее родители, напали волки. Сто волков, тысяча огромных черных волков. Кое-кто из стражников, сопровождавших тогда графа, рассказывал эту историю каждый раз полусшепотом, поминая нечистого. Погибли, наверное, человек пять крестьян и двое солдат. А еще – Ралф Беркли, изуродованное и разгрызенное тельце которого нашли в полумиле от деревни. Эдмунд пропал, скорее всего, его унесли волки, и поиски ни к чему не привели. Граф Хартворд, вне себя от ярости и отчаяния, неделю разыскивал стаю этих исчадий ада, но те словно испарились, и следов младенца обнаружить не удалось. А через полтора года на свет появилась Алиенора Беркли, и ее рождение стоило жизни Фьоре, ее матери. С тех пор она стала светом в оконце и смыслом существования для графа Рутвена, а сам граф – и в это Алиенора глубоко верила – был самым лучшим и самым нежным на свете отцом.

Дверь скрипнула, и в проеме показалось запыхавшееся лицо Бланки.

– Переделась? Пошли скорее.

Выскочив за порог, Алиенора направилась к выходу из башни, но подруга дернула ее за рукав.

– Не туда. Не нужно через кухню идти. Можно и через кухню, но тогда мимо стражи проходить придется. Давай за мной.

Подобрав юбки и стараясь не шуметь – «Вот ведь приключение какое!», озорно подумала Алиенора, – они свернули несколько раз по полутемным коридорам и оказались в двух десятках шагов от главного входа в обеденную залу. Перед входом каменными глыбами высились фигуры стражников в парадных одеяниях и с алебардами в руках. А прямо перед девушками, скрытая тяжелыми портьерами, виднелась небольшая дверца.

– Нам сюда, – шепнула Бланка, – темно, правда, хоть глаз выколи, но заблудиться невозможно.

Скользнув внутрь, подруги на ощупь поднялись по крутой винтовой лестнице и пошли по длинному узкому ходу, прорубленному в толще стены и, как догадалась Алиенора, по внешней стороне огибавшему помещение холла.

–Тс-с, – прошипела Бланка, взяв ее за руку, – нам сюда...

Дверь, ведущая на балкон, по счастью оказалась приоткрыта. Встав на четвереньки, девушки подползли к парапету и, едва дыша, выглянули вниз.

Холл, он же парадная столовая, поражал своими размерами. И высотой – под сводами здесь всегда царил полумрак. Только одна его стена не примыкала к крепостным стенам, и на высоте примерно в два человеческих роста имела ряд узких окон; цветные стекла еще более задерживали дневной свет, вечерней же порой они казались совершенно черными.

Вся зала делилась на неравные части двумя рядами колонн с причудливыми капителями: в раскрошившихся от старости барельефах с трудом угадывались жутковатые морды сказочных чудовищ, прячущиеся между виноградными листьями. Капители упирались в плоский потолок, поперек которого тянулись ряды почерневших дубовых балок. Каменные стены залы, обычно украшенные щитами, копытами и рогами животных, по случаю приезда гостей сир Равен распорядился завесить коврами и шпалерами, собранными со всего замка, и теперь с разных сторон на Алиенору смотрели вышитые на них рыцари и благородные дамы, то скачущие на лошадях, то мирно беседующие друг с другом в зеленых рощах, заполненных невиданным зверьем.

Один из этих гобеленов Алиенора изучила до мельчайших деталей: при обычном течении дел он висел в ее собственной опочивальне. Еще в детском возрасте она проводила целые часы за разглядыванием изображенной на нем очень романтической картинке: страшный дракон, изрыгая пламя, сошелся в единоборстве с рыцарем, а юная и необычайно прекрасная дева, стоявшая рядом, с мольбой протягивала к своему спасителю руки.

Красные и серые плиты правильно чередовались на полу, несколько ослабляя то общее ощущение мрачности, которое испытывал каждый входящий в это огромное помещение; пол застелили молодой древесной порослью вперемежку с цветами. Середину холла занимал длинный стол; сейчас он был пуст, если не считать десятка кубков и нескольких кувшинов с вином. Вокруг, как и вдоль стен, стояли многочисленные скамьи; зала освещалась факелами, закрепленными на колоннах.

Возле дальнего от девушек конца стола под бархатным балдахином высилось резное кресло, обыкновенно предназначавшееся для хозяина замка, но сейчас его занимал старший из гостей. Небрежно облокотившись на подлокотник, в кресле сидел его высочество Пемброк Даннидир, герцог Ллевеллин, высокий худощавый старик с длинными седыми волосами и небольшой бородкой; герцог приходился родным дядей графу Рутвену. Прочие гости, и в их числе сам граф, без особого порядка занимали места за столом, занятые разговором. Прямо за креслом в невероятных размеров камине полыхало целое дерево: в толстых каменных стенах замка даже летом царили прохлада и заметная сырость.

Присмотревшись, Алиенора углядела еще нескольких человек; некоторые сидели, а некоторые стояли. Среди них она заметила и замкового лекаря Миртена, и того самого мрачного помощника Рича Беркли, Сайруса, и еще каких-то незнакомых людей.

Герцог Ллевеллин едва заметно шевельнул рукой.

– Достаточно, господа. – Его негромкий хрипловатый голос мгновенно остановил все разговоры; головы присутствующих повернулись в его сторону. – Я думаю, у нас будет еще возможность поделиться новостями за вечерней трапезой. Заодно и найдется время поразмыслить над тем, что я сейчас сообщу.

Он повернул голову. Тотчас из-за колонны появилась фигура человека в темно-синем одеянии, который поднес ему золоченый кубок с вином. Сделав глоток, герцог вытер губы тыльной стороной руки.

– Его величество Роберт II Даннидир, мой августейший брат, скончался три недели тому назад.

Молчание прервали изумленные возгласы.

– Три недели?! – Крепкий, мужиковатого вида граф Хантли недоверчиво взмахнул руками. – Дядя, я только пару недель как из Лонхенбурга. Я должен был бы знать об этом.

– Пф-ф, – Ллевеллин еле заметно усмехнулся, – ну, это значит, Олан, что мои шпионы лучше твоих.

– Мы все должны были бы знать об этом. – Рутвен Беркли задумчиво потер переносицу. – Три недели – достаточный срок, и даже людская молва порой летит быстрее почтовых голубей. Это известно точно?

– Точнее некуда, племянник. – Герцог сделал еще один глоток. – И более того: я, как верховный наместник в южных землях, передаю вам высочайшее повеление явиться четырнадцатого дня Лугового месяца в столицу для принесения присяги Роберту III Даннидиру.

Алиенора тихонько пихнула подругу локтем.

– Слышала?! Мы поедem в Лонхенбург! – зашептала она.

– Тише, ты...

Рич Беркли кашлянул и отряхнул руки от налипшей шелухи красных орехов, которые до того щелкал.

– Роберт III-й. Сын герцога Эмли? Племянник Роберта II?

– Точно так, Рич. Церемонию коронации провели в узком кругу. Насколько мне известно, там присутствовала вдовствующая королева Айдерин, а также, говорят, сам Оуэн Эмли. Ну и, ясное дело, придворные лизоблюды.

– Что значит – в узком кругу? – Молчавший до этого Фульк, граф Гленгорм, вскинул голову. Фульк приходился сыном герцогу Ллевеллину. – Отец, разве все мы не должны были бы присутствовать при этом?

Герцог вздохнул.

– По-видимому, есть причина. И я, кажется, догадываюсь, какая. Позвольте представить вам моего верного слугу. – Из-за колонны к герцогу приблизилась та самая фигура в темно-синем одеянии. – Ирмио, библиотекарь и Хранитель манускриптов герцогства Ллевеллин. Он расскажет вам об этом лучше меня.

– Лекарь, – негромко и полуутвердительно произнес Рич Беркли.

Герцог, поджав губы, остро глянул на племянника.

– И лекарь тоже. Если я не ошибаюсь, это не запрещено.

– Что вы, дядя, – граф Клеймор криво усмехнулся, – мы все внимание.

Алиенора вновь нетерпеливо заерзала.

– А что не в порядке с лекарями? – зашептала она. – Они же у всех есть, разве нет?

– Не знаю. – Бланка пожала плечами. – Надо будет у Миртена спросить.

– Смотри, смотри, – Алиенора указала пальцем в сторону Ирмио, – он точь-в-точь, как наш, одет, только синий. Интересно.

– Да тихо уже. Дай послушать.

Хранитель манускриптов приблизился к столу. Это был невысокий человек средних лет с короткими темными волосами, без головного убора, а одеяние его представляло собой длинную, до щиколоток, хламиду с длинными рукавами. Платье перетягивал пояс в три пальца шириной, расшитый серебряными нитями, сплетающимися в причудливый узор. Точно такая же вышивка обрамляла низ подола и края рукавов.

– Господа, – негромким твердым голосом, совершенно не подходящим к роли лекаря, произнес он, – вы знаете все, что я сейчас расскажу вам. Кроме, может быть, одной маленькой детали. Прошу вашего терпения.

Давно усопший король Роберт I Даннидир, как вам известно, имел пятерых сыновей и трех дочерей, кои сейчас нас не интересуют, пусть даруют им боги долгую жизнь.

Итак. Старший из сыновей, унаследовавший трон, Роберт II Даннидир, скончался в своем замке Лонливен три недели назад, бездетным.

Второй сын, Эван, герцог Когар, пропал без вести около двадцати лет назад в битвах за Гриммельном. Он оставил после себя двух наследников: Олана Бастарда, графа Хантли, здесь присутствующего, – лекарь сделал еле заметный поклон в сторону графа, – и дочь Аэроннуэн.

Третий сын – это Оуэн, герцог Эмли, который жив и поныне, хотя уж давно его никто не видел. Пораженный проказой, он, как известно, последние годы не покидает своего замка. Сын Оуэна – Роберт III Даннидир – тайно коронован около двух недель тому назад.

– Удивительно, – Фульк Гленгорм развел руки, оглядывая присутствующих, – даже моего отца, последнего из сыновей Роберта I, не пригласили на это представление!

– Мы обсудим это позже, сын мой. – Герцог пожевал губами. – Ирмио, продолжай.

Хранитель манускриптов поклонился.

– Четвертым сыном Роберта I был покойный ныне Лайонел, герцог Беркли. Супругой его стала Аэроннуэн, единственная дочь Эвана Когара, второго сына. Их потомки здравствуют и поныне: Камбер, герцог Беркли, а также присутствующие здесь граф Хартворд и граф Клеймор.

– Заканчивайте уже. – Рич Беркли щелкнул пальцами. – Все прекрасно знают эти имена. К чему это?

Ирмио наклонил голову.

– Еще немного терпения, милорд. И, наконец, последним, пятым сыном Роберта I является мой господин Пемброк, герцог Ллевеллин, присутствующий здесь со своим сыном и наследником графом Гренгормом. Теперь, господа, вопрос: кто из названных является законным наследником короны Роберта I Даннидира?

– Так вот откуда ноги растут! – Рич Беркли скрестил на груди руки. – Это просто, Ирмио, или как там тебя. У Роберта II и королевы Айдерин детей нет, так что право наследования переходит ко второму сыну Роберта I – Эвану, герцогу Когару. Но он давно уж умер, а из живых его сыновей имеется только Олан Хантли. Но Олан – бастард, рожденный вне брака, а потому прав на наследование короны не имеет. А потому сие право переходит к линии третьего сына, то есть к Оуэну, герцогу Эмли. Но Эмли – прокаженный старик, который умрет со дня на день, и поэтому неудивительно, что он передал корону своему законному сыну, а именно Роберту III Даннидиру. Вот и весь сказ.

Головы присутствующих повернулись к Хранителю манускриптов.

– Все верно, – кивнул граф Хантли. – Ирмио, в чем заваyka?

Тот развел руками.

– Заваyka называется Аэроннуэн, урожденная Даннидир, единственная законная дочь и наследница Эвана Когара и супруга Лайонела, герцога Беркли.

Всеобщее молчание было ответом на слова Ирмио.

– Объясни, – устало произнес герцог Ллевеллин.

– Рутвен Беркли, граф Хартворд! – Ирмио торжественно повернулся в его сторону. – Объясните, будьте добры, к кому перейдет ваше имущество, ваш титул, ваша графская корона и все ваши права и привилегии после вашей смерти, которая, надеюсь, еще долго вас минует?

Граф пожал плечами.

– Я должен это объяснять? У меня есть единственная дочь и наследница, Алиенора, которая по законам и обычаям королевства получит все мне принадлежащее.

– Кто оспорит сказанное? – Ирмио обвел взглядом собравшихся. – Никто. Точно так же и после смерти своего отца, Эвана, его дочь Аэроннуэн, согласно обычаям божеским и человеческим, унаследовала от него все его права. А также, – Ирмио на мгновение замолчал, – также

право на королевскую корону, и оно право после ее смерти законным образом переходит к ее детям, рожденным от Лайонела, герцога Беркли.

– И еще одно. – Хранитель манускриптов оперся обеими руками об стол. – Кто-нибудь из присутствующих здесь может объяснить мне, по какому законному праву Аэроннуэн после смерти ее отца лишили герцогства Когар? И как получилось так, что земли герцогства отошли к семейству Эмли? Я думаю, никто. Но в любом случае – если можно отобрать землю, то отобрать право наследования невозможно, ибо оно передается с кровью. Я закончил.

Хранитель манускриптов поклонился и, пятясь задом, отошел к камину.

В зале воцарилось молчание.

Бланка задумчиво нахмурила лоб.

– Что-то я запуталась в твоих родственниках...

– Да все ж просто, – сказала Алиенора. – Старший брат-король умер без наследников, значит, право на корону переходит ко второму, Эвану, и его дочери Аэроннуэн, моей бабке, а через нее – моему отцу. А они вместо этого короновали потомка третьего сына. Поэтому и тайно. Боятся.

Граф Хантли негромко крикнул.

– Но Аэроннуэн – женщина, – в некоторой растерянности промолвил он, – а женщины не могут наследовать корону. Или... или могут?!

Герцог Ллевеллин, опираясь о стол обеими руками, встал.

– Обычай и древний закон королевства гласит: если у эорлина королевства есть несколько детей, он должен поделить свое имущество и титулы между ними. Если у эорлина королевства есть дети разного пола, старший сын получает старший титул, прочие земли с их титулами распределяются между остальными детьми. Если у эорлина королевства есть только один ребенок, этот ребенок получает все без остатка.

– Проблема заключается в том, – продолжил герцог после легкой заминки, – что в королевстве Корнваллис у королей всегда имелись дети мужского пола, и никогда женщина не претендовала на корону. И этот час пришел. Мужское право традиции против женского права первородства.

– Но Камбер Беркли, который, я так понимаю, может претендовать на корону, – граф Хантли удрученно покачал головой, – он же... он же...

– В точку. – Пемброк Ллевеллин тяжело опустился в кресло. – Камбер Беркли – сумасшедший. Он старший из детей Аэроннуэн, и он – сумасшедший. По дороге сюда я сделал изрядный крюк, чтобы еще раз убедиться в этом собственными глазами. Моего племянника кормят с ложки, он ходит под себя, а на ночь его цепями приковывают к кровати. Он даже не почти мертв, он уже мертв. Рутвен, Рич, простите за прямоту.

– Постойте... – Фульк Гленгорм набрал в грудь воздуха и выдохнул: – А как же... – он запнулся. – А как же *Бремя Власти*? У Роберта III есть *Бремя*?.. Ведь только обладатель *Бремени* может стать подлинным королем Корнваллиса! И только истинный король может взять его в свои руки!

Бланка придвинулась к своей подруге.

– Леа, а что такое *Бремя Власти*?

– Понятия не имею. – Алиенора пожала плечами. – Какой-то древний артефакт, что-то вроде скипетра, что ли. Я плохо слушала уроки Миртена. Он всегда на меня сердился.

Ллевеллин покачал головой.

– Неизвестно. *Бремя Власти* давно никто не видел. Роберт II знал, что у него не может быть детей, и уже давно передал его Эвану Когару. А потом *Бремя* пропало. Может быть, Эван взял его с собой за Гриммельнский Вал и *Бремя* сгинуло вместе с ним? А может, и не взял. Если оно у Роберта III Даннидира... Тогда не знаю...

Молчание вновь повисло над столом.

– Рутвен! Рутвен Беркли! – Герцог хлопнул ладонью по столу. – Ты слышал все сказанное? Тебе решать. После Камбера ты старший в семье.

Граф Хартворд сидел, опершись об стол обеими руками и глядя в точку перед собой. Подняв голову, он обвел взглядом всех собравшихся.

– Война или мир, – задумчиво произнес он. – Мир, когда все будут показывать пальцами в спину Рутвена Беркли, у которого безнаказанно отобрали наследство. Или война, когда все будут винить меня в начале кровопролития. Мир или война.

Он тяжело поднялся со скамьи.

– Мы должны решить все до отъезда в Лонхенбург. Я должен решить. А сейчас, господа, самое время смыть с себя дорожную пыль. Через два часа я жду всех к вечерней трапезе, во время которой мы не будем говорить о делах.

– Дядя, братья, – граф сделал небольшой поклон и вышел из зала.

– С ума сойти, – прошептала Алиенора. – Бланка, ты поняла? Я – наследная принцесса.

Бланка пожала плечами.

– Даже уж и не знаю, что сказать. Это же банка с пауками. Может, все же лучше остаться просто графиней Хартворд? – Она потянула Алиенору за рукав. – Пошли. А то, не ровен час, заметят нас, когда все выходить будут, и получит тогда наша принцесса хорошую головомойку.

Переглянувшись, девушки одновременно хмыкнули и, стараясь не шуметь, выбрались в коридор.

Глава 5. Дверца открывается

Весь остаток дня после того, как мастер Гербер выгнал его с кухни, Джош просидел в своем потайном убежище, почесывая голову и пытаясь найти хоть какую-то логику в последних событиях. Уже наступила ночь, когда в каморку наведалься Гуго, принявшийся взахлеб рассказывать о празднике в замке.

– Господи, в жизни столько жратвы не видел! Павлины, лебеди жареные, откуда только их привезли! Вот, кстати, я принес тебе пару кусков, но не лебеда, лебеди наперечет, оленины с хлебом. И еще вина. Настоящего вина из Бургин Маре, не какой-нибудь дешевой бражки. А на балконе там музыканты играют, и как играют! Их, говорят, его высочество Ллевеллин с собой привез. Это тебе не дудки слушать в таверне у Фло.

Разложив перед собой еду, Джош принялся неторопливо жевать, слушая товарища вполуха и занятый больше собственными мыслями.

– Все стены в факелах да канделябрах, светло, как днем! Эх, видел бы ты, как гости разодеты! Пояса в камнях все, обручи золотые на головах. А леди Алиенора-то наша, графская дочка, до чего ж все-таки красивая девка! Жозефина твоя рядом не стояла. Вся в фиолетовом с золотым шитьем, вырез такой – полгруды наружу, а подол – не поверишь! – сзади на три локтя волочится! Эх, глянуть бы на ее ножки хоть разок.

Джош фыркнул.

– Ишь ты, размечтался. Ты что же, сам все это видел?

– Ну, да. – Гуго даже оскорбился. – Гербер меня там подрядил блюда выносить. В смысле, уносить пустые. А кушанья слуги в ливреях выносят, каждый из их светлостей, наверное, по десятку их с собой привез. Ну, ладно. – Гуго поднялся, отряхиваясь от соломы. – Идти мне надо. Там еще на полночи празднество. Говорят, менестрель будет, песни будет петь. А народ во дворе тоже пьянствует-веселится, пиво рекой течет, вся стража вдрызг. Если скоро закончится, тогда еще к тебе загляну. И девчонок полно: Мари, Глэнис, Гвен – все там. Кстати, Жоззи твоя там с Дойлом джигу отплясывает. Спрашивала, где ты.

– Да хватит уже меня склонять, – рассердился Джош, – пусть пляшет себе на здоровье. Она моя такая же, как и твоя.

Гуго хохотнул, осторожно выглянул из пролома в стене и, махнув рукой на прощанье, скрылся в темноте. Джош посидел еще несколько минут, прислушиваясь к доносившимся издали звукам празднества, вздохнул, и, решив, что делать больше нечего, зарылся с головой в стог сена, устраиваясь на ночь.

Какое-то время спустя – кажется, сонно подумал он, народ еще веселится, – Джош проснулся от постороннего шума. Гуго, что ли? Он поднял голову и замер, еле сдерживая дыхание. Не Гуго. В проломе, служившем входом в каморку, ясно вырисовывалась голова человека. Было темно, но в отблесках фонарей, освещавших Рыночную площадь, Джош сразу узнал знакомое лицо с длинными, висящими по обеим сторонам рта, усами. Буллит.

Неуверенно подтянувшись на руках, наемник забрался внутрь и, пошатываясь, остановился, по-видимому, привыкая к темноте. От него сильно несло винным перегаром. Сердце Джоша заколотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Помогав головой, Буллит оперся о стену – слава богам, за противоположную от стога сена, – и стал пробираться вглубь помещения, прямо по направлению к деревянной дверце. Достав что-то из кармана – ключ – он с третьей попытки вставил его в замочную скважину.

Джош услышал скрежет замка и натужное пыхтенье.

– Прок... проклятье. Проржавело насквозь.

Еще пару минут – и наемнику удалось повернуть ключ. Безрезультатно подергав его в обратную сторону, Буллит ругнулся и, оставив ключ в замке, скользнул за дверь.

Спустя несколько мгновений оттуда донесся осторожный стук. Стучится во вторую дверь, мелькнуло в голове у Джоша. Скрип петель и негромкие голоса. Юноша медленно выбрался из стога. Постояв немного, он легонько стукнул себя кулаком по лбу.

– О боги, что я делаю...

Ступая на цыпочках и едва дыша, он заглянул за дверцу. Там, как они с Гуго и предполагали, находилась другая комната – без окон, с застоявшимся затхлым воздухом, заваленная мусором и старой мебелью. А в пяти шагах впереди – еще одна дверь. Она была приоткрыта. Молясь, чтобы его не выдало буханье сердца, Джош прокрался вперед.

Роскошные покои. Стены, обитые темно-красными тисненными золотом обоями; внушительных размеров кровать под кожаным балдахинном, а прямо перед ней – большой резной стол вишневого дерева с полудюжиной кресел вокруг. Витиевато украшенный серебряный подсвечник с одной-единственной горевшей свечой стоял на столе. Сбоку – Джош решился выглянуть дальше, – в камине потрескивали горящие дрова; Буллит и кто-то еще стояли возле огня, отбрасывая длинные пляшущие тени.

– Ты зря продаешь наши деньги. – Голос, что произнес эти слова, показался Джошу смутно знакомым.

– А чего вы от меня ждете? – Буллит гневно стукнул кулаком по каминному колпаку. – Если он и жив, то его наверняка давно уже увезли отсюда куда подальше. В других местах надо искать. Или помер он уже давно. Сколько лет зря прошло.

– За другие места не беспокойся. Или ты думаешь, что у его светлости ты один такой, на всем белом свете? А насчет «помер» – будем искать, пока точно в этом не убедимся.

– Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю, что. – Пожимая плечами, наемник подошел к столу – Джош едва успел спрятать голову за дверь, – и плеснул в бокал, который держал в руке, вина из высокого кувшина.

– Достаточно, Буллит, ты уже перебрал сегодня. Его светлость заприметил сегодня во дворе одного мальчишку подходящего возраста.

– Да ладно? Только приехал и уже заприметил. – Наемник опять пожал плечами и плюхнулся в кресло. – Как зовут? Как выглядит?

Собеседник Буллита подошел к столу. Тот самый, подумал Джош, черный человек со шрамом, слуга графа Клеймора.

– Высокий, с русыми волосами. И ваш повар, как его там, его знает.

– Отличное описание, что и говорить. Да таких здесь пруд пруди.

Черный человек слегка наклонился и заглянул прямо в лицо Буллиту. Тот еле заметно отшатнулся.

– Мне кажется, – вкрадчиво произнес он, – что это *твоя* работа.

– Свою работу я уже выполнил, – злобно каркнул Буллит, – я уже избавился от одного, разве не так? До сих пор по краю плахи здесь хожу. Наверняка меня подозревают, и даже не один. Где моя плата? Где мой маленький замок с маленькой деревней?!

Слуга графа Клеймора презрительно посмотрел на него.

– Считаю, что половину тебе уже заплатили. Тебе оставили жизнь. После таких дел все следы заматают, а ты дышишь еще. И будь за это благодарен.

– Я очень благодарен, – хмуро буркнул наемник.

– Вот и славно. У тебя две недели. Две – и ни днем больше. Делай, что хочешь, хоть всех мальчишек в округе вырежи, но узнай, что требуется. Иди.

Буллит тяжело встал, повернулся к двери.

Джош резко вскочил и ринулся к выходу. Тихо, тихо, единственная мысль колотилась у него в голове. Нога зацепилась за какую-то доску и, произведя, как ему показалось, невероятный грохот, юноша скатился за груды наваленных в углу разбитых ящиков.

– Кто там? – Черный человек схватил со стола канделябр и высунулся за дверь. – Кого ты привел с собой?!

Сзади маячила фигура Буллита с наполовину вытянутым из ножен кинжалом. Мгновение спустя наемник выдернул свечу и, отгеснив слугу плечом, принялся обходить комнату, спотыкаясь о сломанную мебель и чертыхаясь.

– Нет тут никого. Крысы. – Он воткнул свечу обратно в канделябр, который человек в черном продолжал держать в руке. Тот, после недолгой заминки, молча кивнул. Буллит развернулся и скрылся за внешней дверью; замок хрипло лязгнул.

Графский слуга, еще раз мельком оглядев замусоренную комнату, закрыл за собой дверь, также закрыв ее изнутри.

Джош оказался в полной темноте.

Еще, наверно, с полчаса он лежал за ящиками, натужно прислушиваясь к доносившимся звукам. Убедившись, наконец, что он совсем один, Джош выбрался из кучи мусора и сел на пол, привалившись к холодной стене.

– Отлично. Просто великолепно.

Голова шла кругом. Буллит хочет его убить. Ведь именно его граф Клеймор заметил сегодня днем во дворе замка. Конечно, может, и не о нем речь, мало ли, с кем граф еще разговаривал, но уж больно все сходится. И волосы русые, кстати. Буллит уже убил кого-то давно, и теперь за ним охотится, хотя и не знает, что он – это он. Хочет убить его по приказу Рича Беркли, графа Клеймора. И мастер Гербер, опять же, сказал ему подальше от графа держаться. Не понимаю, подумал Джош, ничего не понимаю. Гербер знает, в чем дело, и он должен ему рассказать. Да.

Придя к этой мысли, он встал и принялся на ощупь пробираться к двери. Подергав одну, затем вторую, ведущую в красные покои, Джош вздохнул. Заперты. Тысяча чертей. Сто тысяч чертей. Миллион чертей. Он уныло опять уселся на пол, пытаясь сообразить, что делать дальше. Поднять шум и стучать во все двери? Пф-ф. Это самая глупая идея из всех возможных. Тогда он точно не переживет сегодняшнюю ночь.

Вариант оставался только один: сидеть здесь и ждать, может быть, завтрашнего вечера, когда все гости, и этот черный человек с ними, уберутся из замка. И тогда попытаться сломать внутреннюю дверь. Кажется, она вовсе не такая крепкая, как та, что в каморке. Какие-то доски и толстые палки здесь вроде бы есть. Джош с некоторым удовлетворением нащупал у себя за пазухой кожаную флягу с остатками вина и завернутый в тряпицу кусок оленины. До завтрашнего вечера хватит.

Просидев в раздумьях еще немного, Джош встрепенулся. А может, здесь есть еще какая-нибудь дверь? Вряд ли, конечно, очень вряд ли, но посмотреть стоит. Все равно делать нечего.

Хм, посмотреть. Да уж.

Он поднялся на ноги, оперся одной рукой о стену, другую вытянул перед собой и в крошечной темноте принялся осторожно пробираться вперед. Ящики. Мусор. Похоже, разбитое кресло. Что-то вроде сундука. А вот уже и угол. Комнатка, слава богам, не особо большая. Он, кстати, довольно явственно слышал неподалеку противное попискивание. Здесь точно водились крысы. Интересно, подумал Джош, что они здесь делают, среди полусгнившей и покрытой пылью мебели? Здесь даже поесть-то нечего.

Повернув от угла налево, он сделал шаг вперед и, даже не успев додумать мысль, провалился вниз.

О-о, проклятье. Пролетев с десяток футов, Джош шлепнулся спиной на каменный пол, больно ударившись головой. Сверху на него посыпалась труха и обломки гнилых деревяшек. Полежав с минуту, он, постанывая, сделал попытку сесть. Очень больно, черт дери.

Здесь уже можно было хоть что-то разглядеть: далекий свет проникал из-за полуоткрытой двери. Джош находился в небольшом помещении, заброшенном и, судя по количеству пыли,

давно никем не посещаемом. В середине его стоял стол, а вдоль стен – скамьи. Из кирпичной кладки торчали многочисленные металлические крюки и скобы, ранее, по всей видимости, использовавшиеся как вешалки для одежды и подставки под оружие. А рядом с Джошем навверх тянулась железная лестница, ведущая в ту самую дыру в потолке, через которую он благополучно свалился. Скорее всего, дыра закрывалась деревянным люком, прогнившим от времени и не выдержавшим потому джошева веса.

С трудом поднявшись на ноги и подвигавшись – слава богам, кажется, ничего не сломал, – он осторожно высунулся за дверь. Каменный коридор с высоким сводчатым потолком в десяти-пятнадцати шагах от него поворачивал направо. Оттуда-то и лился тусклый свет от факела.

Еще раз на всякий случай осмотревшись и не увидев ничего полезного, Джош на цыпочках пошел по коридору. Заглянув за угол, он в нерешительности остановился. Час от часу не легче, мелькнуло в голове. Он никогда раньше здесь не был, но догадаться о предназначении этого помещения было нетрудно. Подземная тюрьма. Дальше шел все тот же коридор, освещенный единственным чадящим факелом, вбитым в кладку, и впереди опять делавший поворот, а справа и слева – железные решетки, которые служили входами в камеры.

Осторожно глянув в одну, затем в другую, юноша облегченно вздохнул. Все они пустовали. Наверное, где-то в конце этих петляющих коридоров должны быть стражники. Или – Джошу даже не хотелось думать об этом – если эта часть тюрьмы заброшена, он вполне может наткнуться на еще одну запертую дверь. Хотя нет, подумал он, и перевел дух: если бы ее забросили, вряд ли хоть кто-то озаботился зажигать здесь факелы. А там, у выхода, что-нибудь уж придумаю, как выбраться наружу.

Прислушиваясь и стараясь не шуметь, он медленно двинулся вперед, но через десяток шагов в испуге остановился. Сердце ушло в пятки. В одной из камер, как раз в той, рядом с которой чадил факел, Джош увидел *его*. Дхарг.

Чудовище сидело, подобрав под себя ноги и уронив голову. Но тут же, по-видимому, услышав дыхание юноши, или по-другому учуяв его, дхарг зашевелился и уставился на Джоша красными глазами. Прошла, наверное, целая вечность, а, может, и несколько мгновений, как он раскрыл свою пасть.

– *H'goh*, – хрипло пробормотало чудовище, – пить.

Дхарг вытянул вперед свою лапу и тут же бессильно уронил ее на пол.

Джош постоял в задумчивости. Дхарг снова глянул на него своими горящими зрачками, затем что-то просипел и уткнул голову в колени. Юноша, бочком пробравшись мимо его камеры и непрерывно оглядываясь, свернул в следующий поворот. Миновав еще несколько решетчатых дверей, он остановился.

– Кровь и пепел, – пробормотал Джош себе под нос, – я, кажется, сегодня все делаю не то, что надо. Сейчас. Слышь, ты, сейчас.

Вернувшись к камере, он тихонько постучал пальцами по замку.

– Эй, ты, слышишь меня? – зашептал он. – Эй, дхарг! Возьми. Здесь немного, но это все, что у меня есть.

Джош достал из-за пазухи флягу и недоеденный кусок оленины, и бросил их через решетку. Затем развернулся, собираясь уйти.

– *Эрвен*, – прохрипел дхарг. – Ждать.

Джош пожал плечами.

– Что сказал? У меня нет больше ничего. Что еще хочешь?

– Взять. – Чудовище протянуло руку. На грязной потрескавшейся ладони лежало что-то вроде большого кольца с зеленым камнем.

Джош посмотрел на огромную волосатую лапу дхарга с длинными обломанными когтями, и покачал головой.

– Нет, спасибо. Мне уж хватит подарочков на сегодня.

Дхарг швырнул кольцо через прутья.

– Взять. Проход через *Дари'ваар*. Больше нет у меня.

– Что такое *Дари'ваар*? – Джош осторожно поднял кольцо с пола. Оно было очень большое, наверное, на два джошевых пальца, судя по виду, грубо сработанное из камня, в отличие от вделанного в него великолепной огранки зеленого изумруда. Прежде Джош никогда изумрудов в руках не держал, но почему-то сразу решил, что именно так оно и должно выглядеть. – Как тебя зовут? Почему ушел из-за Вала? Там много таких, как ты?

– *Дари'ваар*. Вал. Звать Урк'шахх. Запомнить – *кармах*.

– Что такое «кармах»?

– Запомнить. Больше не говори. Уходить.

– Ну что ж, спасибо, – немного помедлив, молодой человек кивнул. – Правда, не знаю, на кой оно мне, но все равно спасибо. Надеюсь, тебе повезет.

– Повезет, – хрипло повторил дхарг в спину Джоша.

Юноша махнул рукой и двинулся дальше по коридору, засовывая кольцо поглубже в карман куртки. Он усмехнулся: полные карманы сокровищ. У Гуго глаза из орбит вылезут, когда он эту штуковину увидит.

Миновав еще с три-четыре поворота – все камеры пустовали, – Джош услышал неясный шум и чей-то говор. Прямо за углом, в нескольких шагах от него виднелась распахнутая настежь дверь. За дверью – это была караульная, – стоял стол, за которым сидели два стражника. Сидел, точнее сказать, один. Второй пьяно посапывал, уткнув голову в руки. Алебарды и мечи в кожаных ножнах в беспорядке валялись на полу.

– Гавен! Да слышишь, что ли?! – заплетающимся голосом пробормотал первый, и пнул спящего ногой под столом. – Проснись. Гавен, эй! Надо наверх сходить, пусть Брин нам смену пришлет.

Стражник с трудом поднялся и, обойдя стол, принялся тормозить своего товарища. Ну и вояки, подумал Джош, можно даже попробовать с разгона мимо них проскочить.

– Гавен! Там пьянка наверху, и бабы. Хватит дрыхнуть.

– Сам сходи. Я посторожу...

Первый стражник пьяно покивал и, сильно шатаясь и держась руками за стену, принялся подниматься по лестнице. Джош облегченно вздохнул. На цыпочках он прокрался мимо громко храпящего солдата и, держась в пределах видимости от шатающейся фигуры, пошел за ней. Спустя всего пару минут молодой человек оказался во внутреннем дворе замка, всего в нескольких шагах от входа в кухню.

– Уф, – внушительно выдохнул Джош, прислонившись к стене и стараясь унять дрожь в коленях. Здесь кипел праздник: огромные столы занимали полдвора, по периметру освещавшегося воткнутыми в землю высокими треногами с горящим жиром. Народ, шумно веселясь, орал и чокался кружками. Столы стояли в подковой, в центре которой танцующие выделяли коленица под незамысловатую мелодию. Полдюжины музыкантов остервенело водили смычками по скрипкам и дудели в некое подобие волынок, время от времени отвлекаясь, чтобы промочить горло. Туда и обратно, от кухни к столам и наоборот, сновали фигуры солдат и дворни с кувшинами и мисками в руках; из темных уголков слышался приглушенный женский смех.

Немного позавидовав этому веселью, Джош сделал несколько шагов по направлению к воротам, но остановился. Ворота на ночь запирали. Конечно, с одной стороны, он знал многих из стражи и, наверное, ему не составило бы особого труда уговорить выпустить его за калитку. Но мысль о том, чтобы снова вернуться в ту каморку, вызвала у него озноб. Опять же: где-то там бродит Буллит. Скорее всего, не бродит, а сидит в какой-нибудь таверне и наливается вином, но проверять это Джош охоты не имел.

Он развернулся и пошел к кухне. Там, затерявшись среди толпы поварят, здороваясь со знакомыми и прихватив мимоходом миску с дымящимся мясом и кувшин с брагой, Джош забрался в один из многочисленных кухонных чуланов и облегченно перевел дух.

Утро вечера мудренее, подумал он, уплетая мясо за обе щеки.

Глава 6. Дрого

На следующий день после отъезда гостей граф Рутвен отбыл в столицу.

– Милая моя, – говорил он, стоя перед Алиенорой, – я не могу взять тебя с собой.

Девушка, одетая в тонкую ночную рубашку, сидела на своей необъятной кровати, поджав ноги и обиженно надув губы. Все время после той памятной ночи она провела в мечтах и раздумьях о предстоящей поездке в далекий и блестящий Лонхенбург, о том, что она наконец-то увидит королевский дворец, о том, какие наряды возьмет с собой, и немного – о том, разрешат ли ей взять с собой Бланку.

Граф, уже в походной одежде, держал ее за руку.

– Тому есть причины, поверь мне, – еще раз безнадежно повторил он.

– Мне так хотелось... – пробормотала Алиенора.

– Я понимаю. – Еле прикоснувшись, граф поцеловал ее в лоб. – Милая, я обещаю тебе: как только я вернусь, мы немедленно начнем собираться и поедem туда еще раз, уже вместе. А у тебя будет время разобрать свои сундуки и хорошенько подготовиться к поездке. Много брать с собой не стоит: для представления ко двору нужны совсем особые одежды. Мы закажем их в Лонхенбурге – там прекрасные портные.

– Я смогу взять с собой Бланку?

– Конечно. – Рутвен Беркли улыбнулся. – Кого хочешь. Меня не будет всего пару недель, так что ты даже соскучиться не успеешь. Я люблю тебя, красавица.

– Я тоже люблю тебя, папа. – Алинора вскочила с кровати; встав на цыпочки, она обняла отца за шею и чмокнула его в щеку. – Колючий... возвращайся быстрее. Я буду ждать.

– Я тоже, моя маленькая госпожа. – Граф легко потрепал ее по голове и вышел из спальни, звеня шпорами.

* * *

Время текло медленно и скучно.

В гостевых Палатах прибрались, разъехались жонглеры и торговцы. Месяц Лосося – начало нереста этой рыбы – выдался на редкость жарким и душным, и Хартворд словно заснул, окутанный летним маревом.

Поначалу каждое утро Алиенора просыпалась в радостном возбуждении, которое быстро проходило. Нет, лорд Рутвен пока не приехал. Нет, вестей от него не было. Она то принималась перебирать свои платья, непременно находя в любом какой-нибудь изъяне, то, устроившись возле открытого окна, лениво бралась за шитье. Поднятая рука рыцаря, коленопреклоненно стоявшего перед величавого вида дамой, всякий раз получалась неестественно вывернутой, и Алиенора, попыхтев с часок, раздраженно распускала нитки, и отодвигала гобелен в сторону.

Двор замка был пустым, пыльным и неинтересным. Бланка появлялась лишь изредка и всегда наспех: время от времени она помогала своему отцу по кастелянским делам, и похоже, что сир Равен и в этот раз нагрузил ее работой, желая поскорее разобраться с последствиями приезда многочисленных гостей. Алиенора почти завидовала подруге: ей, по крайней мере, не так тоскливо.

Прошла неделя, другая, и уже подходила к концу третья, когда сир Равен, который никогда на памяти Алиеноры не заглядывал к ней в опочивальню, через слугу попросил ее об аудиенции. Он был хмур и даже, как ей показалось, несколько рассеян. В ответ на недоуменный взгляд девушки он только пожал плечами и, подергивая себя за усы, уселся в кресло.

– Леди Алиенора, – помолчав, сказал он, – я еще вчера получил это известие. Я думаю, вы должны знать. Я сам до конца еще не уверен в том, что произошло, но два голубя подряд – один наш, а другой от доверенного человека в Лонхенбурге, – это заставляет задуматься.

– Отец?.. – выдохнула Алинора.

– Да. – Равен кивнул. – В обоих письмах говорится о том, что он попал в неприятности. В столице его арестовали и отправили в темницу.

– Что за глупости!

– Да. И я, и сир Балдрик Одли думаем, что это недоразумение, которое должно проясниться. Его обвиняют в организации заговора против короля Роберта III Даннидира.

– Это как-то связано с моей бабкой герцогиней Аэроннуэн? – Алиенора закусила губу в надежде, что не проболталась.

Сир Равен слегка приподнял брови.

– Вы знаете? Ах, ну да... для этого не нужно быть семи пядей во лбу. Достаточно всего лишь хорошо знать генеалогию своей семьи. Скорее всего, да. Во всяком случае, ни у меня, ни у Балдрика нет других предположений.

– Я должна... – Алиенора вскочила на ноги.

– Нет, – Равен покачал головой, – ничего вы не должны. Ни вы, ни мы ничего сделать не можем. Ни здесь, ни в Лонхенбурге. Мы должны просто ждать. Да и в любом случае, я не имею никакого права отпустить вас куда-либо. Я головой отвечаю за вашу безопасность.

– Но если поехать и...

– Нет, дитя мое. Ваше слово и ваши просьбы ничего не смогут изменить. Дело слишком серьезно для того, чтобы мольбы юной девушки могли как-то повлиять на решение короля. Скорее всего, вас даже не допустят до его величества. Кроме того, – кастелян удрученно покачал головой, – вам уже назначили опекуна.

– Опекуна?! Зачем мне опекун?

– Да. Наш человек в столице – его зовут Бедвис, – сообщил, что сюда едет ваш дядя Рич Беркли, граф Клеймор. Ему поручено защищать и оберегать вас до того момента, пока не прояснится дело с вашим отцом.

– Почему Рич?

– Он старший среди ваших кровных родственников. Есть еще старший дядя, Камбер, герцог Беркли, но, увы, он жестоко болен и уже давно не покидает своего замка. – Равен тяжело поднялся с кресла. – Алиенора, будем надеяться, что все обойдется. Сир Рич прибудет уже через три-четыре дня и, наверное, сможет рассказать какие-нибудь новости. Пока нет причин для особого волнения.

Около выхода сир Равен обернулся, внимательно посмотрев на Алиенору.

– Держись, девочка моя, – сказал он и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Она стояла посреди спальни, опустив руки.

* * *

Алиенора с Бланкой стояли на крепостной стене, разглядывая большой отряд под знаменем графа Клеймора. Ветер трепал полотнище, и желтый леопард на нем извивался, скаля зубы. Отряд уже перешел мост через Суонси и неспешно приближался к воротам Хартворда.

– Хорошо, хоть графа Клеймора прислали, – уже в десятый, наверное, раз сказала Бланка. – А то приехал бы какой-нибудь чужой из Лонхенбурга.

– Не приехал бы. – Алиенора устало вздохнула. – Я уже говорила тебе – только кто-нибудь из родственников. Но почему именно он? Например, герцога Ллевеллина могли бы назначить. Или Олана Хантли. Любой из них мне больше нравится, чем этот дядюшка. И, небось, сыночка своего с собой притащил.

Бланка сочувственно тронула подругу за руку.

– Ничего, все образуется. Там разберутся. Ведь твой отец ничего не сделал такого, за что его в тюрьму сажать. Это просто ошибка.

– Не знаю. – Алиенора всхлипнула. – Помнишь, говорили тогда, что он имеет права на престол? Уже одного этого хватит.

– Рано пока еще говорить. Вот сейчас все новости и узнаем. Граф расскажет, как там все произошло и почему. Пойдем, они подъезжают уже.

Взявшись за руки, девушки стали спускаться вниз.

Ворота Хартворда распахнули настежь, как и в прошлый раз, хотя сейчас не было ничего, напоминающего торжественную встречу. Не больше дюжины стражников топтались вдоль дороги; по ней во двор замка затекал, напоминая закованную в железо змею, отряд латников графа Клеймора. На нижних ступеньках Палат стояли сир Равен и Балдрик Одли, хмуро наблюдая за незваными гостями.

– Сир Равен, сир Балдрик, – кивнув, медленно произнес Рич Беркли, осадив вороного жеребца. Он поднял руку, и за ним тотчас выстроились два десятка его солдат. – По повелению нашего государя и сюзерена Роберта III Даннидира мне поручено охранять границы королевства с резиденцией здесь, в замке Хартворд. До окончания разбирательства по делу моего брата Рутвена я буду осуществлять командование здешними вооруженными силами и следить за порядком.

– Где граф Хартворд? – Равен Оргин засунул пальцы рук за поясной ремень.

– В Лонхенбурге. Под стражей. Его обвиняют в организации заговора и попытке свержения его величества Роберта III.

– Бред. – Равен протянул руку. – Милорд, вашу грамоту, пожалуйста.

– Если вы не доверяете моему слову... – Рич Беркли едва заметно усмехнулся. – Сайрус!

Секретарь, державшийся до этого за спиной у своего господина, протянул туго свернутый в трубку пергамент с болтавшейся на тесемке красной печатью с королевским гербом. Кастелян взял свиток и, небрежно сломав сургуч, принялся читать. Просмотрев грамоту до конца, он поднял глаза.

– Алиенора Беркли переходит под ваше опеку?

– Именно. До совершеннолетия или до замужества. Или до появления здесь моего брата, в зависимости от того, что случится раньше.

– Ваши распоряжения?

Рич Беркли вновь поднял руку, и отряд солдат полукольцом окружил стоявших на ступеньках. Стражники Балдрика Одли схватились за оружие, но тот покачал головой, и они замерли поодаль, тихо переговариваясь между собой. Граф Клеймор холодно наблюдал за этими передвижениями.

– Сир Равен Оргин, вы смещаетесь со своего поста и будете заключены под стражу до окончания следствия. Допросники выяснят степень вашего участия в заговоре против его величества. Сир Балдрик, в случае, если вы дадите слово повиноваться мне, вам надлежит очистить все казармы и перевести ваших солдат на внешние укрепления Хартворда.

Балдрик сжал губы.

– Слово, – произнес он после непродолжительного молчания.

– Выполняйте.

Граф шелкнул пальцами. Мгновение поколебавшись, кастелян отстегнул от пояса короткий меч и протянул его солдатам. Те построились вокруг него в небольшое каре, и быстро зашагали к донжону. Балдрик, хмуро проводив их взглядом, принялся кратко отдавать приказы страже. Немногочисленная дворня, украдкой наблюдавшая за происходящей сценой, начала расходиться.

– Сир Балдрик! – Рич Беркли внимательно осмотрел двор. – Леди Алиенора?

– Она ожидает вашу светлость в холле замка.

Граф кивнул и, спешившись, стал подниматься по лестнице.

* * *

Зал был пуст и холоден. Лучи заходящего солнца, преломляясь в цветных стеклах окон-бойниц, еле освещали огромный потухший камин, возле которого, прижавшись друг к другу, сидели обе подруги.

Двустворчатые двери распахнулись. Алиенора, завидев хромящую фигуру, бросилась через залу.

– Дядя, что происходит? Где мой отец? Что с ним?

Граф, не отвечая, стянул кожаные в металлических полосках перчатки и бросил их на стол. Мельком глянув на девушек, он уселся на скамью.

– Дрого!

В дверях показалась фигура его сына, в железной кирасе, но без шлема. Ухмыляясь, он смотрел на Алиенору.

– Возьми двух солдат и проводи свою кузину в ее опочивальню. Алиенора, я поднимусь к тебе чуть позже, и мы поговорим. Твоя подруга пусть идет к себе.

– Что случилось?! Дядя?

Рич нетерпеливо передернул плечом.

– Я сказал, поговорим позже.

Дрого схватил ее за руку.

– Пойдем. – Его голос срывался от едва сдерживаемого возбуждения.

Алиенора, морщась от боли – он неожиданно оказался довольно силен, – поплелась следом, еле поспевая за его нервно подпрыгивающей походкой. Повороты коридоров мелькали один за другим. Сзади топали обутое в сапоги солдаты.

– Нам не сюда, – дернув его за руку, спустя некоторое время сказала она.

– Ну отчего же... – Дрого, быстро оглядевшись по сторонам, с силой втолкнул ее в одну из открытых дверей. Они оказались в небольшой комнате, одной из тех, что были вырублены в толще замковых укреплений. Факел осветил стол, заваленный какими-то свитками, и пару табуретов.

Алиенора, потирая запястье, на котором отпечатались пальцы Дрого, прислонилась спиной к стене.

– В чем дело?

Дрого повернулся к ней с какой-то внутренней яростью. Она вздрогнула. Он смотрел на нее, не отрываясь, и его трясло.

– Папашка твой визжал, как недорезанная свинья, когда его тащили на плаху!

Глаза Алиеноры расширились. Ни слова не говоря, она размахнулась и вlepила ему здоровенную затрещину.

Дрого ударил ее в живот. И еще. Хватая ртом воздух, она упала на пол, а он продолжал беспорядочно молотить ее ногами и руками, без устали, по голове, по всему телу. Схватив Алиенору за волосы, он бросил ее на стол животом вниз и, резко дернув, разорвал платье.

Алиенора завизжала. Она брыкалась и махала руками, пытаясь дотянуться до него, но Дрого крепко прижимал ее лицо к столу.

– За ноги держите!

Солдаты, на мгновение замешкавшись, схватили ее.

– Сука! Тварь! – орал Дрого, путаясь в завязках штанов. – Уже не такая гордая, да?

Краем глаза Алиенора заметила, как дверь распахнулась, и в проеме показался Рич Беркли.

– Отпустите ее.

Наемники мгновенно разжали руки. Алиенора упала со стола и, всхлипывая, отползла к стене.

– Дурак. – Сжав зубы, граф подошел к своему сыну, стоявшему в наполовину спущенных штанах, и дал ему сильную пощечину. Дрого отлетел в сторону, ударился головой о каменную скамью. И тут же вскочил. Глаза у него стали стеклянными, а из уголка рта текла струйка белой слюны. Дрого выхватил кинжал и с ревом кинулся на отца. У Алиеноры замерло дыхание.

Клеймор без особого труда перехватил его руку, вывернул ее за спину, и швырнул его на тот же стол.

– Дрого, тихо! Дрого, Дрого... – Одной рукой крепко прижимая мальчишку к столу, другой Рич осторожно поглаживал его по голове.

Спустя несколько мгновений корчившееся тело Дрого затихло.

Граф поднял его и, поставив перед собой, внимательно посмотрел в глаза.

– Ты в порядке?

– Да. – Дрого все еще дрожал.

– Хорошо. Иди и приведи себя в порядок. И не смей больше подходить к своей сестре, пока я не разрешу. Эй, вы, двое...

Наемники вытянулись по струнке.

– Проводите его наверх. И еще одно: ничего не было. Если до меня дойдет хотя бы намек на ваши длинные языки, вы знаете, что будет.

Солдаты молча склонили головы и, пятась задом, в сопровождении Дрого, вышли из комнаты.

Прислушиваясь к удаляющимся шагам, граф плотно закрыл дверь и повернулся к Алиеноре.

– Встань.

Она сделала слабую попытку подняться, всхлипывая и стараясь хоть как-то придержать разорванное платье.

– Н-да. – Не особо церемонясь, Рич грубо схватил ее за руку и вытолкнул на середину комнаты. Сам он уселся на край стола. Отблески факела плясали на его черном лице.

– Может, так оно и лучше, что все случилось раньше. Теперь ты знаешь. Отец твой мертв. Казнен. Мне стоило не особо больших трудов убедить короля в том, что против него заговор. Роберт сам об этом думал с момента коронации. Вернее, только об этом и думал. Ты ведь все слышала про это, правда? Откровенно говоря, смерти Рутвена я не хотел, но там все пошло уже помимо моего желания. Можешь мне не верить, но это так.

Алиенора тихонько завывала.

– Замолчи. Все кончено. Ты выйдешь замуж за Дрого, и все земли и титулы семьи Беркли объединятся в наших руках. Мой брат Камбер уже не жилец.

– Никогда, – еле слышно выдохнула она.

– Ты *выйдешь* замуж. И нарожаешь мне кучу внуков. И они будут наследниками короны. И Беркли, Беркли будут королями, а ты станешь матерью королей. А с Робертовым отродьем я уж как-нибудь разберусь...

Внезапно Рич протянул руку и резким движением сорвал с нее остатки платья, отшвырнул их в сторону. Алиенора зарыдала, прикрывшись руками; ее ноги подкашивались.

Граф, прихрамывая, принялся обходить вокруг нее, разглядывая, как корову на рынке. Словно у юной богини, тоненькая фигурка девушки была удивительно хороша: точеная талия плавно переходила в округлые, хотя еще по-подростковому узкие бедра; стройные ноги заканчивались аккуратными ступнями. Оказавшись перед ней, он взял ее за руки и с силой развел их в стороны, обнажив небольшие, по-девичьи крепкие груди. Живот Алиеноры подрагивал от рыданий.

– Ты хорошо сложена, – сказал в задумчивости граф, не отпуская ее рук, – и, насколько знаю, здорова. Это радует. Беркли не могут похвалиться плодовитыми женщинами. Да. Ты нарожаешь мне наследников, если только... если только Дрого не подкачает. Ты видела – он не совсем здоров. Пока что ни одна девка от него не понесла.

Рич отпустил ее и принялся расшнуровывать свою одежду.

– Что... что?! – хрипло зашептала Алиенора, глядя на него расширившимися глазами. Она попятилась назад, пока не уперлась спиной в холодную каменную стену.

– Ты умная девочка, ты должна меня понять. – Граф схватил ее и с силой бросил на стол. Девушка отчаянно извивалась, всхлипывая; слезы ручьем текли из ее глаз. – Мне придется помочь Дрого. Я не могу рисковать. И я буду делать это до тех пор, пока ты не почувствуешь в себе ребенка.

Алиенора истошно закричала.

* * *

Рич Клеймор самолично отвел Алиенору в ее опочивальню. Дрожащую, он завернул ее в свой плащ и, обняв за плечи, проводил через весь замок. Без сил опустившись на ковер на полу спальни, она свернулась калачиком и зарыдала.

Спустя какое-то время пришла незнакомая толстая хмурая женщина, которая, бормоча что-то под нос, поставила перед ней таз с теплой водой. Есть Алиенора отказалась. Забравшись в свою огромную кровать, она пролежала полночи, глядя в пустоту распахнутыми глазами, пока, уже под утро, ее не сморил тяжелый страшный сон. Во сне был ее отец и еще пыльные доски деревянного стола, в которые она вжималась лицом.

Стоял уже день, когда она проснулась от шума, врывающегося через распахнутое окно. С трудом натянув на себя какое-то платье – все тело, покрытое синяками и кровоподтеками, страшно болело, – она выглянула во двор, заметив только арьергард большого отряда, длинной змеей выползавшего из ворот замка. Рич Беркли куда-то уезжал.

Вялая мысль стучалась в голове. Надо что-то сделать. Надо будет что-то сделать, надо куда-то пойти. Алиенора лихорадочно схватила плащ, все еще валявшийся посередине комнаты, и остановилась.

Дверь с грохотом распахнулась. Там стоял Дрого. И в руке он держал толстую плеть из воловьей кожи.

Глава 7. Дом Финна

Когда наемники Рича Беркли въезжали в распахнутые ворота Хартворда, главный повар, пыхтя от возбуждения, влетел на кухню, не промолвив ни слова, схватил Джоша за шиворот, и потащил за собой. Грозно зыркнул глазами и приказал сидеть тихо, как мышь.

С тех пор – без малого неделю, – юноша обретался в каморке, куда его отвел мастер Гербер. Каморка примыкала к двухкомнатной квартире, служившей покоем самому главному повару.

Свое новое жилье Джош считал не особенно роскошным, но уютным и вполне приспособленным для холостяцкой жизни. Гостиная Джоша поразила: она освещалась стрельчатым окном с цветными стеклами, через которые лился мягкий желтоватый свет, а кроме вполне ожидаемого стола со стулом он с удивлением обнаружил здесь небольшой шкаф со старыми и не очень книгами в потрепанных переплетах.

Книги лежали и на столе, и это были не только трактаты по поварскому искусству. Одна из них, «История и описание знатнейших и славнейших родов Корнваллиса», была Джошу хорошо знакома: лекарь Миртен почему-то использовал ее в качестве основной при обучении его грамоте, так что бесчисленные имена и генеалогические подробности уже успели набить ему оскомину, зато другие книги вызвали у Джоша бурный восторг.

Тяжелые фолианты с описаниями невиданного зверья и множеством ярких миниатюр, которые он не уставал разглядывать, поражаясь то ли фантазии, то ли отчаянной храбрости авторов, сумевших рассмотреть и запечатлеть таких жутких чудовищ; несколько свитков с картами королевства, на одной из которых Джош с удовлетворением обнаружил замок Хартворд, и множество книг с неизвестными ему названиями, но каждая из них обещала что-то необычайно интересное: «История правления каменного короля Мередида Уриена», «Книга чудес Пэдрига Мага», «Хроники Бедвира» Флодоарда Рейхского и дюжина других, а среди них – «Удивительные странствия Тэлисина Скорохода». Если верить Миртену, он знал ее автора, хотя как такое может быть, Джош не понимал. Никаких дат в книге не было, однако ж судя по названиям и именам, написана она была не меньше чем сотню лет назад. «Наверное, путает старик что-то», – лениво решил Джош, уже в десятый, наверное, раз разглядывая карты и красочные картинки, и от нечего делать представляя себе того самого Тэлисина: как тот карабкается по заснеженным пикам Нордмонта, попутно описывая и зарисовывая огромных волосатых животных с рогами, растущими изо рта; с болотоступами на ногах пробирается по Круаховой топи, прячась от гидр; петляет по узким тропкам Дубренского леса, в котором, по его уверениям, некоторые деревья поутру можно было обнаружить в двадцати шагах от того места, где они стояли вечером, и так далее, и в таком же духе. Подобное бесстрашие никак не вязалось с обликом Тэлисина: по словам Миртена, это был сухонький вечно рассеянный человечек с чернильницей на поясе и бездонной котомкой за спиной, забитой записными книжками и кусками пергамента, нервно вздрагивающий при виде мыши, но умудрившийся при этом вдоль и поперек исходить все обитаемые и необитаемые земли.

От нечего делать Джош перелистывал все книжки без разбора; Гербер, отправив его к себе, строго-настрого запретил выходить из покоев без особого на то позволения. Объяснять что-либо он наотрез отказался, заявив, что время для этого еще не пришло, но в очередной раз повторил, что снаружи юноше грозит смертельная опасность. Спустя некоторое время сюда заявился Гуго с подносом пирогов и стаканом вина; по его словам, главный повар подрядил его дважды в день приносить еду Джошу, предварительно пригрозив, что сдерет с него три шкуры и сварит живьем, если тот проболтается.

Пытаясь найти объяснение происходящему, друзья время от времени возвращались к обсуждению недавних событий.

Джош во всех подробностях поведал Гуго о своих приключениях в подземелье, вызвав бурю эмоций. Тот согласился, что, скорее всего, Буллит с тем черным человеком – юноша узнал, что звали его Сайрус, – говорили именно о Джоше, однако более ни к чему в своих рассуждениях они не пришли.

Также казалось очевидным, что, если кто и знает об этой истории, то это повар и еще наверняка Финн, но Гербер молчал, как рыба, а торговца с Рыночной площади Гуго найти не мог, более того – его, кажется, вообще не было в городе. Дом Финна был заперт – Гуго даже отважился подергать за дверь, – окна закрыты ставнями, а печная труба не подавала никаких признаков жизни.

То, что рассказывал Джошу его друг, еще больше отбивало у него желание показываться на улицах города. Там творилось что-то непонятное: поговаривали, что лорда Беркли арестовали и обвиняют в каком-то преступлении; сира Равена держат где-то в донжоне под арестом, а в Хартворде теперь верховодит Рич Беркли. И еще, что заставляло юношу особенно нервничать, так это то, что по замку шарили его наемники, обращая особое внимание на молодых людей примерно джошева возраста со светлыми волосами. Всех отводили к Сайрусу, а тот заставлял их раздеваться, внимательно осматривал с головы до ног, после чего гнал в шею. Подмастерья и мальчишки на побегушках, рассказывая об этом, недоуменно почесывали затылки.

Намедни Гуго заставил-таки своего друга снять рубаху, но ничего особенного так и не обнаружил. «Ну, может, клеймо какое-нибудь, – бормотал он, разглядывая спину и руки Джоша, – или буквы там какие».

– Что я тебе – лошадь? – рассердился Джош. – Клеймо...

Читать Гуго, кстати, не умел. Короче говоря, чушь и непонятно, заявил он в конце концов, крайне недовольный результатами осмотра. Джош только пожал плечами. Штаны он снимать отказался.

Подлил масла в огонь сам мастер Гербер, заставивший Джоша перекрасить волосы в темный цвет. Повар принес таз с горячим раствором басмы, гвоздики и красных орехов, и стоял рядом в течение всей процедуры, после чего удовлетворенно хмыкнул и ушел, в очередной раз запретив высовывать нос наружу.

Посмеиваясь, Гуго рассказал Джошу про свою новую знакомую – Бланку, подругу леди Алиеноры. Ей, судя по всему, тоже приходилось несладко. Ее отец Равен Оргин сидел под стражей, а сама она то ли не хотела, то ли боялась оставаться в своих покоях, особенно теперь, когда весь замок был забит солдатами графа Клеймора. Прошлым вечером Гуго одним из последних выходил из дверей кухни, когда заметил бегущую девичью фигурку, за которой, шатаясь из стороны в сторону и громко гогоча, еле поспевал изрядно подвыпивший наемник.

Прямо перед носом у Гуго он схватил ее за плечо, попытался прижать к себе; девчонка же, совсем не испуганно ругнувшись, развернулась и врезала ему ногой между ног. Солдат взвыл и замахнулся для удара. Недолго думая, Гуго дал ему кулаком в нос; тот, охнув, повалился на землю и, похоже, либо потерял сознание, либо просто провалился в пьяный сон. Молодой человек схватил девушку за шиворот, втащил ее в кухню и быстро запер дверь на засов. Она попыталась ударить и его, приняв, очевидно, за очередного насильника, но Гуго ловко перехватил занесенную руку.

– Да успокойся, дура.

Он зажег свечу и только тогда, обернувшись, узнал неразлучную подружку Алиеноры. Та сидела на скамье, закусив губу и осторожно трогая свое плечо.

– О, леди... – Гуго даже растерялся. – Я... я не хотел...

Бланка мотнула головой.

– Все нормально. Спасибо. Ох уж мне эта солдатня. Очень больно.

– У вас все в порядке?

– Да где там в порядке! Говорю же – очень больно.

Бланка стянула вниз рукав, обнажив изящное плечо, на котором красовался огромный синяк. Несколько опешив от такой бесцеремонности, Гуго нерешительно взял ее за локоть и легонько потянул; Бланка заохала.

– Ничего страшного. Вывих. – Поразмыслив долю мгновенья, он резко дернул ее руку вниз.

– Идиот!!! – завопила она и тут же замолчала, осторожно шевеля пальцами.

– Ну, как? – Гуго на всякий случай сделал шаг назад. Бланка, натягивая рукав обратно, глянула на него исподлобья.

– Кажется, хорошо. – И улыбнулась, дунув на прядь темно-рыжих волос, упавшую на лицо. – Ты молодец. Как зовут? На кухне работаешь?

У Гуго отлегло от сердца. Знакомство состоялось. Он предложил проводить ее к мастеру Герберу, который и плечо чем-нибудь намажет и уж найдет способ переправить ее в верхние покои; Бланка легко согласилась. Непринужденно болтая, они дошли до комнат главного повара, где Гуго передал девушку, что называется, с рук на руки и, сделав попытку изобразить галантный поклон, удалился, размышляя о странном воспитании дворянских дочерей. Во всяком случае, поделился он с Джошем своей мыслью, ему ни за что бы не пришло в голову, что какая-нибудь леди может при надобности так крепко ругнуться. И хорошенькая, однако, сообщил он своему другу. «Глаза карие, ресницы как опахала, на щеках – ямочки. Графская дочка другая совсем – вся тоненькая и светленькая, как ангел, даже и не поймешь, о чем с ней говорить-то можно, а вот леди Бланка – очень даже ничего. Эх, только уж больно высоко они сидят...»

Джош пожал плечами. Приключения всегда сыпались на его друга, как из рога изобилия, и Гуго как-то очень легко, в отличие от него, находил общий язык с девушками. Хотя насчет приключений – что-то у самого Джоша их в последнее время излишне много и они совсем не такие пикантные, как у Гуго. Во всяком случае, без ресниц и ямочек на щеках.

Придя в следующий раз ближе к вечеру, Гуго сообщил еще одну новость: Рич Беркли в сопровождении полусотни стражников куда-то уехал. И забрал с собой нескольких людей Балдрика, среди которых был и Буллит.

– Похоже, Буллит точно из его прихвостней, – сказал Гуго.

Никакого облегчения, однако, эта новость Джошу не принесла: в замке по-прежнему оставался Сайрус и целая толпа его ищеек, хотя Гуго и уверял друга, что в нынешнем его виде, с черными стриженными волосами, узнать его невозможно. Джош уже задумывался над тем, сколько же времени ему придется сидеть взаперти, и не лучше бы вообще убраться куда-нибудь прочь из Хартворда. Сдерживало, по сути, только желание понять, в чем дело, и в гущу каких событий он против своей воли оказался. Хотя нет – имелась, наверное, еще одна проблема: куда идти-то? Всю свою жизнь он прожил здесь, и внешний мир, раньше представлявшийся маняще интересным, сейчас казался враждебным и пустынным. Без знакомых лиц, без друзей и с совершенно туманным будущим.

Гуго эту мысль вообще не принимал. Глупости, говорил он. Еще немного подождать, и все образуется. Чего это Джошу здесь не сидится? Тепло, светло, работать не надо, знай себе, читай книжки, да едучи из зубов выковыривай.

За этими рассуждениями и рассматриванием книг их и застал мастер Гербер, в неурочное время поднявшийся к себе в комнаты. Прикрыв за собой дверь, он повернулся к Джошу.

– Вот, – сказал повар, вытащив из кармана штанов большой бронзовый ключ, – возьми. Это от дома Финна. Его самого сейчас в городе нет и, скорее всего, не скоро появится.

– Зачем?

– Замок сейчас – самое опасное для тебя место. А в городе в основном стражники Балдрика, которых ты знаешь. Не будут они цепляться к знакомым людям. Граф Клеймор уехал, и сейчас самое удобное время, чтобы убраться отсюда. За ворота я тебя выведу, а там уж по зако-

улкам до дома Финна сам доберешься. И еще одно: этот ключ не от парадной двери. Ее вообще открывать не надо, она на площадь выходит и много кто заметить может, что не те люди в дом заходят. Там с правой стороны между домами проулок есть, весь бочками и ящиками заставленный. Как раз за ними эта дверь, небольшая и малоприметная. Увидеть ее с площади невозможно, но все равно – внимательно вокруг себя смотрите, когда открывать-закрывать будете.

– Мастер Гербер, – Джош поднялся со скамьи, – и долго мне еще прятаться? И от чего, в самом деле? Я должен знать.

– Ты узнаешь, мой мальчик. – Повар положил руку ему на плечо. – Но не знаю уж, станет ли тебе от этого легче. Уже скоро. Счет на дни идет. А пока – просто делай, что говорю. Пойдемте.

Следом за ним друзья спустились в кухню, необычно пустынную для этого времени дня. Там Гербер, внимательно осмотрев Джоша, пару раз мазнул по его лицу сажей и, приказав им обоим взвалить на плечи по довольно тяжелому мешку, направился к выходу из замка.

Они совершенно беспрепятственно миновали калитку в воротах; судя по всему, отсутствие графа Клеймора и значительной части его наемников подействовало на оставшихся несколько расслабляюще. В сгущающихся сумерках солдаты беспечно слонялись по двору, некоторые закусывали, сидя за столами, кто-то чистил оружие, кто-то зажигал факелы и, мельком глянув на уже знакомую многим фигуру главного повара в сопровождении носильщиков, двое стражников у ворот без вопросов их пропустили.

Свернув за угол, Гербер остановился.

– И последнее. Там две комнаты, вторая вообще без окон, и еще есть подвал. Я думаю, тебе лучше пока жить где-то там. Гуго будет еду приносить и, если новости какие будут, также через него сообщу.

Кивнув на прощанье, повар устало зашагал обратно.

Мешки, как оказалось, были забиты мусором. Друзья, бросив их за ближайшим углом, без приключений добрались до Рыночной площади.

Дом Финна неожиданно оказался довольно большим: в прошлый свой приход Джош не особо всматривался, да и в темноте не смог заметить располагавшийся в углу вход во вторую комнату. Жилище купца вплотную примыкало к крепостной стене замка, и эта комната была полностью вырублена в ее толще.

Следуя указаниям мастера Гербера, они не стали открывать ставни, а зажгли каждый по свече и начали обход.

Первая зала, уже знакомая Джошу, оказалась самой бедной; судя по всему, здесь Финн просто принимал посетителей и заключал нечастые сделки. Зато вторая! Стены ее до самого верха украшали деревянные панели, покрытые резьбой; каменный пол имел вид огромной шахматной доски из плит черного и белого цветов. Посреди комнаты стоял большой письменный стол с множеством отделений и ящичков. У стола – роскошное кресло с набивными сиденьем и спинкой, обтянутыми шелковистой на ощупь тканью; даже в замке Джош такого не видывал, хотя, собственно, в графские покои его никогда и не допускали.

Скамьи вдоль стен были завалены подушками с кистями по углам, до самого потолка высились дубовые буфеты с всевозможной посудой. И множество запертых на замки сундуков, такого вида, словно все они были привезены из разных стран: один четырехугольный красного дерева, обшитый полосами желтого металла; другой округлый, напоминавший по форме бочку, расписанный цветными изображениями птиц и зверей; третий – высокий, больше похожий на комод. И среди прочих – совершенно обычный ящик, обитый железом, невесть как попавший в компанию своих братьев. И на столе, и на специальных подставках на полу стояло несколько канделябров.

В самом дальнем углу комнаты располагалась кровать: в стене, в глубокой нише; сверху с деревянных балок свешивался богато расшитый балдахин.

– О, боги со всеми святыми! – присвистнул Гуго, с великим тщанием обозревший всю комнату. Он уселся в кресло и принялся открывать и закрывать выдвижные ящики. – Джош, пожалуй, я к тебе переберусь. Что-то не нравится мне больше в чуланах на кухне спать. Почивать буду там, – он ткнул пальцем в кровать. – И Глэнис тут тоже понравилось бы...

Джош фыркнул. Глэнис, весьма симпатичная девушка, служила в замке горничной. Тоже, кстати, с ямочками на щеках.

Гуго замолчал.

– Смотри, что я нашел.

Покопавшись в одном из ящиков, он вытащил большую связку ключей и подбросил ее на руке.

– Ну, что – глянем, что где лежит?

– Не знаю. – Джош пожал плечами. – По-моему, Финну не понравилось бы, что мы у него в сундуках роемся. Мы ж тут вроде как гости. Пошли лучше на подвал посмотрим.

После краткого раздумья Гуго кивнул и зашвырнул связку обратно в ящик.

Подвал оказался не слишком интересен. Величиной со средних размеров комнату, заставленный сундуками и шкапами, некоторые из которых были не заперты: там стопками лежала одежда всех сортов – от грубых солдатских штанов до вполне приличных рубашек. В углу валялась пара дубинок из тех, которыми рыночные торговцы отгоняли чрезмерно настырных попрошаек. И более ничего примечательного. Правда, в маленьком чуланчике друзья с удовлетворением обнаружили ряд больших закупоренных бутылей с вином, а сверху свешивались дюжины три копченых колбас.

Молчаливо придя к взаимному согласию, они взяли бутыль, кольцо колбасы, и принялись взбираться по довольно крутой лестнице. Подумав, Джош прихватил еще и дубинку.

В дверь тихонько постучали.

Джош с Гуго, открыв рты, уставились друг на друга и осторожно положили еду на пол.

– Гербер?

– Или Финн?

Джош на цыпочках подошел к входу и встал сбоку, поудобнее перехватив дубинку. Глянув на друга, Гуго рывком распахнул дверь... и ошарашенно уставился на гостью.

– М-м-м... Леди Бланка?

– Я могу войти? – Девушка слегка приподняла брови.

Вместо ответа Гуго выглянул наружу и, убедившись в отсутствии посторонних, молча кивнул. Бланка пальчиками приподняла подол и быстро ступила через порог, скользнув взглядом по фигуре Джоша, который с озадаченным видом перебрасывал дубинку из одной руки в другую.

– Почему так темно?

– Мастер Гербер велел не зажигать здесь свет. – Гуго запер дверь и указал глазами на вторую комнату, в которой мерцал огонек свечи. – Будьте любезны – туда. Уж извините, но там – спальня. Там просто окон нет и можно огонь зажечь, никто не заметит.

Внимательно осматриваясь, Бланка прошествовала к столу и уселась в кресло, расправив платье. Джош с Гуго встали рядом.

– Повар объяснил мне, где вас можно найти. Я сказала ему, что мне это очень нужно. Я шла осторожно, и меня никто не заметил. – Девушка, покусывая губу, помолчала несколько мгновений. – Прошу вас, без церемоний. Сядьте.

Молодые люди, не сговариваясь, сделали шаг назад и уселись на скамью, положив руки на колени.

– Ох, я же сказала – без церемоний. – Голос ее слегка дрогнул, и Бланка всхлипнула.

Друзья вскочили на ноги.

– О, боги... что случилось? Воды? Вина? Леди...

– Воды. – Вытирая глаза руками, она взяла бокал и сделала маленький глоток. – Все в порядке. Садитесь.

– Что случилось? Кто-нибудь из солдат?..

– Нет. – Девушка покачала головой. – Со мной все хорошо. Ну... почти хорошо. Гуго и вы – вас зовут Джош, не так ли? – вы можете мне помочь, хотя я не знаю, как. Или не можете. О, свет, зачем я пришла сюда?!

Бланка встала.

– Леди... – Джош сделал полшага вперед. – Мы не знакомы, но я от вас слова дурного никогда не слышал. Если мы можем помочь – мы поможем. Сейчас всем плохо. И вам, кажется, совсем не так хорошо, как вы стараетесь показать. Так объясните, в чем дело. Похоже, что-то уж совсем худо, если дочка сира Равена пришла к двум поварятам.

Бланка подняла голову.

– Да. Я не понимаю, что происходит, и даже не могу предположить, к кому мне обратиться за помощью или советом. Гуго мне показался хорошим человеком. Руддик Гербер сказал, что ни вы, ни Джош никогда не обидите девушку, хотя вы оба и – как это он выразился? – разгильдяи.

– Вот что, леди, – Джош поднял с пола бутылку, – давайте, мы выпьем вина, успокоимся, и вы расскажете, что случилось.

Бланка удрученно вздохнула.

Спустя несколько минут она отодвинула бокал в сторону.

– У меня есть подруга. Единственная. И она в беде.

Друзья переглянулись.

– Леди Алиенора?

– Да.

– Мы знаем. – Гуго кивнул. – Слышали, что его светлость арестовали в Лонхенбурге и даже, говорят, его будут за что-то судить.

– Да, но дело не в нем. Она в беде.

– Она? – Джош пожал плечами. – Что с ней может случиться? Здесь Рич Клеймор, ее дядя. Ну, сейчас он уехал, конечно, но все же. А сир Рутвен – разве ему что-нибудь грозит? Он же вон какой знатный граф, внук короля. Это какое-то недоразумение.

Бланка помолчала немного. И начала с самого начала: про то, что графа обвиняют в государственной измене. Про то, что Рич Беркли приехал сюда в качестве опекуна леди Алиеноры, а опекунов просто так не назначают, – похоже, с сиром Рутвеном может случиться кое-что хуже ареста, если уже не случилось. А Дрого, граф Марч, сын Рича, очень грубо ее куда-то потащил. Бланка почти час ждала Алиенору в ее опочивальне, но та так и не пришла. А когда отлучилась на минутку – там уже стояла стража и ее не впустили. А на следующий день стражи уже не было, а Алиенора пропала, и ее до сих пор там нет, и она там не появлялась. И что еще хуже – на полу там валялось полотенце в пятнах крови.

– Я говорила с прислугой, – продолжила Бланка, – так вот: похоже, ее бросили вниз, в подземелье.

Джош и Гуго слушали, открыв рты.

– Но зачем?!

– Я не знаю, – Бланка вздохнула, – но догадываюсь. Вы, наверное, слышали, что у сира Рутвена есть старший брат, герцог Камбер?

Молодые люди одновременно кивнули.

– Так вот: он умирает. А если что-то случится с графом Хартвордом и с его дочерью, Рич Клеймор станет единственным владельцем всех титулов и земель рода Беркли.

– О, боги... – Гуго взволнованно вскочил. – Так надо идти рассказать кому-нибудь!

– Кому?!

– Все правильно, – сказал Джош, – некому. Сир Равен сам под стражей сидит. Мастер Гербер ничего сделать не сможет. Разве что сиру Балдрику?

– Нет. – Бланка покачала головой. – Даже не думайте об этом. Он дал слово Ричу Беркли, и я не знаю, как он будет его держать.

– А мы-то что можем сделать?!

– Не представляю, – тяжело вздохнула девушка, – наверное, ничего. Но дворня шепчется, что в подземелье кто-то кричит иногда.

– Может, дхарг?

– Рич Беркли дхарга с собой увез. Так что там не должно быть никого, но стража перед входом стоит. – Бланка поднялась с кресла и принялась оправлять платье. – Я три дня по двору туда-сюда бродила, но так и не увидела, чтобы кто-то внутрь заходил. Вот и подумала: надо хотя бы ей еду туда передать. Но как – не знаю. Думала, может, вы чем-то сможете помочь. Мальчишки же обычно знают, как везде пролезть. – Бланка вздохнула. – Но да ладно. Вы славные мальчишки. А я дура. Зря пришла – наверное, мне надо было просто с кем-нибудь поговорить.

– Леди Бланка, подождите. – Гуго, почесывая нос, повернулся к своему другу. – Джош...

– Н-да... – Джош задумчиво постучал пальцами по столу. – Та дверь. Ты про это?

– Угу. Думаешь, это глупость?

– И еще какая. И, кажется, мы ее сделаем.

Бланка в ожидании переводила взгляд с одного на другого.

– Слушайте, миледи. – Джош, не вдаваясь в подробности, сообщил ей о существовании тайного хода в подземную тюрьму, который он обнаружил совершенно случайно. Туда, конечно, говорил он, можно попасть через замок, через какую-то комнату с красными обоями, но во внутренние покои его с Гуго и в лучшие времена не пускали, а сейчас, когда там полно чужих солдат – и подавно. «Так что есть только один способ, – закончил Джош, – через ту каморку в крепостной стене. Там дверь, и очень крепкая. Придется нам придумать, как ее сломать».

Бланка кивнула.

– Вы молодцы. А дверь открыть – это, может быть, и не так уж трудно. Я, наверное, смогу помочь.

Молодые люди удивленно окинули взглядом хрупкую фигурку девушки. Она улыбнулась.

– Мой же отец – кастелян замка. В его покоях, с дюжину, наверное, всяких связок с ключами от разных дверей. Можно поискать – скорее всего, и от той двери что-то есть.

Джош с Гуго переглянулись.

– Миледи, – Джош откашлялся, – вы самая храбрая девушка из всех, кого я когда-либо встречал. Несите ключи. А завтра ночью попробуем.

Глава 8. Знак богов

Дрого приходил еще раза два, несмотря на запрет отца. Или три... или четыре.

Алиенора сбилась со счета. День и ночь перемешались, и она потерялась во времени, пытаясь в кратких промежутках между большими снами и тяжелым забытием понять, где она и что с ней происходит. Не было сил и желания даже на то, чтобы доползти до глиняной миски с серым месивом, которую зашвыривали через решетку раз в день. По приказу Дрого Алиенору бросили в темную и холодную камеру; с потолка мерным стуком капала вода, собираясь на полу в грязную лужу.

За что, за что?

Голова ее с глухим стуком билась о стену. О боги, опять. Слезы, которым не видно конца, лились и лились из глаз; боли не было, точнее, не было ничего, кроме нее, тупой, ноющей и бухающей боли на лице, в груди, внизу живота. Она с трудом разлепила затекшие веки, стараясь хоть что-то увидеть в пляшущих отблесках факела. Распластавшись, она лежала на каменной скамье; платье разорвано, подол вздернут, и Дрого, снова этот Дрого со спущенными штанами, держа ее за раздвинутые колени и мелко дыша, двигался взад и вперед, заставляя голову биться и биться о стену. Оставьте меня, о боги, оставьте меня.

– А-а, очнулась, сучка, – прерывистым голосом просипел Дрого. – Нравится тебе? А так нравится? Грязная тварь...

И он наотмашь ударил ее по лицу.

– Я знал, знал, что ты не девственница... Кто поимел тебя первым, а? Какой-нибудь наемник из казармы? Шлюшка...

Он ударил ее опять. И тут же застонал от удовольствия.

– Давай, Эврар, если хочешь, развлекись. – Затягивая ремень, Дрого брезгливо мотнул головой. – И Гира тоже позови. Ей это нравится.

Эврар, стражник в засаленном камзоле, который до этого стоял в сторонке, держа факел, ослабил его, подскочив к Алиеноре, принялся тискать ее груди. Она попыталась взмахнуть рукой, чтобы его отогнать, но кисть лишь слабо шевельнулась.

– Ах ты, мразь... – Дрого занес кулак, и Алиенора вновь провалилась в мерцающую болью черноту.

А один раз к ней пришел Сайрус, тот самый одетый во все черное мрачный слуга графа Клеймора. Заметив за решеткой его фигуру – факел полыхал где-то далеко, за поворотом, – Алиенора, тихонько всхлипывая, забилась в дальний угол, пытаясь прикрыться обрывками платья.

– Не надо, пожалуйста, не надо... – чуть слышно бормотала она. Разбитые в кровь губы еле шевелились.

– Леди Алиенора, – негромко сказал Сайрус, – мне очень жаль.

Оглянувшись, он достал из широкого рукава большой ломоть хлеба и кинул его через решетку.

– Мне жаль, – еще раз повторил он, и исчез.

Алиенора, плача от боли в лице, вгрызлась в краюху, еще теплую, видимо, только что из печи. Доесть не успела. Вскоре появился Дрого, который снова бил и мучил ее, выпытывая, кто принес хлеб. Она не сказала. Остатки краюхи он размазал сапогом по грязи и этим же сапогом ударил ее в живот. Алиенору вырвало и он, грязно ругаясь, отшвырнул ее головой об стену. А когда Дрого ушел, она, корчась от боли, ползала по полу, собирая драгоценные крошки.

* * *

Уже около часа Джош с Гуго, время от времени меняясь, пытались открыть дубовую дверь. Ключей действительно было очень много; некоторые вообще не получалось вставить, а остальные отказывались поворачиваться, но Джош, памятуя слова Буллита о том, что замок насквозь проржавел, упрямо возился с каждым ключом. Для смазки они предварительно впрыснули в скважину оливкового масла, маленькую склянку которого Бланка предусмотрительно прихватила на кухне. Гуго где-то раздобыл небольшой фонарь, который девушка сейчас держала в руках, с нетерпением наблюдая за усилиями своих новых знакомых.

Когда на следующий день поздно вечером снова раздался осторожный стук в дверь, молодые люди, уже полностью готовые к предстоящему приключению, с удивлением увидели фигуру Бланки, одетую в мужскую рубашку и грубые штаны, из тех, что обычно носили рудокопы. Свою роскошную шевелюру она завязала в тугий узел и спрятала под большим беретом. Джош даже мысленно смешался. Большие темные глаза под изломами бровей, и плотно сжатые губы. И ямочки на щеках. Да, рудокоп что надо.

– Миледи... вы не должны идти с нами.

– Но я пойду, – спокойно сказала девушка, – показывайте дорогу.

– В этом нет никакого смысла. Помочь вы ничем не сможете, кроме того, подумайте, что будет, если нас поймают!

Бланка остро на него взглянула. И тут же покачала головой.

– Чушь, – заявила она, – если нас поймают, как раз мне-то, наверное, ничего и не будет, и уж во всяком случае, вам достанется намного больше. И, скажите на милость, как вы объясните леди Алиеноре, кто вы такие и с какими намерениями хотите выгнать ее оттуда? И вообще-то, мальчики, я вовсе не обязана объяснять вам, почему да зачем я хочу куда-то пойти.

Джош с Гуго переглянулись и, пожав плечами, вышли на улицу. Площадь была пустынна; лишь одинокий фонарь тускло освещал небольшой кружок вокруг колодца, да с противоположной от них стороны из-за закрытых дверей таверны тетушки Фло доносились звуки волынки и скрипок.

Никаких неудобств Бланка им не доставила. Даже не обратив внимания на протянутую ей руку, она запрыгнула на бочку, а затем, ловко подтянувшись, забралась на крышу сарая, заставив Гуго еще раз подумать об особенностях воспитания дворянских наследниц.

Сейчас, держа в одной руке фонарь, другой она задумчиво перебирала оставшиеся ключи, которых оставалось еще не меньше трех-четырёх десятков.

– Мы так полночи провозимся, – нахмурившись, сказала она. – Слушайте: замок очень старый, его давно не открывали. Судя по всему, ключ тоже должен быть какой-нибудь старый и ржавый, если он тут вообще есть.

Хм, разумно, подумал Джош и на пару с другом принялся перебирать ключи, откладывая в отдельную кучку самые новые с виду. Ржавых оказалось не больше полудюжины. После еще четверти часа стараний замок шелкнул и дверь, наконец, открылась.

– Уф, – довольно прошептала Бланка, – отлично. Мы пойдем с Гуго, а ты, Джош, останься здесь и сторожи.

– Вы с Гуго?! – Джош поразился. – Я-то там был, а вы – нет.

Гуго согласно покачал головой.

– Ох, мальчики, – улыбнулась Бланка, – все-то вам объяснять надо. Мастер Гербер говорит, что тебе по какой-то неведомой причине вообще на людях появляться не стоит, а ты собрался лезть в темницу, возможно, с толпой стражников. Мне не очень хочется, чтобы он мне потом нотации читал. Даже мой отец молчит, когда он ругается.

– Я не боюсь, – ворчливо пробормотал Джош, – да и вряд ли там толпа стражников. Тюрьма же вся пустая – только у входа самое большее двое стоят.

– Я не сомневаюсь, что не боишься. Но все равно останешься здесь. Гуго, пойдем.

Осторожно пробравшись между завалов старой мебели, они легко нашли сломанный люк. Подергав для верности лестницу, Гуго спустился первым и, осторожно выглянув за дверь, помахал Бланке рукой. Фонарь они оставили Джошу: из-за двери, как и в прошлый раз, виднелись отблески факела.

Слава богам, идти далеко не пришлось. Судя по описанию, в той самой камере, в которой Джош видел Урк'шахха, они заметили скорчившуюся на полу фигуру, еле видневшуюся в полумраке.

– Алиенора! Леа... – тихо позвала Бланка.

Ответа они не дождались. Бланка запустила руку в один из многочисленных карманов своих рудокопских штанов и вытащила средних размеров железный ключ.

– Это от камеры, – шепотом пояснила она Гуго, – от всех камер. Тут везде запоры одинаковые.

Замок легко открылся. Гуго, выдернув из стены факел, вслед за Бланкой шагнул внутрь. Вздвогнул и остановился, увидев безжизненное тело Алиеноры, в грязи и кровоподтеках. Обрывки одежды, собранные в рваный комок, она прижимала к лицу.

– Леа, Леа... – Бланка принялась тормошить ее за плечо. – Бесполезно. Мерзавцы. Ну, хоть дышит, по крайней мере.

Обернувшись и увидев застывшего Гуго, она грозно зашипела:

– Чего пялишься? Голых девок никогда не видел? Помогай, давай. Мы не можем здесь ее оставить.

Как будто очнувшись, он мотнул головой.

– Господи, да кто же это так?!

– Дрого.

Гуго протянул Бланке свой плащ. Та, опустившись на колени, насколько смогла, обернула Алиенору.

– Поднимай, и потихоньку. Силенок хватит?

Гуго пожал плечами и искоса глянул на Бланку: она была ниже его почти на голову, да и, похоже, помладше на годик-другой. «Ишь ты, раскомандовалась». Он нагнулся и без особого труда взвалил тоненькое тело девушки себе на плечо.

В старой караульной из отверстия наверху уже протягивал руку Джош; его глаза расширились от ужаса при виде окровавленного лица Алиеноры.

В камере он вновь передал ее Гуго.

– Идите к Финну, – шепнул он, – а я попробую завалить люк.

* * *

Осторожно положив на стол Алиенору, которая по-прежнему почти не подавала признаков жизни, Гуго нерешительно потоптался на месте.

– Что надо?

– Чистых тряпок. И ведро воды. Только не надо мне из колодца тащить. Горячая нужна.

– Где ж я вам горячую возьму? – буркнул Гуго. – Здесь нельзя огонь разводить. Заметят сразу.

– Ну, придумай что-нибудь. Кто из нас мужчина?

– Ладно. Попробую в таверне выпросить. Или нет, лучше у прачек. Я их всех знаю.

Через полчаса Гуго вошел в дом, аккуратно прикрыл за собой дверь, и поставил на скамью рядом со столом два котелка, над которыми шел пар. Бланка уже перевернула Алиенору на живот и, тихонько ругаясь, пыталась отлепить от ее спины клочки платья, засохшие в кроваво-грязной коросте. На спине явственно виднелись следы от ударов кнутом.

– Хватит глазеть! – Она сверкнула глазами, откинув с лица прядь темно-рыжих волос, схватила плащ и накрыла обнаженное тело. – Иди отсюда куда-нибудь. Сама справлюсь.

Гуго стоял, открыв рот.

– В чем дело?! – грозно спросила Бланка, уперев руки в бока.

– Не знаю пока. – Молодой человек задумчиво покусал губу. – Миледи, это очень важно. Э-э, как бы это сказать? Что здесь?

И Гуго, очень осторожно протянув руку, легонько ткнул указательным пальцем Алиенору чуть пониже спины.

Бланка вытаращила глаза. Гуго испуганно выставил перед собой ладони.

– Нет, нет... но мне надо посмотреть.

– Что посмотреть?!

– Не знаю. – Он пожал плечами. И, набрав в грудь воздуха, выпалил: – Но если вы мне не дадите, клянусь богами, я сделаю это сам.

Подумав пару мгновений и испытующе на него глядя, Бланка медленно принялась стягивать плащ с Алиеноры.

– Вот оно. Что это? Родимое пятно? – Гуго указал на небольшое, с ноготь величиной, темное пятнышко на теле девушки, немного ниже уровня талии.

Бланка облегченно вздохнула и вернула плащ на место.

– Дурень. Ничего страшного. Это... нет, не родимое пятно. Такое, между прочим, у всех Беркли есть.

– А что же это? И в каком смысле – у всех Беркли?

– В прямом. Это такой фамильный знак. У графа Рутвена есть, у нее есть, у Рича Клеймора тоже наверняка есть. А может, и у всех Даннидиров. Похоже на букву «J». Ты хоть грамоте обучен?

– Что значит – фамильный знак?

Бланка наморщила лоб.

– Я не могу точно сказать. Леди Алиенора – она первородная, ты знаешь?

Гуго кивнул.

– Да. Вроде самой знатной из всех знатных.

– Ну, нет. И другие есть. Но первородные ведут свой род от первых князей Корнваллиса, а те, как говорят, получили знаки своей власти от древних богов. Так вот: когда в такой семье ребенок появляется, и признается за законнорожденного, жрецы над ним всякие обряды проводят сразу после рождения. И в результате у младенца появляется такая метка.

– Клеймят, что ли? – ошарашенно пробормотал Гуго.

– Нет, конечно. Это не клеймо, не родимое пятно, оно как бы само собой проявляется, ни стереть, ни выжечь не получится: даже если с куском мяса вырезать, оно все равно в другом месте появится. Это – знак богов. А леди Алиенора по отцовской линии, хотя и не старшей, к Беркли принадлежит, они из самых знатных первородных, а по матери... – Бланка пожевала губу, – определенно не скажу, но тоже из какого-то старого рода, раз уж ей Хартворд принадлежал. Так что, выходит, и по этой линии тоже. А сир Рутвен вообще из северных земель, называемых Ллир, а это, вроде, какое-то древнее королевство.

– Ну и ну. – Гуго попятился назад и плюхнулся на скамью, стоявшую у стены. Вид у него был такой, будто в его голове внезапно случилось несварение мозгов.

– Эй, что с тобой?

– Не знаю. Потом скажу. Скоро приду.

Он вскочил и опрометью кинулся из комнаты.

Спустя четверть часа дверь открылась, и в нее втиснулся Гуго, таща за собой упирающегося Джоша. Увидев Алиенору, без чувств лежащую на столе, Джош остановился.

– Миледи, – Гуго подскочил к столу, – пожалуйста, покажите еще раз то пятно.

Бланка то ли раздраженно, то ли насмешливо фыркнула.

– А может, ты весь город сюда позовешь? И, может, мне деньги за показ брать? Глядишь, и накопим ей на новое платье. А ну, убирайтесь отсюда оба.

– Эх... – Гуго повернулся к своему другу. – Джош, сними рубаху. Давай, ты обещал.

Юноша вздохнул и обреченно принялся развязывать тесемки.

– Да что за представление?! – разъярилась Бланка.

Гуго бесцеремонно схватил ее за руку и подтащил к Джошу.

– Смотрите.

И он ткнул пальцем в плечо своего друга. Там на коже явственно виднелось коричневатое пятно в виде закорючки, пожалуй, чуть больше и темнее, чем у Алиеноры. Бланка, открывшая было рот для суровой отповеди, ошарашенно молчала. Осторожно протянув руку, потрогала и потерла пятно.

– Ну, все, хватит. – Тот начал натягивать рубашку обратно. – Может, мне объяснит кто-нибудь, что тут происходит?

– погоди. – Бланка еще раз осмотрела и потрогала пятно. – Откуда оно у тебя?

Джош с Гуго глянули друг на друга и громко хмыкнули.

– Ну, как сказать...

– Да, понятно. – Девушка слегка улыбнулась. – Но давно оно у тебя?

– Не знаю. – Джош пожал плечами. – Всегда. Наверное, у кого-то из моих родителей такое было.

– А кто твои родители?

– Не знаю. Я сирота.

Немного поколебавшись, Бланка сдернула плащ, прикрывавший тело Алиеноры.

– Посмотри.

Джош недоверчиво уставился на родимое пятно.

– И что? – спросил он. – Хотите сказать, как у меня? Я ж своей спины не вижу. И что это значит?

– Сдуреть. – Гуго нетерпеливо пощелкал пальцами. – Ой, простите, леди. Да, да, как у тебя, точь-в-точь. Джош, очень много интересного. И монета та, и ключик серебряный, а помнишь, Рич хотел с тебя рубаху снять?

– Рич Беркли? Граф Клеймор? – Бланка нахмурилась. – Не пойму, о чем речь.

Гуго, волнуясь, сбивчиво и путано принялся рассказывать ей о событиях последних дней.

– А мастер Гербер, – закончил он, – повар, говорит ему: держись как можно дальше от сира Рича. А после этого велел ему прятаться. Вот.

– Вот так история. – Бланка в задумчивости уселась на скамью. – А где тот ключ? И что спрятано внизу? И где? Дайте мне ключ.

Внимательно его осмотрев, она протянула ключ Джошу.

– Маленький. Это не от двери. И не от сундука, это от какого-нибудь ларца. Здесь в доме не искали?

– О, свет, – пробормотал Гуго, – Джош, помнишь, ты говорил, что Финн ту монету в подвал понес, а потом дал тебе ключик?

Тот молча кивнул.

– Джош, да очнись ты! – Гуго дернул его за рукав. – Пойдем вниз. Надо все осмотреть хорошенько.

Глава 9. Граф из сундука

Поиски не принесли результатов. Около часа Джош с Гуго, вооружившись связкой ключей из письменного стола Финна, потратили на то, чтобы открыть все сундуки и шкафы в подвале дома, вытащить оттуда содержимое и сложить обратно, предварительно обстучав стены. Попытки отодвинуть шкафы в сторону не увенчались успехом – они были очень тяжелы и, очевидно, в одиночку Финну не удалось бы сдвинуть какой-нибудь из них, а потом вернуть на место.

В одном из огромных сундуков обнаружился целый арсенал оружия: кольчуги, с десяток кинжалов и коротких мечей; в другом – пара увесистых мешочков с золотыми и серебряными монетами.

Осмотр пола тоже ни к чему не привел: ни одна из каменных плотно подогнанных друг к другу плит не желала подниматься.

Когда они, уставшие и недовольные, вернулись наверх, Бланка уже закончила обтирать Алиенору, успев при этом сама переодеться в более привычное женское платье. Глядя в пол, она тихим голосом попросила помочь ей перенести девушку на кровать. Заботливо укутав свою подругу одеялом, Бланка вернулась к столу и села, подняв заплаканные глаза.

– Леди... – Джош осторожно тронул ее за плечо. – Не волнуйтесь. Она поправится.

– Я знаю. – Бланка всхлипнула. – Я не волнуюсь. Сир Рутвен мертв.

– Как?!

– Алиенора сказала. Прошептала в забытьи. Сказала: папу убили. А потом еще раз. Да что же творится такое?!

Гуго принес бокал вина.

– Выпейте, леди Бланка.

Девушка выпила все без остатка, поставила бокал на стол и вытерла рот рукавом.

– Это все Рич Клеймор. Я знаю. Это наверняка дело рук этого хромого. Он избавился от своего брата и за племянницу принялся. Надо будет что-то сделать. Я должна что-то придумать. Жаль, что моего отца держат не в тюрьме, мы его тоже могли бы спасти, он бы нашел выход.

Джош сел рядом с ней на скамью.

– Если бы леди Алиенору хотели убить, то сделали бы это сразу, – сказал он.

– Вовсе нет. Это бы сразу открылось. Ведь в городе еще сир Балдрик со всеми своими солдатами, мой отец под стражей, да и вся прислуга. Очень много лишних глаз.

– Понимаю. – Джош робко дотронулся до ее плеча. – Мы вместе что-нибудь придумаем. Вы можете на нас рассчитывать.

– Спасибо, мальчики. – Бланка слабо улыбнулась. – Нашли что-нибудь?

– Нет.

– Так надо здесь еще посмотреть, в спальне.

– А какой смысл? – Гуго пожал плечами. – Джош же ясно говорил – Финн унес монету в подвал, ее там, судя по всему, спрятал, а ключ принес Джошу.

– Ну и что? Джош же не видел, куда он ее дел? Кто вам сказал, что монету спрятали именно в подвале? Он монету вообще мог просто к себе в карман положить, а спрятать куда-нибудь потом. Да и не монета нам нужна вовсе, а какой-то ларец.

Вместо ответа Джош с Гуго переглянулись и, разделив связку ключей между собой, принялись по очереди открывать все шкафы, а затем и сундуки с одеждой, в том числе очень богатой, серебряной посудой, толстыми гроссбухами с записями о торговых сделках и постельным бельем.

– Есть, – тихо произнес Джош, отперев короб, который стоял в углу спальни. В отличие от всех прочих, богато разукрашенных, это был простой деревянный ящик, обитый полосами железа.

Гуго с Бланкой подбежали к нему и заглянули внутрь. Множество маленьких мешочков лежали на дне сундука. Из некоторых из них, разорванных или истлевших от старости, высыпались мелкие серебряные и медные монеты. А сверху, почти затерявшись среди прочих, небрежно брошенная, лежала та самая, с вепрем, тремя коронами и буквой «Э» посередине.

Бланка осторожно взяла ее.

– Это не монета. Это – медальон. Рогатый вебрь – это герб герцогов Беркли. – Она задумчиво потеряла монету. – «Э». Буква «Э». Не знаю, что это значит.

Девушка подняла голову и испытующе посмотрела на Джоша.

– Гербер дал ее тебе? – тихо спросила она. – Почему? Джош, кто ты?

– Джош – это Джош, – фыркнул Гуго, – я его, можно сказать, с рождения знаю. А что насчет ларца?

Бланка опустила на колени и принялась вытаскивать мешочки и горстями выгребать из сундука монеты, сваливая их прямо на пол.

– Помогайте. Оно должно быть здесь. Медальон – это знак, знак для тех, кто знает, где искать.

Через несколько минут они выгребли все. Сундук был пуст.

– Ничего, – разочарованно сказал Джош.

– Ну, так уж и ничего, – ухмыльнулся Гуго, – если не считать горы серебра.

Подумав пару мгновений, Бланка сильно потянула за край короба. Тот не сдвинулся с места.

– Он не может быть такой тяжелый. Он прикреплен к полу, чтобы не унесли, так часто в богатых домах делают. А грабители, если бы таковые сюда забрались, просто выгребли бы все деньги и сбежали. Зачем им пустой сундук с собой тащить?

Гуго вскочил и ринулся в подвал; вскоре он подбежал к Джошу, неся в руках два небольших железных лома. Несколько минут спустя им удалось слегка оторвать ящик от пола; он оказался привинчен шестью длинными стальными шурупами. С усилием дернув, они опрокинули сундук; под ним оказалась вделанная в каменную плиту небольшая металлическая дверца с изображением того же вепря и маленькой замочной скважиной.

– Джош, ключик, – сказала Бланка.

Джош еле опустился на негнущиеся колени и дрожащей рукой достал ключ.

– Я боюсь, – произнес он, – я боюсь что-то узнать.

Бланка мягко взяла ключ из его пальцев и отперла дверцу. Заглянув в темное четырехугольное отверстие, она почти до плеча запустила туда свою руку и вытащила холщовый мешок. Развязав его, извлекла узкую и длинную деревянную шкатулку, закрытую на обычную защелку. Затем подошла к столу, поставила ее и, чуть помедлив, открыла.

Внутри лежали только два свитка пергамента, перевязанных золотой тесьмой. Девушка заглянула сначала в один, затем в другой.

– Какая-то карта. А это документ. Ты умеешь читать, Джош?

Тот сглотнул.

– Да, миледи. Но... лучше вы.

– Хорошо.

Бланка уселась поближе к большому серебряному канделябру с тремя горящими свечами и развернула свиток. Джош, не в силах унять дрожь в коленях, остался стоять, привалившись к стене за ее спиной.

– Так. «Составлено в год четыреста шестьдесят седьмой от Основания, в месяц Мокрень пятнадцатого числа...»

Она подняла голову.

– Четырнадцать, почти пятнадцать лет назад...

Джош напряженно кивнул.

– «...записано собственноручно Миртеном Аледом, Магом круга Огня...»

– Что это значит – магом? – заинтересовался Гуго. – Магов ведь нет давно, с тех пор, как они купол над Валом соорудили, разве не так?

– Не знаю. – Бланка пожала плечами. – Кстати, Миртена нет в замке. Он уехал в Лонхенбург вместе с его светлостью. Ладно, дальше. «...Магом круга Огня, Хранителем манускриптов графства Хартворд, и засвидетельствовано сиром Балдриком Одли, Финном Делвином и Руддиком Гербером, солдатами на службе его светлости Рутвена Беркли, графа Хартворда...»

– Удивительно, – вновь подал голос Гуго, – они тоже были солдатами. Ну ладно, Финн – он всегда с мечом ходит, а вот про толстяка Гербера никогда бы не подумал. По-моему, он только поварешкой сражаться умеет.

– Не мешай, Гуго, – хмуро сказал Джош, – леди Бланка, пожалуйста, читайте дальше.

– «В месяц Урожая десятого числа названного года мы, вышеназванные Миртен, Финн и Гербер, в составе вооруженной свиты из тридцати человек, сопровождали их светлости Рутвена, графа Беркли, его супругу Фьюру, урожденную Риэннон, а также их сыновей-близнецов Ралфа и Эдмунда, семи месяцев от роду. При них была сиделка Ангерэт, охрану же детей поручили сиру Балдрику Одли, личному телохранителю леди Фьюры.

Вместе со своим отрядом его светлость объезжал вверенный ему для охраны участок Вала, как это делал регулярно единожды в месяц, и занимало это около недели. По окончании объезда отряд направился к замку Хартворд, и граф повелел остановиться на ночлег в деревне Диллин, в одном дне пути от Гриммельна. Сам граф со своим семейством расположился в таверне, единственном каменном здании, имевшемся в названной деревне.

Той ночью меня разбудили крики солдат, жителей и звон оружия. Глазам моим предстало страшное зрелище: между домами рыскали огромные черного цвета твари, в коих с трудом я признал волков, однако же, непривычного цвета и чрезмерно большой величины. Странных животных было очень много, не менее полусотни на первый взгляд; и удивительно это потому, что никто из местных жителей на всем пути следования отряда не упоминал ни о такой огромной стае, ни о появлении в округе черных волков вообще».

Бланка подняла голову.

– Я слышала об этой истории, – сказала она, – в ту ночь погибло много людей и дети графа. Обоих загрызли волки, одного нашли, а второй...

Внезапно глаза ее расширились и девушка, замолчав, немигающим взором стала смотреть на горящие свечи.

– О боги, – чуть слышно прошептала она, – буква «Э». Эдмунд.

– Леди... – Гуго осторожно тронул ее за плечо. – Что случилось?

Бланка вздрогнула.

– Ничего. Нет, ничего. Дальше. «Сам граф с мечом в руке, в окружении своих солдат бился со страшными тварями на деревенской площади; кое-кто из местных жителей, вооружившись топорами и вилами, помогал им по мере сил, однако я заметил на земле уже несколько недвижимых тел, разорванных ужасными челюстями.

И тут я увидел, что дверь таверны, в которой находились жена графа с детьми, приоткрыта, чего во время нападения не должно было быть. Схватив меч, я побежал через площадь; по дороге, услышав мои крики о помощи, ко мне присоединились Финн и Гербер. Наверху мы слышали ругательства и звон оружия. Обнажив мечи, мы поднялись по лестнице и подкрались к спальне. Оттуда лился свет; через полуоткрытую дверь мы увидели возле кровати бездыханное тело сиделки Ангерэт, а рядом лежал сир Балдрик, весь в крови. Леди Фьюры нигде не было видно.

Там слышались голоса четырех или пяти человек в черных масках, полностью закрывавших лица, однако их одежда указывала, что все они принадлежат к наемникам графа Хартворда. Один из них, стоя на коленях, копался в сундуке, набивая карманы золотом. Кто-то, кого не было видно, кричал ему, чтобы тот прекратил, произнеся при этом такие слова: «Тебе что же, не хватает того, что заплатил сир Рич?!»

Ухватив покрепче рукояти наших мечей, мы ворвались в комнату. Там действительно находилось пять человек, и двое из них держали в руках плетеные корзины, в которых лежали сыновья графа. Они не ожидали нападения; двоих из них, в том числе и того негодяя у сундука, мы убили сразу, но Руддик Гербер получил при этом тяжелое ранение в ногу и упал. Те двое с колыбельками на руках немедленно выпрыгнули в открытое окно, а последний бандит набросился на нас. Он был в полном боевом вооружении, и это давало ему большое преимущество; мы же сражались в исподнем, но Финн Делвин был хорошим воином, и при моей ничтожной помощи ему удалось заколоть мерзавца.

Все заняло времени не более, чем нужно, чтобы выпить кружку эля, после чего я и Финн бросились в погоню, выпрыгнув через то же окно. Позвать на помощь никого не удалось, так как окна спальни выходили в сторону леса, и не было времени бежать в деревню за подмогой. Судя по всему, один из наемников получил ранение, и вскоре мы почти настигли его; однако он то ли выронил, то ли просто отбросил в сторону колыбель и с обрыва прыгнул в реку. Ребенок, по счастью, оказался жив и здоров.

Сочтя, что нам гораздо важнее найти другого бандита, а не преследовать этого, мы, подхватив колыбель, продолжили поиски и очень скоро обнаружили второго мальчика. Увы, в ярком свете луны мы увидели, что все вокруг испещрено следами огромных волчьих лап, корзина валялась перевернутой, а растерзанное пополам тело младенца лежало рядом. Негодяя же, похитившего его, нигде не было видно.

Усевшись неподалеку, мы стали держать совет. Все было странно и непонятно в этой истории. Никто никогда не видывал таких страшных волков; при этом волки не съели несчастного мальчика, но только лишили его жизни. Складывалось представление, что это были разумные твари, призванные из-за Вала чьей-то злой волей, и все было сделано для того, чтобы создалось ощущение, что волки унесли и загрызли детей без человеческого вмешательства.

Страшны были слова, которые произнес тот негодяй. «Рич» – это не редкое имя, но людей, именующихся «сир Рич», конечно, намного меньше, и мы с Финном знали одного. В случае гибели графа Хартворда и его детей его брат Рич Беркли становился бы одним из наследников всех титулов и земель.

Мы поняли одно: выживший близнец, судя по вышивке на пеленках, это был Эдмунд, подвергавшийся страшной опасности. В живых оставались еще два негодяя, и оба они, как и убитые, входили в состав замковой стражи. Кто знает, сколько их еще, если из тридцати человек, сопровождавших его светлость, целых пятеро оказались предателями, и кто знает, что ждет ребенка в Хартворде.

Я принял трудное решение и, надеюсь, боги поддержат меня в нем. Нельзя было открыто везти Эдмунда в Хартвордский замок, и нельзя было рассказать о случившемся его отцу, ибо благородство сира Рутвена Беркли никогда не позволило бы ему поверить в голословные обвинения в адрес его брата Рича. Даже сейчас я по-прежнему не могу под присягой подтвердить, что бандиты говорили именно о графе Клейморе. Сир Рутвен только высмеял бы нас, не поверив ни слову, а Финна с Гербером еще и наказал бы за то, что они смеют клеветать на эорлина королевства, и обрек бы тем самым жизнь своего единственного сына большой угрозе.

Я принял очень тяжелое решение. Мы бросили рядом вторую колыбель и, разорвав, разбросали вокруг пеленки, предварительно испачкав их в крови. Спустя полчаса Финн привел мне лошадь; я взял Эдмунда и отправился в Хартворд, надеясь на то, что меня не хватятся, так

как все уже привыкли к моим частым и неожиданным исчезновениям. Финну же было велено избавиться от трупов в таверне, обставив дело так, как будто их утащили волки.

Финн рассказал мне потом, что граф Рутвен целую неделю искал своего пропавшего сына в лесах возле Гриммельна и впал в отчаяние, убедившись, что оба его отпрыска пали жертвой волков. Сами черные твари после той ночи стигнули без следа, еще раз подтвердив мои опасения относительно того, что без вмешательства темных сил здесь не обошлось.

Я же, терзаемый сомнениями, благополучно доставил ребенка в замок к одной знакомой женщине, а спустя некоторое время передал его на попечение Руддику Герберу. Последний, получив сильное повреждение сухожилий в ноге, уже не мог более продолжать военную службу и его определили на работу в кухню. О происшедшем я осведомил и сира Балдрика Одли, вскоре благополучно оправившегося от ран; кроме нас, только он один знал о нападении бандитов, и он полностью согласился с моими доводами. Всем интересовавшимся было сказано, что именно схватка с волками и явилась причиной их ранений, от которых они, по мере возможности, были излечены моими скромными стараниями.

Засим пребываю в надежде, что все сказанное разрешится, и в нужное время мы сможем без опасений предъявить миру законного сына и наследника графа Беркли. Поныне же, названный Джошем, он находится на воспитании у Руддика Гербера, что мы, нижеподписавшиеся, и свидетельствуем:

Миртен Алед, Маг круга Огня и Хранитель манускриптов графства Хартворд; сир Балдрик Одли, Финн Делвин и Руддик Гербер, солдаты на службе его светлости Рутвена Беркли, графа Хартворда».

Закончив читать, Бланка подняла глаза. Затем не торопясь встала и, не оборачиваясь, принялась аккуратно опрavlять на себе платье. Неспешно обошла кресло и присела в глубоком реверансе, склонив голову. Прядь темно-рыжих волос упала ей на лицо.

– Ваша светлость Эдмунд, лорд Беркли, граф Хартворд! Я, Бланка Оргин, дочь сира Равена Оргина, лорда Харлеха, отныне ваша верная слуга.

– Я... – Джош потрясенно уставился на ее затылок.

– Вы должны дать мне руку, милорд, – не поднимая головы, тихо сказала она.

Джош стоял истуканом. Бланка легко взяла его руку за кончики пальцев и, почти неуловимо прикоснувшись губами, поцеловала. Гуго, выпучив глаза, нащупал позади себя стенку и медленно сполз по ней на скамью.

* * *

– Миледи...

Бланка подняла вверх указательный палец и легонько им покачала.

– Сир, вы должны называть меня по имени.

– Но...

– Нет. Так положено. Иначе это будет неприлично. Я научу вас. Людей, равных вам по происхождению или по титулу, вы можете называть по имени или, если они вам родичи, по родственному, например, дядя, или брат. Всех, кто ниже вас по титулу, вы должны называть только по имени, но если это ваш родич, то можно и по-родственному, например, племянник. Тех, кто выше – по-родственному, если они вам родичи, или по титулу, но никак не по имени. Но ежели вы женитесь на какой-нибудь герцогине, то и ее сможете тогда по имени называть. А я вам не родственник и не равна вам по рождению.

– Но вы же зовете леди Алиенору по имени?

Бланка улыбнулась.

– Да, сир. Мы же росли вместе, мы – подруги. Но когда, например, мы находимся на торжественном приеме, я должна ее звать только «леди». На торжественных приемах вообще все называют друг друга только по титулам.

– Значит, друзья могут называть друг друга по имени, несмотря на титулы?

– Да. Но только в тесном кругу.

– То есть Гуго может называть меня Джошем?

– Эдмундом. Но это не мое дело, милорд.

– А вы?

– Нет, сир. Я же сказала – это неприлично.

Тяжко вздохнув, Джош кивнул. Эдмунд, хм.

– Я понял, миле... э-э, да... Бланка. Я чувствую себя не очень хорошо, когда вы говорите мне «сир» и «милорд». И совсем нехорошо, когда вы мне кланяетесь.

Девушка тихо рассмеялась, показав мелкие жемчужные зубки.

– Это пройдет. Со временем. Но я обещаю кланяться не очень часто.

Джош в ответ улыбнулся.

– Договорились. Бланка, а что такое Харлех?

Все трое сидели в кабинете-спальне в доме Финна; Джош с Бланкой за столом, разглядывая странную карту, обнаружившуюся во втором свитке из той шкатулки, а Гуго в углу комнаты. Забравшись с ногами на скамью, он, занятый собственными мыслями, время от времени отхлебывал вина из серебряного бокала. Алиенора спала глубоким сном; несмотря на то, что ее вызволили из подземелья всего как полночи назад, дыхание ее стало заметно ровнее. Время от времени Бланка подходила к постели и поправляла одеяла. Заботливо приподнимая своей подруге голову, она из чайной ложки вливала ей в рот воды.

– Харлех? Это фамильное владение и одновременно большое место моего отца. Харлех есть, и его нет.

– Как так?

– Большинство людей думает, что Гриммельнский Вал построили очень давно. В общем, это правда, хотя и не так давно, как обычно представляют. От Кайрфилли на западе до Денбаха на востоке его возвели чуть более ста лет назад. Разве Миртен не давал вам читать книги об этом? Он же учил вас грамоте.

– Нет. – Джош покачал головой. – Я читал много книг по истории, военному делу и, как это ни смешно, по поварскому искусству и медицине, но очень мало о Вале. Миртен как будто прятал их, все обещая, что придет время, и он пустит меня в библиотеку.

– По медицине? – Бланка приподняла одну бровь. – Очень забавно. Расскажите что-нибудь.

– Ну... не знаю. Вот, например, леди Алиенора...

– Ваша сестра.

– Да... – Джош на секунду смешался. Искося и быстро глянув в сторону кровати, он вздохнул и продолжил. – Она, например, очень бледна. Чтобы придать лицу румянец, надо взять корень переступня, очистить его, мелко нарубить и высушить. Затем измельчить в порошок, намочить в розовой воде и осторожно нанести на лицо с помощью тонкой хлопковой или шелковой ткани. Так румянец получается очень естественный. Вот.

Бланка хмыкнула.

– Интересно. Похоже, Миртен готовил вас к себе в помощники. Хотя, я думаю, именно этот рецепт к нашему случаю не очень подходит. И часто вы практиковались?

– Никогда. – Джош улыбнулся. – Но все же – что там с Харлехом?

– Ах, да. Харлех. Так вот: Вал построили, но, то ли оттого, что построили второпях, то ли по другим причинам, время от времени в разных местах там образуются разломы. Мой дед Лан Оргин имел свой феодал в месте, которое примыкает к Валу, это где-то в двадцати-двадцати

пяти лигах к юго-западу от Хартворда. Он владел маленьким старым замком, по сути, только из одной или двух башен, и деревней Харлех. Род у нас очень древний, мы ведем его от одного из младших сыновей Айоверта Бринмора, железного короля.

И, около пятидесяти лет назад, однажды ночью по неведомой причине эта часть Вала рухнула, и что-то напозло на Харлех. Мой отец был тогда совсем маленьким, и он рассказывал мне о каком-то тумане, который напозл на деревню. Потом из тумана появились *тени*, которые пили людей. Никаких страшных зверей, вроде тех волков, которых можно убить, никаких дхаргов, просто чернота. Люди падали мертвыми и их выпивали. За ту ночь мой дед лишился почти всех своих людей; половина деревни, конечно, сбежала, а он со своими латниками пытался противостоять этому кошмару, но безуспешно. Резать и колоть было некого. К утру туман уполз, но Харлех оказался отравленным. Земля стала похожа на пепел, липкий и черный, деревня имела такой вид, как будто бы ее сожгли дотла, а первые несколько человек, которые ступили на черную землю, сошли с ума. Двое выхватили мечи и с ревом набросились на своих же товарищей; говорят, из их глазниц текла кровь. Их пришлось убить. А еще несколько с криками убежали за Вал. Мой дед, как рассказывают, сам потом со слезами на глазах руководил постройкой укреплений в этом месте. Их линию сдвинули далеко на север, а сам Вал в этом месте сделал большой крюк, захватив и деревню, и замок. Так что теперь владение моих предков находится за ним. Харлех есть, и его нет. Лан Оргин прожил после этого еще два месяца, пытаясь восстановить поселение рядом с тем местом, но у него ничего не получилось. Жители не вернулись, а вскоре разбежались и солдаты. Наверное, дед пытался сам разведать, что там осталось от его замка, потому что он тоже умер неожиданно и в страшных мучениях, и из его глаз тоже текла кровь. Моего маленького отца приютили в семействе Риэннон, которому тогда принадлежал Хартворд; Оргины являются вассалами Хартворда. С тех пор мы и живем здесь.

– Я вам сочувствую. – Джош удрученно качнул головой. – Наверное, тяжело вот так лишиться своего единственного дома.

Девушка пожала плечами.

– Не знаю. Меня еще тогда на свете не было. Кроме того, милорд, если говорить откровенно, то у меня не вызывают каких-то особых чувств рассказы о маленьком старом замке среди болот, где я, наверное, провела бы полжизни в ожидании, когда совсем небогатую наследницу Харлеха отдадут хоть за кого-нибудь замуж. А из развлечений – только крестьяне, бухающиеся на колени при виде леди Бланки. Это, как вы понимаете, не предел мечтаний. Хартворд, по крайней мере, похож на город и, кроме того, у меня здесь есть подруга.

– И о чем же вы мечтаете?

– О, нет! – Бланка рассмеялась. – Вы – мой лорд, и можете приказать мне прислуживать вам, но вы не можете заставить бедную девушку рассказывать о своих желаниях.

– О, боги, – смутился Джош, – я вовсе не хотел...

– Не стоит, сир. Но почему вы вспомнили о Харлехе?

– По двум причинам. Во-первых, вы назвали себя дочерью лорда Харлеха, а это название я раньше никогда не слышал, а во-вторых, – Джош в очередной раз развернул свиток с непонятной картой, который они достали из ларца, и ткнул в него пальцем, – во-вторых, мы уже час рассматриваем эту карту, на которой нам ничего не знакомо. Что это за графство такое – Глом? Или герцогство Эрвен? Здесь какие-то города, какие-то замки, реки с лесами, но это не королевство Корнваллис.

– И что же это?

– Смотрите сюда. – Джош подчеркнул ногтем крошечную точку в углу карты. – Здесь написано – Харлех. Замок, а рядом деревня.

– Ох... – Бланка прикрыла рот ладонью. – Это...

– Именно. Я думаю, что это карта земель за Валом. Старая карта, составленная тогда, когда Вал еще не построили.

– Но зачем Финну класть ее сюда, рядом с письмом Миртена?

– Не знаю. По всей видимости, мне придется это выяснить.

– Милорд, – Бланка поднялась со скамьи, – у меня такое ощущение, что вы никогда не жили на кухне.

– Жил. – Джош невесело улыбнулся. – Честно говоря, миледи, я чувствую себя как будто потерявшимся. Все так непонятно и... и...

– И неожиданно, – закончила за него Бланка. – Для меня не меньше, чем для вас. Но теперь, сир, если вам будет удобно выбрать другую комнату, я бы не отказалась немного поспать. До рассвета всего пара часов. Я могла бы лечь с леди Алиенорой.

– Конечно. – Молодой человек вскочил на ноги. – Мы с Гуго пойдем в гостиную.

Бланка, подобрав юбки, вновь присела в реверансе.

– Спокойной ночи, ваша светлость. И я... я очень рада нашему знакомству.

– Спокойной ночи, миле... э-э... Бланка, – сказал Джош, чуть замявшись. И на мгновение ему показалось, что по губам девушки пробежала легкая улыбка.

Юноша растормошил Гуго, который к этому времени уже спал, скорчившись на скамье. Зевая, он поплелся вслед за своим другом, бормоча что-то о людях, которые и сами не спят, и другим не дают, но, как только дверь за ними закрылась, он решительно уселся за стол.

– Джош, – начал он, пожевывая нижнюю губу, – а мне как прикажете вас называть? Милорд? Ваша светлость? А может, ваше высочество?

– Дурак, – сказал Джош, укладываясь на скамейку, – ты же друг мне, разве нет? Вот сам и решай.

Гуго облегченно перевел дух.

– Хорошо. Уж что-нибудь решу. Кстати: а Буллит, я так понимаю, это один из тех гадов, что украли твоего братца. Надо бы узнать, сколько времени он служит в Хартворде и вообще когда тут появился. Наверняка незадолго до твоего рождения.

– Я тоже так думаю. – Джош уселся. – И вот еще что... Гуго, судя по всему, я очень опасный друг. И ты, вообще-то, не должен...

Гуго громко фыркнул в темноту.

– Чушь собачья. Неужели ты думаешь, что я всю жизнь мечтал провести на кухне в компании с мастером Гербером? Мыть посуду и таскать ящики? Нет уж. Это мой шанс. И будь я проклят, если им не воспользуюсь, даже и не вздумай меня отговаривать. Ура, мир зовет. Ну все, спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

– Джош! – полминуты спустя раздался в темноте голос Гуго.

– Что?

– Я тут подумал... бедная Жозефина. Ей надо было еще годик назад тебя захомутать. Вот ей был бы сейчас сюрприз...

Джош покачал головой и, не отвечая, повернулся лицом к стене.

Глава 10. Новые подданные

– Ох, что в замке творится... – Гуго, втиснувшись в полуоткрытую дверь, бросил на стол мешок. Немного отоспавшись, после полудня он отправился на кухню, чтобы раздобыть еды, и только сейчас вернулся; пошарив в котомке, он достал оттуда пару каких-то склянок. – Леди Бланка, я тут принес кое-какие мази для госпожи. У Гербера выпросил, сказал, ногу сильно поранил, он говорит, от ушибов и порезов это помогает.

– Спасибо, Гуго. А что в замке? Они обнаружили?..

– Да. Похоже, уже несколько часов как выяснили, что леди Алиеноры внизу нет. Может, я и выдумываю, но мне показалось, что мастер Гербер как-то слишком пристально на меня смотрел, но спрашивать ни о чем не стал. Эти мази он мне из своих комнат принес, сказал, сам Миртен готовил. Говорит, чудодейственные, кому угодно помогут. И микстура еще – сказал, мертвого с постели подымет. Говорит, а сам мне в глаза так внимательно заглядывает. Не удивлюсь, если он догадывается, для кого они – иначе с чего бы ему их мне давать?

– Даже если и догадывается...

– ...и вот еще, – перебил Гуго, – насчет микстуры. Говорит, это снадобье память слегка того, как там он сказал... отшибает. Даже и не знаю, надо ли?

Задумавшись на мгновение, Бланка решительно кивнула.

– Надо. Точно надо. Я попробую ей дать это сейчас же, пока она не проснулась. Какие еще новости?

– Ох, не знаю, что будет, но, кажется, надо срочно что-то придумывать. Наемники по всему замку шарят, народ ничего не понимает, кого ищут, у ворот тюрьмы – никого, просто замок висит, а Дрого, говорят, утром слюной брызгал. Тех двоих, что подземелье охраняли, куда-то в донжон повели. Думаю, Дрого их сейчас пытается, что, да как.

– О, боги мои, – девушка с удрученным видом села на скамью, – что будет, что будет... Удивительно, что они еще по городу ее не разыскивают. Нам надолго здесь не спрятаться.

– Это я, миле... Бланка, – произнес Джош, по обыкновению слегка запнувшись, – я вчера ночью, когда вы из тюрьмы ушли, завалил люк, а потом открыл вашими ключами вторую дверь, ту, что в красную комнату ведет. Так что они, судя по всему, подземелье обшарили, обнаружили люк наверху – на это большого ума не надо, завал разобрали и попали в те покои. Я ту дверь специально оставил незапертой. Поэтому и подумали, что Алиенору где-то внутри замка прячут. Но вы правы – это ненадолго. Вернется Рич Беркли и устроит обыск по всему Хартворду. Ни одна мышь не спрячется.

– И что же делать?! Нам же надо как-то ее из города вывезти. И чем скорее, тем лучше. А она спит, и я не знаю, когда очнется. Ее там сильно замучили. И как ее везти и куда, тоже не представляю. Может, к Пемброку Ллевеллину? Это ваш...

– Я знаю, – кивнул Джош, – я же говорил, я читал книжки по генеалогии. Это дядя графа Рутвена Беркли, то есть дед леди Алиеноры.

– И ваш, милорд.

– Да. Так выходит, что и мой. Извините, но это как-то... ненормально.

Гуго фыркнул.

– Да уж. Может, мастеру Герберу сказать?

– Возможно. Не знаю. – Джош поднялся с кресла. – Вот что – я иду к сиру Балдрику. Он должен помочь.

– Но он же дал слово Ричу... – Бланка испуганно замотала головой. – Не нужно, ваша светлость.

– Нет. Бланка, вы не правы. – Джош решительно принялся натягивать куртку. – Сир Балдрик дал слово – ну и что? Что ему оставалось делать? Если бы он отказался, то его посадили

бы под замок, как и сира Равена. И это не присяга, а всего лишь обещание выполнять приказы. И сегодня, кстати, мы знаем кое-что такое, что вчера и не предполагали: если бы Балдрик действительно захотел бы выслужиться перед графом Клеймором, то ему это сделать проще простого: взять меня за шиворот и привести к нему. Он ведь знает, кто я, не так ли? Так что, миледи, это не тот человек, которого нам надо опасаться.

Бланка наморщила лоб, ращдумывая.

– Пусть будет так. Но, наверное, Гуго следует пойти с вами.

– Нет. Балдрик может не захотеть говорить при незнакомом человеке.

– Хорошо. Только прошу вас – осторожнее. – Бланка подошла к Джошу и легко дотронулась рукой до его лба. – У вас корни волос светлые. Все-таки вы не очень хорошо покрасили себе голову. Мы это исправим.

Джош слабо улыбнулся.

– Я постараюсь.

Кивнув на прощанье, он выглянул за дверь и, убедившись, что поблизости никого нет, вынырнул в проулок между домами.

Город уже заканчивал дневную работу. Пробираясь по узким улочкам, Джош с удовольствием вдыхал знакомые запахи свежеспеченного хлеба, сыромятной кожи и слегка кислого духа, несшегося из открытых дверей кабаков (несколько дней вынужденного затворничества только добавили остроты ощущений), отмечал про себя привычные картины и звуки: девушки, спешащие к колодцу с кувшинами; скрип качающихся ставней, за которыми скорняжных дел мастер гневно отчитывал своего ученика; целая толпа рабочих с лопатами, топорами и молотами, направляющаяся по домам; собаки, лошади, повозки и бесконечная ругань возчиков, ударами хлыстов отгоняющих от своего скарба попрошаек. Из соседнего дома вышел сапожник и разместился со своей дратвой прямо на улице – здесь было пока светлее, чем внутри; в десяти шагах от него, не обращая никакого внимания на прохожих, усердно стучал своим молотом кузнец, стараясь закончить какую-то вещицу до захода солнца; крики зазывал, соленные шуточки и женский смех – все эти звуки висели над Хартвордом неумолчным гомоном.

В очередной раз остановившись, чтобы пропустить груженую мешками телегу, Джош застыл, пораженный внезапно мелькнувшей мыслью: это все его. Он, Джош, вернее, Эдмунд – он есть лорд Беркли, граф и властитель этого города. Странное и неопределенное ощущение: он знал это, но не чувствовал. Удивительно, только и подумал он, как его внимание привлекло нечто не особенно привычное для этого места: эшафот не пустовал. Там между двумя столбами за руки растянули голого до пояса человека, а двое наемников, которых Джош никогда раньше не видел – по всей видимости, из клейморских, – по очереди стегали его по спине длинными кожаными плетями. Тот уже потерял сознание; его тело безвольно висело на цепях, а полусогнутые ноги волочились по деревянному помосту. Наверное, подумал Джош, это один из тюремных охранников, которого сделали козлом отпущения за исчезновение Алиеноры.

Чуть поодаль в окружении стражников стоял, покусывая себе ногти и наблюдая за экзекуцией, сам Дрого, граф Марч. Остановившись за углом ближайшего дома, Джош принялся его разглядывать. Негодяй и мучитель Алиеноры. На первый взгляд обычен и мало примечателен: невысокого роста парнишка лет тринадцати, чернявый, со смуглой кожей и пронзительными темными глазами. Наверное, именно глаза и обращали на себя особое внимание; глаза и маленький краснотубый рот, кривившийся в нервной ухмылке.

Народа вокруг эшафота топталось на удивление мало: несколько бездельников, стайка мальчишек, шумно радовавшихся каждому удару, да чей-то домашний учитель с маленьким ребенком – это зрелище всегда считалось назидательным. Все прочие обходили это место по краю площади, спеша по делам и лишь искоса поглядывая в ту сторону.

Замковые ворота были заперты и хорошо охранялись: вместо обычных двух стражников сейчас там стояли четверо; по всей видимости, Дрого пока не пришло в голову, что его плен-

ницу могли каким-то образом вывести за пределы замка. Но только пока. Рич Беркли, когда он вернется, совершенно определенно об этом догадается; времени оставалось немного. Развернувшись и решив обойти Замковую площадь стороной, Джош поспешил к южным воротам: там высилась старая башня с караульной, в которой сейчас и располагался сир Балдрик Одли со своими солдатами.

На его счастье у входа стоял, лениво опираясь на длинную алебарду, незнакомый Джошу наемник; молодой человек, подходя к башне, уже сломал себе всю голову, стараясь придумать удобоваримую причину своего превращения в брюнета, на тот случай, если там окажется кто-то из знавших его солдат. Сказав, что у него есть срочное сообщение для начальника стражи от мастера Гербера, он был беспрепятственно допущен внутрь.

Поднимаясь по крутой каменной лестнице, Джош пытался представить себе возможный ход беседы, но, так и не сообразив ничего путного, во всем положился на случай и толкнул дверь.

Сир Балдрик с хмурым видом сидел за столом. Это был крепко сбитый мужчина лет около сорока, с обветренным лицом и коротко подстриженными волосами; длинные усы свешивались по обе стороны рта. Небольшая с низким потолком комната, в которой он находился, судя по виду, давно была необитаема: слой золы закаменел в погасшем камине, а пустые полки покрывал толстый слой пыли. На столе валялись какие-то пожелтевшие свитки, придавленные сверху железными перчатками и небрежно брошенным поясным ремнем с ножнами; сам меч начальник стражи держал в руках, полируя его мягкой замшей.

– Джош?! – Сир Балдрик изумленно уставился на вошедшего. – Что ты здесь делаешь? Что у тебя с волосами?

– Добрый день, сир. Я... я хотел бы получить совет.

– Совет? – Балдрик фыркнул. – Любому человеку я сейчас готов дать только один совет – убираться как можно скорее из этого городишки. Что у тебя случилось? Тебя прислал Руддик Гербер?

Вместо ответа Джош подошел к столу и положил перед ним золотой медальон с вепрем. Глянув на него, Балдрик поднял голову и тяжелым взглядом уставился на юношу.

– Что это?

– Вы не знаете, сир?

Начальник стражи покачал головой.

– Нет. Откуда он у тебя?

– Нашел. И думаю теперь, что мне с этим делать. Я спрашивал совета у мастера Гербера, у Миртена и у Финна, торговца с рыночной площади. Они послали меня к вам.

– Вот как. Значит... значит, ты знаешь.

Джош промолчал. Балдрик поднялся из-за стола, прошел к входной двери и, плотно ее прикрыв, опустил железный засов. Все так же не спеша он вернулся к столу, аккуратно завязал ворот рубахи и подпоясался ремнем. Взяв обеими руками меч, он опустился на колени.

– Сир Эдмунд, лорд Беркли, граф Хартворд! Я, Балдрик Одли, рыцарь, сын Гарена Одли, предлагаю тебе свой меч и свою службу так же, как служил я и все мои предки до четвертого колена твоим предкам.

Балдрик наклонил голову и вытянул вперед руки. Клинок тускло блеснул.

– Что я должен сделать, сир?

– Возьми его, если согласен, и верни обратно. Если не согласен, откажись.

Джош взял меч.

– Сир Балдрик Одли! Я... – Молодой человек на долю мгновения запнулся. – Я, Эдмунд Беркли, граф Хартворд, принимаю твою службу. Возьми свой меч и... пусть он служит нам так же верно, как служил нашему отцу.

Взяв клинок, сир Балдрик вновь склонил голову.

– Я, Балдрик Одли, отныне ваш верный слуга.

Начальник стражи поднялся с колен и вложил меч в ножны.

– Для вас, милорд, начинается новая жизнь, и эта жизнь гораздо тяжелее, чем та, которую вы вели до сих пор.

– Я должен кое-что рассказать вам, сир.

– Не сейчас. Это еще не все. Прошу тебя подождать здесь. Это недолго.

Джош пожал плечами. Балдрик направился в дальний конец комнаты к обнаружившейся там маленькой дверце, которую юноша сразу не заметил, и вышел. Спустя всего четверть часа он появился вновь, но уже под руку со своим сыном. Томас несколько напряженно глянул на Джоша.

– Томас! – Рыцарь положил руку ему на плечо. – Я говорил тебе о том, что этот день когда-нибудь настанет. Время пришло.

– Джош?! – воззрившись на него, изумился Томас.

Сир Балдрик еле заметно качнул головой.

– Его светлость Эдмунд Беркли. Делай то, что должен.

Томас уставился на отца наморщив лоб.

– Томас, – устало повторил Балдрик, – это не шутка.

– Я... да, хорошо.

Томас приблизился к Джошу и неловко опустил на одно колено, так же, как его отец, протянув вперед свой меч.

– Сир Эдмунд, лорд Беркли, граф Хартворд! Я, Томас Одли, сын Балдрика Одли, рыцаря, предлагаю тебе свой меч и свою службу так же, как служит отец мой, сир Балдрик, и как служили мои предки твоим предкам.

– Я принимаю твою службу, мастер Томас.

Взяв меч и засовывая его в ножны, Томас неуверенно посмотрел сначала на отца, потом на своего нового сеньора.

– Сир... Отец... О боги мои, Джош, я так рад, что это оказался ты!

– Томас... – сквозь зубы гневно процедил начальник стражи.

Джош поднял вверх руку.

– Не стоит, сир Балдрик. Я тоже очень рад, Том. У меня, оказывается, больше друзей, чем я думал.

С широкой улыбкой на лице Томас поклонился.

– Сын мой, – рыцарь, удовлетворенно кивнув, повернулся к Джошу, – с вашего позволения, милорд. Иди вниз и готовься. Ты знаешь, что делать.

– Сир. – Томас слегка поклонился. – Отец.

И выбежал из комнаты, на ходу удивленно покачивая головой.

* * *

Спустя полчаса Балдрик тяжело поднялся с кресла и принялся мерить шагами свой кабинет.

– Я согласен с тобой... сир Эдмунд. Не со всем, что ты сказал, но со многим. Только одно: я не думаю, что жизни леди Алиеноры угрожает какая-то серьезная опасность.

– Но...

– Выслушай меня. Граф Дрого далеко не всегда может держать себя в руках, но то, что он сделал, он сделал явно без ведома своего отца. Рич Беркли очень жесткий и беспринципный политик, но он никогда не пойдет на преступление, если не будет уверен в том, что это принесет ему какую-либо выгоду. Смерть Алиеноры не в его интересах. Сир Рутвен мертв... к сожалению, это факт. На днях из Лонхенбурга прилетел еще один голубь с письмом от Бедвиса –

это наш доверенный человек. Его обвинили в заговоре против короля и приговорили к смерти судом эорлинов, хотя эорлинов-то в столице на тот момент было всего три-четыре человека. И Рич на том суде не присутствовал, и я очень сомневаюсь, что он хотел смерти своего брата.

– Но я так понимаю, это именно он рассказал королю о мнимом заговоре?

– Может быть, и он. Даже, скорее всего, он. Но... это сложно объяснить, милорд. Я постараюсь, хотя то, что я сейчас скажу, это всего лишь домыслы. Мои и сира Равена.

Балдрик вздохнул, собираясь с мыслями.

– Я начну с другого конца. Я думаю, что Рич нашел Алиеноре жениха.

– Себя?! – брови Джоша потрясенно взметнулись вверх.

– Нет. Он же женат, хотя супругу его уже давно никто не видел. Говорят, он держит ее взаперти. Но даже если бы он и был свободен, брак с твоей сестрой лично ему ничего не даст. У него же уже есть старший наследник – Дрого, которому и достанутся и титулы, и земли.

– Дрого?!

– Да. Рич таким образом убьет сразу двух зайцев: во-первых, он объединит в своих руках все владения семьи Беркли. Ты знаешь, что у тебя есть еще один дядя?

– Да. – Джош кивнул. – Камбер, герцог Беркли.

– Именно. Но он полностью и неизлечимо сумасшедший, детей у него нет, и он может умереть в любой момент. А если нет, то ему помогут. Таким образом, герцог Камбер умирает, а сира Рутвена требуется просто устранить. Не обязательно доводя дело до казни – его вполне могли просто лишить титулов и владений, отправив в тюрьму навечно. Сир Рутвен не принадлежит к Первородным, и закон это допускает. Так что его смерть – это дело рук самого Роберта Даннидира, а еще вероятнее – его отца, герцога Оуэна Эмли. Этот прокаженный старик всем заправляет в Лонхенбурге. Говорят, он сидит в своем замке безвылазно, никого не видит и никого не принимает, но я этому не верю. Иначе каким бы манером он оказался в столице за неделю до коронации?

Балдрик выглянул за дверь и, крикнув кому-то принести кувшин вина и пару бокалов, вернулся за стол.

– Так что Ричу вовсе не требовалось добиваться смерти твоего отца. Его казнь, я бы даже сказал, твоему дядюшке только повредила: теперь все королевство знает, что этот хромой не только наушничал королю, но и отправил своего родного брата на эшафот. Его ближайшие родичи – и Олан Хантли, и граф Гленгорм теперь ему руки не подадут. За других не скажу.

В дверь постучали. Взяв из рук солдата кувшин и бокалы, Балдрик неторопливо разлил вино и, сделав изрядный глоток, продолжил.

– И, наконец, второе. Главное. О твоём существовании не знают. Рич Беркли по-прежнему ищет пропавшего сына графа Хартворда, но, судя по всему, он и сам уже не верит в то, что ты смог выжить, иначе бы не затеял всю эту историю. Он думает, что леди Алиенора – единственная наследница графства Хартворд. И более того... – Балдрик подался через стол и понизил голос. – Она старшая в порядке наследования престола королевства Корнваллис. Не считая тебя, понятно.

Джош с оторопью посмотрел на своего собеседника.

– Как же так? А Роберт III?

– В этом и суть. Многие убеждены, что у семейства Беркли права на корону возникли раньше, а Роберт – просто узурпатор, пешка в руках своего папаша. Женив своего сына Дрого на твоей сестре, граф Клеймор получает право начать борьбу за трон. А если у них родится сын... – Балдрик вздохнул и закончил: – Так что для Рича Беркли жизнь леди Алиеноры – это главный козырь, самая большая ценность. Без нее он умрет просто графом в своем мелком графстве.

– Но Дрого...

– Дрого – дурак. И он либо не понимает сути происходящего, либо его отец не посчитал нужным его просветить. А вернее – и то, и другое. Наверняка сир Рич даже не рассказал ему о своих планах относительно Алиеноры. Насколько я знаю графа Клеймора, этот человек привык все решать сам, и своими мыслями и планами ни с кем не делится. Если бы Дрого знал имя своей невесты, даже его куцых мозгов вполне хватило бы на то, чтобы понять, что с леди Алиенорой нельзя так обращаться.

Джош упрямо положил руки на стол.

– Я не отдам ее Ричу. Ни Ричу, ни Дрого. Вы бы видели ее, когда мы вынесли ее из подземелья...

Балдрик кивнул.

– Понимаю. Может быть, ты и прав. Хотя на моей памяти девушек отдавали замуж за куда худших женихов. А Дрого – он знатен и богат, королевских кровей, хотя и по младшей линии... Нет, нет, – Балдрик поднял руку, заметив, что Джош открыл рот, готовясь ему гневно возразить, – это ваше решение, милорд. В любом случае, с появлением Эдмунда Беркли Рич теряет права опекуна. Только вы имеете право распоряжаться рукой вашей сестры. И именно поэтому вы представляете для его планов смертельную опасность. И что еще хуже – пока мы ничего не можем ему противопоставить.

– Можем, и противопоставим. Мы уже вырвали из его рук Алиенору. И я намерен вывезти ее из Хартворда.

– Куда?

– Пока не решил. Быть может, к герцогу Ллевеллину? Этот-то совет мне и нужен.

– Это ваше решение, милорд? Увезти ее?

– Да. И надеюсь на вашу помощь.

Балдрик Одли задумчиво пожевал усы.

– Хорошо. Возможно, и к Ллевеллину, хотя это довольно далеко. Я должен подумать, куда лучше и как. Но, в любом случае, сейчас вы должны перевезти ее из замка, а лучше всего, сюда. Здесь я могу беспрепятственно вывести вас из города. И это надо будет сделать сегодня, поскольку завтра уже возвращается граф Клеймор. А когда он вернется и узнает о пропаже Алиеноры, – рыцарь покачал головой, – боюсь, ни одна мышь из Хартворда не выскочит.

Джош поднялся из-за стола. Балдрик встал вслед за ним.

– Сир Эдмунд... береги себя, мой мальчик. Теперь ты не просто Джош из кухни, теперь у тебя есть семья... и подданные, – и, помолчав мгновение, вздохнул, – а также враги. Слишком могущественные для одного человека.

– Да, сир. Спасибо. – Джош крепко пожал протянутую руку и, задумавшись на мгновение, озорно улыбнулся. – Раз, два... целых восемь подданных. Но это значительно больше, чем три дня назад.

Балдрик Одли хмыкнул.

– Пожалуй. У меня вовсе нет. Удачи, и я жду от вас известий. Поторопитесь, милорд – солнце уже заходит.

Джош кивнул и вышел за дверь.

Глава 11. Бланка

Алиенора всхлипнула. Полулежа на подушках, она отламывала крошечные кусочки от свежей булки и отправляла их в рот. На ее щеках еще виднелись почти высохшие бороздки слез. Бланка, сидя на кровати напротив нее, потрясенно смотрела на свою подругу.

– О, боги... Как же это может быть?! Дроги... – Она вскочила на ноги и, подхватив юбки, принялась мерить шагами комнату. – Да как же такое может быть?! Он же твой кузен! Он же... он же... какой мерзавец... Гаденыш...

– Бланка, Бланка, тише...

– Да как тише?! – Еще больше разъярившись, чуть ли не крикнула она. – Какой урод... Надо рассказать обо всем Эдмунду! Он убьет его. Мы убьем его, мы его четвертуем,отрежем ему его поганый...

– Бланка, успокойся, прошу тебя. – Алиенора задумалась, наморщив лоб. Под ее глазами пролегли глубокие тени. – Не знаю отчего, но сейчас мне уже кажется, что мне все это словно... привиделось, что ли. Как сон. Старый такой сон. Кажется, все помню, но... не знаю. Если б не слабость и синяки... – Она невесело хмыкнула, одновременно пожав плечами. – Но уж даже не болит ничего. Может, я просто с лестницы упала, головой ударилась и понавыдумывала невесть чего? Лучше расскажи мне о нем.

– О ком? – Бланка пыхтела, пытаясь взять себя в руки.

– Об Эдмунде. Ты же знаешь: я всегда была уверена, что у меня есть брат.

Буря, бушевавшая внутри Бланки, неожиданно стихла. Вздохнув, девушка ненадолго замолчала.

– Он... он похож на твоего отца. У него такие же, как у тебя, изумрудные глаза. Он умный. И он... красивый. И волосы, как у тебя. Правда, сейчас они темные, но вообще-то они русые... и... и... вот.

Ее голос беспомощно затих. Алиенора с изумлением глянула на свою подругу.

– Я никогда не слышала, чтобы ты говорила о каком-нибудь мужчине... таким голосом. Бланка закусила губу, слегка покраснев.

– Да, наверное. Ты, когда его увидишь, поймешь. С ним так... надежно. Тебе очень повезло.

Они замолчали, взявшись за руки и задумавшись каждая о своем.

Дверь легонько скрипнула и открылась. На пороге стоял Джош.

– Леди... – сказал он, обводя взглядом застывшие в полумраке девичьи фигуры. И медленно приблизился к кровати. Не шевелясь, Алиенора смотрела на него все шире и шире расширяющимися глазами, превратившимися в бездонные зеленые озера.

– О... – прошептала она, – это ты. Ты правда похож...

Ее подбородок задрожал.

– Я знала, я всегда знала, что у меня есть брат, никто не верил, а я знала, что ты придешь... Эдмунд, Эдмунд, они... они убили нашего отца...

Она всхлипнула, закрыв лицо руками. Джош нерешительно присел на край кровати.

Бланка еле слышно кашлянула.

– Миледи... сир. Я, с вашего позволения, возьму немного денег и схожу в торговые ряды, пока они не закрылись, попробую купить платье для вашей сестры.

Постояв немного и не дождавшись ответа, она на цыпочках подошла к двери. Там украдкой обернулась и, со странным чувством оглянувшись, выскользнула из спальни.

* * *

Спустя примерно час она вернулась в дом Финна, прикупив не бросающееся в глаза коричневое домотканое платье, накидку с капюшоном, хлопчатые чулки и пару крепких туфель. Вернулась бы намного быстрее, если бы не бурные и противоречивые мысли, внезапно наполнившие ее голову; потратив с полчаса на покупки, все остальное время Бланка бесцельно слонялась по Замковой улице и сидела на каменной скамье возле городского колодца, в полном расстройстве пытаясь понять, что с ней происходит.

Все трое находились в одной комнате: Алиенора, закутанная в простыню, по-прежнему на кровати, а Джош с Гуго рядом на скамье. В комнате горели несколько свечей; при их тусклом свете молодые люди вели негромкую беседу, от души забавляясь шуточкам, которые время от времени отпускал Гуго, рассказывая о событиях последних дней. Алиенора даже улыбалась – судя по всему, микстура мастера Миртена действительно оказалась просто волшебной. Держа в руке бокал с вином, она без устали разглядывала своих новых друзей, переводя взгляд с одного на другого. На Гуго смотрела с любопытством и немного смешливо, а на Эдмунда – подолгу и почти с обожанием; глаза ее сияли.

Бланка положила покупки на кровать и, сказавшись, что ей самой не мешало бы переодеться – ее нынешний наряд слишком бросается в глаза, а прочая одежда в опочивальне в замке, – попрощалась, пообещав вернуться до темноты, пока калитку в воротах не закрыли.

В закатных сумерках она тайком прокралась по темным коридорам палат в свою комнату, наспех выбрала платье покрепче и попроще, неприметного цвета, напихала в котомку еще кое-какие вещи и, потоптавшись на месте, направилась к покоям Алиеноры. Плотно прикрыла за собой дверь, зажгла пару свечей, поставила их на пол перед огромным и единственным в замке зеркалом и, нервно путаясь в многочисленных завязках, сбросила с себя одежду. Вытащила то домотканое платье, встряхнула его, расправляя, и... замерла, разглядывая свое отражение.

Она, кажется, красива. Наверное, красива. Совсем не так, как Алиенора, а по-другому. Беркли – те вели свой род с севера. Когда-то Хартворд принадлежал семейству Риэннон, единственной дочерью и наследницей которого стала Фьора Риэннон, супруга графа Рутвена, а после ее смерти к нему перешли и титул, и сам замок со всеми прилежавшими владениями. Этот суровый северный лорд, искренне оплакивавший потерю любимой супруги, вместе с маленькой дочерью остался здесь навсегда, предпочтя Хартвордский замок своим далеким и холодным землям.

А Бланка – она была истой южанкой. Всего на полгода старше своей подруги, но, если еще и не вполне взрослая женщина, то уже совсем не подросток. С такой фигурой, при взгляде на которую – с недавнего времени она стала это замечать – мужчины оборачивались и с тайным желанием смотрели ей вслед. Ей, а не Алиеноре. На дочь графа смотрели с восхищением и почтением, а Бланке доставались совсем другие взгляды.

О, эти взгляды. Не далее, как позавчера днем Бланка отправилась в общественную купальню, находившуюся на другом конце города – туда почти наверняка не ходили люди, которые могли бы узнать ее в лицо, а уж тем более без пышных платьев и прически. Отправилась сразу после своего первого визита в дом торговца Финна. Гуго был просто хороший парень, а вот при взгляде на его товарища ей почему-то вдруг подумалось о своей немой шевелюре и мятом платье. В то мгновение Бланка даже слегка разозлилась на саму себя – ведь это просто поваренок, какое ей до него дело! – и, продолжая сердиться все больше и больше, потопала через весь Хартворд.

А он... он, кажется, никак на нее не смотрел.

В самом замке в подвале донжона имелась своя ванная в виде огромного, почти до груди высотой чана, предназначенная для самого графа, членов его семьи, а также знатных гостей и высших чинов. Воду там грели при помощи раскаленных докрасна валунов, сверху которых устанавливалась деревянная решетка; затем туда бросали разные ароматические травы. По вечерам по заведенному порядку сначала здесь купался глава семьи, затем леди Алиенора,

почти всегда на пару со своей подругой, а уж потом все прочие в соответствии с иерархией, вплоть до того момента, когда вода становилась уже непригодной для омовения.

На мужское внимание, если оно и было, Бланка с Алиенорой, с молодых лет привыкшие к прислуге, не обращали никакого внимания. По крайней мере, до определенного возраста. Во всяком случае, ни флейтист, который услаждал их слух чудесными мелодиями, ни мальчишка, время от времени бросавший в воду новые горячие камни, никогда не позволяли себе в открытую разглядывать знатных леди, при том, что в здешних краях излишняя стыдливость не принадлежала к числу особо почитаемых добродетелей.

Но сейчас замок кишел незнакомыми Бланке солдатами, они даже занимали многие покои. Из уютного места жительства Хартворд превратился в огромную казарму. Еле отбившись пару раз от полупьяных ухажеров, она выбросила из головы мысль о самой возможности принимать здесь ванную.

В этом отношении в городской купальне было безопасно: порядок и некое подобие приличий тут охранялись двумя здоровенными банщиками. По древнему обычаю здесь мылись все скопом – юноши, девушки, мужчины и женщины, без малейшего конфуза плескаясь нагишом в большом бассейне.

Все помещение освещалось десятком толстых свечей, лишь едва рассеивавших сумрак. По краю водоема на локоть ниже уровня воды стояли каменные скамьи, на которых посетители сидели, попивая дешевое вино или пиво, обмениваясь шуточками на грани пристойности или откровенно флиртуя. Какая-то молодая парочка, расположившаяся за бассейном, в укромном уголке, с упоением целовалась, не замечая грозно приближавшуюся фигуру банщика: наверное, подумала Бланка, столь явные проявления чувств здесь не поощряются.

В замковой купальне все мылись обнаженными, а тут многие посетители были одеты. Но как! Бланка хмыкнула.

Мужчины обходились небольшими передниками, а женщин украшали длинные ожерелья на шее и узкие, в два пальца шириной, пояса. Эти пояса, концы которых свешивались спереди до колен, скреплялись внизу живота чем-то вроде небольших кожаных блях, расшитых бисером.

Забавно, подумала Бланка, искоса разглядывая одну привлекательной внешности девицу, которая, манерно опираясь на руку какого-то мужчины, вышла из бассейна, и тут же принялась подпоясываться этим подобием набедренной повязки, явно неспособным ничего скрыть. В конце концов Бланка решила, что это не одежда, а скорее украшение, призванное подчеркнуть достаток его обладательницы. Ничего похожего у Бланки с собой не было и, пожав плечами, она просто скинула с себя платье.

И уже через четверть часа, услышав несколько причмокиваний в свой адрес, и ругнувшись в ответ на предложение помочь помыться, она выбралась из бассейна, попутно оттолкнув чью-то услужливую руку, попытавшуюся помочь ей вылезти, ухватив за зад, и пообещала себе больше не ходить в подобные заведения.

Понятно, что это просто флирт, часть ритуала, думала она, стоя перед зеркалом, дело обычное и естественное, но она, наверное, умерла бы от смущения, если бы встретила там *его*.

Бланка придиричиво принялась разглядывать собственное лицо, как будто пытаясь увидеть его заново. Почти идеальное лицо. Большие карие, широко расставленные с золотинками глаза, обрамленные густыми ресницами, брови вразлет, высокие скулы, упрямый, быть может, немного длинноватый нос, точеные ноздри и чуть брезгливо изогнутые губы с едва заметными волосками над ними, доставлявшими ей столько неудовольствия. И роскошная темно-рыжая шевелюра, которую так трудно расчесывать по утрам. Если Алиенора с ее тоненькой фигуркой, алебастровой, как будто светящейся изнутри кожей и аристократичными чертами лица, на котором сияли слегка миндалевидные изумрудные глаза, походила на принцессу эльфов, то она... она была вполне земной женщиной. Одна воплощала собой изящество, а другая –

чувственность. Алиенора была белой розой, а она – темно-красной. Бархатным полураскрывшимся бутоном, на нежных лепестках которого сверкали капельки росы. Розой с шипами.

Какой-то далекий звук раздался во дворе засыпающего замка. Очнувшись, она вздрогнула и бросилась натягивать платье, расстраиваясь все больше и больше. Или, может быть, лучше остаться в прежнем наряде? А то в этом, домотканом, на нее никто и не взглянет. «О, боги, какая же я дура. Что я делаю, о чем думаю?!» Безмозглая смазливая кукла с пустым титулом и без приданого, приживала в чужом замке. Пожалуй, Алиенора первая укажет ей на дверь, стоит лишь заикнуться о том, что творится в ее бестолковой голове. Давай, топай обратно в свой Харлех, и ищи там женихов себе по рангу. О, свет, я сейчас умру от стыда. Ненавижу, ненавижу себя.

Ничуть не думая о боли, она пальцами затушила горящие свечи и, не закрыв за собой дверь, выбежала из опочивальни.

Глава 12. Из Хартворда

*Но, видит бог, излишняя забота –
Такое же проклятье стариков,
Как беззаботность – горе молодежи.
У. Шекспир. Гамлет*

Сразу после захода солнца все четверо вышли из дома Финна. По двое, чтобы не привлекать особого внимания, уговорившись встретиться тут же рядом, у городского колодца, чтобы дальше небольшой молодежной компанией продолжить путь к южным воротам. По Замковой улице изредка и неспешно прохаживались стражники сира Балдрика, наблюдая за порядком и готовясь к тушению огней. С наступлением ночи фонари обычно тушили во избежание пожаров, а наиболее пьяных или буйных прохожих останавливали и допрашивали о причинах своего пребывания на улице в столь неурочный час. Замок уже заперли, но город пока и не думал засыпать: влюбленные парочки прогуливались по полутемным улицам, припозднившиеся торговцы крепко запирали ставни своих лавок, кто-то спешил по домам, а в немногочисленных тавернах только еще начиналась разгульная ночь.

Прощаясь с домом, Гуго даже пустил фальшивую слезу, посетовав на то, что приходится покидать такой уютный уголок с мягкими креслами и неиссякаемыми запасами вина и колбас. Сборы были недолгими: молодые люди, не особо церемонясь, разобрали несколько шкафов с одеждой, выбрав ту, что могла подойти для путешествия. После некоторых колебаний они отказались от мысли надеть под верхнюю одежду кольчуги, имевшиеся в одном из сундуков в подвале, рассудив, что парни крестьянского вида, экипированные таким образом, при случае обязательно вызовут подозрения.

– Да и тяжела одежонка-то, – заметил Гуго.

По здравому размышлению они все же прихватили пару ножей и дубинки покрепче, решив, что другое оружие на улицах города будет слишком приметно.

Бланка с Гуго отправились к колодцу первыми, а немного времени спустя вышла Алиенора, опираясь на руку Эдмунда – пока она чувствовала себя не очень хорошо. На голову она накинула капюшон, чтобы скрыть уже почти незаметные следы синяков – мази Миртена творили чудеса.

Балдрик Одли, внимательно посмотрев на ее лицо, сжал губы.

– Бедная девочка, – тихо произнес он, взяв ее за руку. Какой-то невысказанный вопрос готов был сорваться с его языка, но он сдержался. – Я сделаю все, что смогу, – помолчав, добавил он. – Ты в порядке?

– Да, сир. – Алиенора слабо улыбнулась. – Ведь у меня есть брат.

Начальник стражи кивнул.

– Конечно. – И, повернувшись к Бланке с Гуго, уставился на них, пожевывая длинный ус. – У меня к вам пара вопросов. Ты, – он ткнул пальцем в Гуго, – ты можешь катиться на все четыре стороны. Если его светлость и леди Алиенора посчитают, что ты им нужен, я не против. Но леди Бланка... Ваш отец здесь, в замке, барышня, и по-хорошему надо бы спросить у него позволения.

– Но... – вскинулась Бланка.

Балдрик усмехнулся, подняв руку.

– Тише, юная леди. Я все понимаю. По всей видимости, мне придется взять это решение на себя. – Он глянул в сторону Джоша. – Сир Эдмунд?..

– Позвольте, я скажу, – Алиенора сделала шаг вперед. – По дороге мне не обойтись без женской помощи и, кроме того, Бланка – моя подруга. Вы понимаете, сир, что такое друг?

– Понимаю. Надеюсь, что и сир Равен поймет. – Балдрик обвел рукой пространство своего кабинета, куда заблаговременно принесли несколько скамей. – Присаживайтесь. До рассвета вам необходимо побыть здесь – отправляться в дорогу на ночь глядя неразумно. Я уже приготовил три походных мешка с едой и кое-какими мелочами. Надо будет собрать еще два – для леди Бланки и этого парня, которых я не считал, а поутру я выведу вас из города.

– Всего пять? – Эдмунд вопросительно поднял брови.

– Да. Я отправляю с вами моего сына Томаса. Он уже готов и ждет вас с лошадьми в пяти-шести милях на дороге к юго-востоку от Хартворда. Полагаю, вы не будете против, милорд?

– Нисколько. – Юноша широко улыбнулся. – Мы же друзья с детства. И это благодаря вам, сир.

– Вот и хорошо. Во-первых, вы его знаете, во-вторых, он умеет обращаться с оружием, а в-третьих, он более или менее знаком с прилегающими землями. Во всяком случае, ближнюю часть Восточного тракта он примерно себе представляет.

Балдрик помолчал.

– И еще одно: я не могу дать вам солдат. Большую часть моих людей забрал с собой граф Рутвен, да упокоится он в свете, а те, которые остались... – Рыцарь покачал головой. – Я хотел бы быть уверен в каждом человеке, который вас сопровождает. Вы читали письмо Миртена, милорд, и вы должны понять, что я имею в виду.

Эдмунд коротко кивнул.

– Кроме того, – продолжил Балдрик, – маленькому отряду легче при случае спрятаться. Ну, все, отдыхайте. А я должен еще отдать кое-какие распоряжения.

Рыцарь скрылся за маленькой дверцей в углу комнаты, а молодые люди расположились на скамьях, на каждой из которых были сложены пледы и подушки. Гуго устроился на одной, Бланка на другой, а Алиенора с Эдмундом – на третьей; она легла, положив голову ему на колени. Все молчали.

Один из стражников Балдрика, тот самый, который встретил Джоша минувшим днем у башни, на цыпочках отошел от входной двери и, стараясь не шуметь, спустился по каменным ступеням. Оказавшись на улице, он огляделся и быстрым шагом направился к замковым воротам.

* * *

На расстоянии примерно мили от южных ворот дорога раздваивалась или, вернее, рас-траивалась. Эдмунд всегда интересовался картами, проводя за их разглядыванием иногда по несколько часов кряду, но цельного представления о королевстве Корнваллис так и не получил. Те карты, которые ему без возражений предоставлял Миртен, чаще всего довольно старые, редко дополняли друг друга, и во многом друг другу противоречили. Исходя из того, что Эдмунд знал, Восточная дорога, невероятно петляя, выводила к морскому побережью с целой цепью портовых городов, из которых самым крупным считался Анеурин; дорога, ведшая на юго-восток, рано или поздно тоже выводила к побережью, и где-то там находился замок герцога Ллевеллина. Но, если, двигаясь по этому пути, повернуть на север, то путники попали бы на широкий тракт, ведущий к Лонхенбургу.

Самой же заброшенной и почти неприметной из всех трех дорог была юго-западная. Скорее даже не дорога, а просто прибитая пылью тропа, оканчивающаяся у Гриммельнского Вала. Все земли к югу и юго-западу от замка принадлежали графству Хартворд, с редкими сторожевыми отрядами и еще более редкими поселениями. Где-то там находилась деревня Диллин, ставшая почти шестнадцать лет назад вторым местом его рождения, а где-то и Харлех – родовое имение семейства Оргинов. Карт этой местности Эдмунд не видел никогда, и судя по рассказам наемников, время от времени выезжавших для патрулирования Вала, местность там

была безжизненна и жутковата, с пересохшими руслами рек, скалами и холмами, покрытыми жухлой растительностью. Жители тех деревень в основном пасли коз и что-то пытались выращивать, возделывая полумертвую землю. И, чем ближе к Валу, тем жарче в летние месяцы и холоднее зимой.

Дойдя до развилки, они, не останавливаясь, повернули на юго-восток; чуть дальше, судя по словам начальника стражи, их должен ожидать Томас Одли с тремя лошадьми; еще двух сир Балдрик вывел им непосредственно перед выходом из замка. Сейчас на одной из них ехала Алиенора. Она вряд ли смогла бы сейчас пройти долгий путь пешком, хотя самочувствие ее улучшалось буквально на глазах. Справа и слева от нее, держась за стремяна, шли Эдмунд и Бланка; последняя, сославшись на желание размять ноги, отказалась сесть на свободную лошадь. Эдмунд не стал настаивать, памятуя, с какой ловкостью эта юная особа карабкалась по крышам, когда они направлялись в подземелье. Гуго, насвистывая веселенький мотивчик, быстро шел в двадцати-тридцати шагах впереди.

Вокруг, насколько хватало взгляда, расстилались широкие холмистые поля, густо заросшие зеленью и цветами; первые солнечные лучи уже показались над горизонтом, обещаая жаркий безоблачный день. В полумиле впереди виднелся лес, куда, слегка заворачивая к югу, ныряла дорога. Без приключений миновав небольшой овражек с прозрачным ручейком, путники, не сговариваясь, одновременно остановились, обернувшись.

Стоявший на небольшой возвышенности замок был виден, как на ладони, и казался почти игрушечным. Восходящее солнце ярко освещало островерхую крышу донжона и над всем городом в легком утреннем тумане уже показались тоненькие струйки дыма, поднимавшиеся над домами. Хартворд готовился к началу нового дня.

*– Прощай, родимая земля,
И годы юности спокойной...*

– с чувством продекламировал Гуго, внезапно вынырнувший откуда-то из-за кустов. Он уже успел сплести себе венок из незабудок; в его зубах торчала зеленая тростинка. Вытащив руку из-под плаща, он извлек на свет еще два венка, которые, манерно поклонившись, преподнес обеим девушкам.

– Госпожа... Леди Бланка...

*Венки цветов,
Что с хартвордских полей,
Столь милых взору и душе...*

Эдмунд хмыкнул, с удивлением обнаружив в своем товарище поэтические наклонности; подруги, тоже развеселившись, тут же водрузили венки себе на головы.

– Спасибо, Гуго. – Алиенора легко пожала его руку, протянувшую цветы. – Хотя, мне кажется, у меня нет особого желания сюда возвращаться.

– Я вас понимаю, госпожа, – кивнул тот с серьезным видом. – Если бы со мной такое сотворили, я бы тоже сбежал за тридевять земель. Но за себя скажу, что последняя неделя была самой... удивительной в моей жизни. Мало того, что я теперь хожу в друзьях у самого графа Хартворда, – он отвесил шуточный поклон в сторону Эдмунда, – но я еще, да простят меня ваша светлость и миледи, познакомился с двумя самыми очаровательными девушками, которых видел в своей жизни. Видел-то давно, с самого детства вас помню, но мне никогда и в голову не приходило, что я смогу с вами разговаривать так запросто. Потрясающе.

– Да ты ловелас, Гуго, – улыбнулась Бланка. – Я так полагаю, оставил немало подружек в Хартворде?

Тот махнул рукой.

– Да нет, что вы, миледи. Ничего серьезного. Вот по Джошу, то есть, простите, по сирю Эдмунду, несколько девчонок сохли. Ой, кажется, я что-то не то говорю.

Обе девичьи головки, как по команде, повернулись в сторону Эдмунда.

– Глупости, – сердито процедил тот сквозь зубы. – Гуго, я тебе когда-нибудь язык оторву.

– Вот так всегда, миледи. Бывает, ляпнешь что-нибудь, а потом вдруг мысль в голову приходит: если говоришь то, что думаешь, думаешь ли ты? – Гуго пожал плечами, но, внешне посерьезнев, добавил: – Но на самом деле тоже ничего такого. Сохнуть-то сохли, но сир Эдмунд у нас твердокаменный. Он даже многие вечеринки пропускал, только для того, чтобы у Миртена за книжками посидеть. – Гуго хитро глянул на своего друга. – Ну, может целовался там пару раз... Вот-вот, смотрите – сейчас он меня убьет. Ну, ладно. Я побегу вперед, разведую, не видно ли мастера Томаса.

Алиенора задумалась, провожая взглядом фигуру Гуго, скрывающуюся в подлеске; затем легко дотронулась до плеча брата.

– Эд... – тихо сказала она, – твоя жизнь – это твоя жизнь, и я не имею права в нее вмешиваться. Но теперь ты должен помнить – в тебе течет кровь Даннидиров.

Эдмунд улыбнулся и погладил ее по руке.

– Я знаю. Не волнуйся за меня.

Бланка как-то непонятно исподлюбья глянула сначала на него, потом на свою подругу.

– Ладно. – Эдмунд решительно взялся за стремя. – Хватит глупостей. Нам надо поторопиться.

– Сюда, – словно услышав его слова, откликнулся из кустов Гуго, махнув рукой. – Том уже места себе не находит. Жаждался.

Он скрылся за деревьями; путники ускорили шаг. Солнце уже нещадно палило с небес, и лесная прохлада оказалась очень кстати. Подлесок, в который свернула дорога, очень быстро перешел в густой лес, сверкавший сочной зеленью. Здесь ночью прошел дождь; щебечущие пичужки, которых разыгравшаяся гроза загнала под темную сень деревьев, вновь принялись весело гоняться друг за другом. Не успевшие еще высохнуть дрожащие капли, примостившиеся на нежно-зеленых листочках, в преломлении ярких солнечных лучей казались драгоценными камнями. Срываясь с веток, они, поблескивая, летели вниз, где непременно попадали в раскрытую пасть какой-нибудь бородавчатой жабы, выползшей из своей грязной норы по случаю такого теплого денечка. Роса поблескивала на изумрудных стебельках травы, мягким ковром покрывавшей землю. Над целыми полянами цветов громко жужжали пчелы.

– О, свет, как тут красиво, – протянула Алиенора. – Я уж сто лет не гуляла по лесу...

– Красиво, только очень мокро... – Из-за деревьев показался Томас, закутанный в темный плащ. – Ваша светлость... Госпожа, – он сделал легкий поклон. – О-о, Бланка. Не ожидал тебя здесь встретить.

– Привет, Том. – Эдмунд горячо обнял своего товарища. – Да, мы, наверное, задержались немного. Долго прощались с Хартвордом. И еще: ты меня очень обяжешь, если будешь обходиться без «светлостей» и «милордов». Просто по имени, хорошо?

– Конечно, – улыбнулся тот. – Да так и привычной. Придется только с Джоша переучиваться. Пойдемте. В полусотне стридов отсюда наши лошади; надо их забрать, да выбираться поскорее из этого леса. А то я уж, извините, вымок здесь до нитки. Полночи дождь моросил.

Свернув с тропинки, они углубились в лес. Алиенора соскочила с седла и, что-то тихонько напевая под нос, принялась рвать цветы. Спустя всего несколько минут они вышли на большую поляну, где, разглядывая стреноженных лошадей, их уже ожидал Гуго.

Сир Балдрик предоставил им вполне подходящих скакунов: Эдмунд плохо разбирался в лошадях и даже сидел верхом всего-то пару-другую раз, потехи ради делая несколько кругов по внутреннему двору замка, но стать коней оценил сразу: вряд ли пригодные для быст-

рой скачки, каждый из них вполне мог выдержать продолжительное путешествие. Может, ему показалось, но он вновь заметил оценивающий и даже как будто насмешливый взгляд Бланки. Сама она, мельком оглядев животных, быстро выбрала стройную гнедую кобылу, без всякого труда вскочила на нее, и сейчас, склонившись к лошадиной шее и слегка ее поглаживая, что-то шептала в прядущее ухо. Какая девушка... Из чистого упрямства Эд остановил свой выбор высоком жеребце караковой масти, беспокойно перебиравшем ногами.

– Сир Эдмунд... Эд, – Томас легко тронул его за плечо и тихо продолжил, искоса поглядывая в сторону: – я так понимаю, ты не особенный мастер в верховой езде. Возьми лучше вон того бурого жеребца – он поспокойней будет. А то шлепнешься ненароком... А этого оставь мне или леди Алиеноре. Наши-то подружки с младенчества к лошадям приучены.

Эд облегченно вздохнул, с благодарностью глянув на своего товарища: хоть кто-то понимает его мученья. С лошадьми быстро разобрались; Гуго, которому было совершенно все равно, достался крепкий рыжий с подпалинами мерин – тот, на котором сюда ехала Алиенора. Сама она ловко сидела на мышастой в яблоках кобыле с черными гривой и хвостом.

– Прекрасно, – заявил Томас, гарцуя на том самом караковом скакуне, – поехали. Дотемна мы должны добраться до одной деревеньки, там можно устроиться на ночлег, если только у кого-то нет сильного желания поспать на траве, – хмыкнув, он закончил: – Вообще-то это очень большая деревня, называется «Длинная Лошадь».

Вся кавалькада неспешной рысью тронулась вслед за ним. Впереди Томас, на полкорпуса отстав от него – Бланка, за ними Эдмунд с Алиенорой, а в арьергарде – отчаянно чертыхавшийся Гуго, который ездил верхом даже значительно хуже своего друга.

– «Длинная Лошадь»? – Бланка приподняла одну бровь. – Какое забавное название. Почему так?

– Это просто одна старая легенда, сказка, – сказал Томас. – Если с солдатами пообщаться, да послушать еще разные байки в тавернах – голова кругом идет. Такие небылицы рассказывают...

– Расскажи, – потребовала Алиенора.

– Это старая история. Говорят, давным-давно, еще при Гарольде Добром, компания подвыпивших молодых людей из Кассе – это селение неподалеку отсюда – праздничным вечером шла на танцы в эту деревню; как тогда она называлась, не знаю. Дорога их шла через речку под названием Апенраде, через которую летом в некоторых местах можно перейти, не замочив колен.

Но парни-то, продолжил Томас, шли на танцы: все в нарядных штанах и начищенных до блеска сапогах, и никому не хотелось мочить их. Подойдя к реке, они обнаружили, что не могут ее перейти, даже по камням, поскольку из-за прошедших дождей она сильно разлилась. Оглядевшись по сторонам, молодые люди заметили стоящую у воды старую белую лошадь, которая пила из ручья; они решили взобраться на нее верхом и перебраться через реку. Когда двое юношей уселись на лошадь, то тот, что сидел сзади, внезапно обнаружил, что на ее спине еще есть место и для третьего. Когда взобрался третий, они решили, что уместится и четвертый. Они были уже навеселе, и всем это казалось невероятно забавным. Когда на лошадь взгромоздился четвертый, они принялись кричать, что и для последнего, пятого, здесь тоже найдется местечко. Пятый, однако, пришел в ужас: он никогда не видел столь странных длинных лошадей, и он принялся кричать своим товарищам, чтобы те слезили быстрее, поскольку здесь что-то не так. Но в тот момент эта невероятно удлинившаяся лошадь вскинула голову, заржала и помчалась прямо в реку; те, что сидели у нее на спине, то ли от страха, то ли от веселья принялись кричать. Последний пытался спрыгнуть, но обнаружил, что он как бы приклеился к лошадиному крупу и не может оторвать от него ни рук, ни ног. Он в страхе обернулся, и в то же мгновение лошадь, громко заржав, нырнула в глубокую заводь посреди Апенраде.

Тот пятый, стоявший на берегу, остолбенел от испуга. Спустя несколько минут в сгущающейся темноте он опять увидел белую лошадь, устало бредущую по берегу; и она была совершенно обычных размеров. Подойдя к воде, она наклонила голову и вновь принялась пить, как будто ожидая новых наездников. Последний оставшийся в живых сломя ноги бросился бежать обратно в свою деревню, а его четверых друзей никогда более не видели. Говорят, закончил Томас, что эту лошадь и поныне замечают на берегах этой реки, здесь, или в иных местах.

– Ужас, – сказала Алиенора. – Хорошо, что это всего лишь сказка.

– Ну, не знаю, – послышался сзади голос Гуго. – Деревня-то так и называется – Длинная Лошадь, а раньше, как видно, по-другому именовалась. Просто так не стали бы такое странное название давать. Да и я, между прочим, еще месяц назад думал, что дхарги – это тоже выдумки. И про лошадь я понял – не лошадь это, а *матолух*, водяной исбри. Они в кого хочешь могут превратиться, и людей хватают и в пучину утаскивают.

– Бррр... – сказала Бланка, – действительно страшно.

– Смотрите, – вдруг произнес Томас.

Вся кавалькада остановилась на пригорке. Вдалеке внизу, в зеленой долине, в лучах заходящего солнца виднелось большое селение, окруженное полями и яблоневыми рощами; изгибаясь, как змея, мимо протекала извилистая речка с широкими заводьями.

– Это Апенраде, – сказал Томас.

– У всех все с лошадьми в порядке? – весело спросил Гуго.

Засмеявшись, молодые люди пустили своих коней вниз по крутому спуску.

Глава 13. «Длинная Лошадь»

На безоблачном темно-синем небосклоне звезды выстраивались в причудливый узор. Созвездие Анеррильон с его девятью сверкающими точками висело почти над головой. Оно было самым ярким и самым красивым; белые мерцающие огни, расположившиеся в причудливом порядке, и в совокупности с мириадами мельчайших блесков звездной пыли удивительным образом складывались в некое подобие гигантской лошади. Обладая небольшой толикой воображения, можно было даже заметить, что передняя ее нога горделиво согнута, а голова как будто смотрит вдаль. Десятки других созвездий покрывали небо: созвездие Крысы из доброй дюжины голубоватых звезд, огромный Человек с Топором, нога которого пряталась на востоке за горизонтом; созвездие Тринадцати Дев, непонятным образом состоявшее всего из пяти маленьких зеленых точек, созвездие Голова Леоноры, в котором человеку с большим воображением удалось бы, наверное, узнать женскую голову с копной волос, и множество других, и над всем этим в северной части неба сияла жемчужным светом звезда Анорунт, окруженная тремя своими более мелкими собратьями.

Но даже не все это холодное сверкающее великолепие в первую очередь обратило на себя внимание путников.

Длинная Лошадь вся горела огнями. Желтоватыми огнями множества свечей, свет которых лился через открытые окна, красными всполохами факелов, многоцветными фейерверками и маленькими точками фонарей.

– Я, кажется, знаю, – произнес Эдмунд. – На исходе лета в южных селениях празднуют Аонгусову ночь, и в это время всегда зажигают такое большое количество огней, какое только возможно.

– Какую ночь? Первый раз слышим. – Головы его спутников с интересом повернулись в его сторону.

– Это я в одной старой книжке из библиотеки Миртена вычитал. Аонгус – это древний бог или полубог из тех времен, когда Корнваллиса еще и в помине не существовало, а здесь жили совсем другие народы.

– Бог чего? – спросила Алиенора.

– Любви. Его мать Боанн, супруга Отца всех богов, изменила мужу, как это не странно, с каким-то речным существом, вроде ундины, но только мужского пола. Как ундины-русалки заманивают юношей в глубокие заводы, так и эти существа охотятся за прекрасными девушками. От этой связи и родился Аонгус, которого Отец богов изгнал с небес и, как говорят, который с тех пор живет где-то в лесах и реках. И, кажется, он даже не вполне человек, а нечто среднее между человеком и каким-то животным, а вместо волос на голове и теле у него растут цветы, и каждый, кто без дела их губит или срывает, наносит боль Аонгусу.

– Так вот почему женщины любят все эти ромашки да лютики. Любо-овь, – протянул Гуго. – Забавно. Никогда не слышал ни о каком Аонгусе, или как его там.

– Мало кто слышал, – закончил Эдмунд. – Миртен рассказывал, что с тех пор, как построили Вал, всякие существа вроде русалок и всех им подобных, стали считаться за порождения темных сил, и все праздники и обычаи, связанные с почитанием этой нечисти, стали преследоваться или сами по себе сошли на нет. Так что, я думаю, такого рода забавы можно сейчас увидеть только где-нибудь подальше от сиятельных лордов да крупных городов.

– Праздник бога любви, – задумчиво произнесла Алиенора. – Интересно, и как же он проходит?

Эдмунд пожал плечами.

– Про это в книгах не пишут. Я знаю только то, кто такой этот Аонгус.

– Можно предположить, – фыркнул Гуго, – не случайно, наверное, осенью больше всего свадеб празднуют...

– Я знаю, – сказал Томас, – я уже видел нечто подобное, правда, не здесь, а в какой-то маленькой деревне, но я не знал, что это как-то связано с этим самым Аонгусом. На самом деле, Гуго, ничего такого. Просто разные обряды, песни, иногда смешные состязания между юношами и девушками. А Длинная Лошадь – это очень большая деревня, наверное, именно поэтому сюда народ с окрестных селений и собирается. В общем, как на любом другом празднике: столы, бочки выпивки и горы еды, а еще всякие гадания и танцы. Мы, по-моему, попадем туда в самый разгар.

За этими разговорами друзья по каменистому мелководью неспешно пересекли Апенраде, едва замочив лошадиные запястья и, взобравшись на пологий берег, ступили на Северный тракт, уходящий налево – в сторону Лонхенбурга, и прямо на восток – в саму деревню.

Эдмунд с интересом крутил головой. Помнится, в прошлой своей жизни он, разглядывая старые карты, мечтал о том, что когда-нибудь увидит эти места воочию.

Тракт был древен, как сам Корнваллис: широкий, чуть ли не в десять шагов, так что две подводы легко могли здесь разминуться, не съезжая на обочины, и – что особенно удивительно, – мощный крупным булыжником, уже изрядно стершимся. Эту дорогу начали строить еще при Мередиdde Уриене, знаменитом собирателе королевства, который почти всю жизнь провел в седле, разъезжая туда и обратно по делам военным и посольским. Тракт тянулся на север на сотни миль, петляя из стороны в сторону, так или иначе проходя в близости от границ крупнейших владений.

С течением времени дорога обросла деревнями, замками, монастырями и городами, хотя Лонхенбург по-прежнему оставался самым большим из них. Если поторопиться, можно было доехать до столицы менее чем за две недели, а миновав королевские земли, достичь самого северного города королевства – Эйлен-Донана. Дальше тракт терялся, и что находилось за Эйлен-Донаном, могли предположить только его обитатели: там простирались болота, горы и непроходимые леса, в которых, как поговаривали, до сих пор обитали странные и страшные племена, оставшиеся непокоренными за все эти сотни лет. Рассказывали, что тамошние обитатели сродни ограм: огромные, в полтора человеческого роста, носившие шкуры и передвигавшиеся верхом на гигантских волосатых животных, у которых рога росли прямо изо рта.

В южном направлении Северный тракт, дотянувшись до реки Апенраде, круто поворачивал на восток, к Длинной Лошади. Причиной тому был огромный овраг, называемый Гриммельнским, почти пропасть, в который сверкающим водопадом низвергалась Апенраде; по ту сторону оврага виднелся густой лес, покрывавший горы и расстилавшийся до самого Вала. Овраг этот тянулся на восток до моря Арит, превращаясь в самый настоящий фьорд, в который на добрый десяток миль вглубь могли заходить даже самые крупные корабли.

Сейчас дорога шла всего в полутора-двух милях от края этой пропасти; в давние времена, во время постройки тракта, овраг находился намного дальше, но ветер и вода мало-помалу делали свое дело, обрушивая его края. Через какое-то время, наверное, Гриммельн грозил поглотить и саму дорогу, но пока между ними лежали крестьянские надель с какими-то низкорослыми деревьями.

Выбравшись на дорогу, друзья оказались не более чем в нескольких сотнях шагов от Длинной Лошади; поля расстилались не только справа до обрыва, но и слева от тракта; по эту сторону, насколько позволяла рассмотреть сгущающаяся темнота, засаженные подсолнухами. Сама деревня, что было большой редкостью, оказалась окружена стеной – высоким, в два человеческого роста, частоколом из грубо отесанных и заостренных вверху бревен; внутри вели обитые железом ворота.

Они были широко распахнуты, и изнутри слышались звуки музыки и пьяные крики. Перед воротами стоял на страже толстенький мужичок с алебардой в руках и в кожаном шлеме,

составлявшими единственные предметы его вооружения. Привалившись плечом к створке, он гораздо больше интересовался происходившим по ту сторону частокола, чем прибывающими гостями. Заслышав стук копыт, он лениво обернулся, и тотчас попытался принять воинственный вид: крестьяне с окрестных деревень никогда не приезжали верхом, и уж точно без оружия. Впрочем, мужичок и не подумал запирать ворота: долгие годы безопасности сделали свое дело, и безмятежное выражение его лица ясно говорило, что само наличие стражника возле ворот – это не более чем обычай.

– Приветствую вас, гости, – провозгласил он сиплым голосом, – по делу или увеселения ради?

– Проездом, добрый человек. – Томас подъехал поближе и, нагнувшись, вложил ему в ладонь мелкую серебряную монету. – Не подскажешь ли, где уставшие путники могут найти пристанище на ночь?

Стражник, оставшись очень довольным неожиданным подношением, махнул рукой в сторону ворот.

– Прямо туда, добрые люди, не заблудитесь. По этой улице шагов триста, а там городская площадь (друзья переглянулись: надо же, он называет Длинную Лошадь городом), прямо на ней двухэтажная гостиница, «Два короля» называется. Она недешева, но у таких богатых господ, я думаю, денег хватит. Милости просим, – крикнул он уже им в спину, – и не забудьте посетить наш праздник. Весь город нынче гуляет! И скажите Гарвену – это хозяин гостиницы, что это я вас к нему прислал! Ифор меня зовут...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.